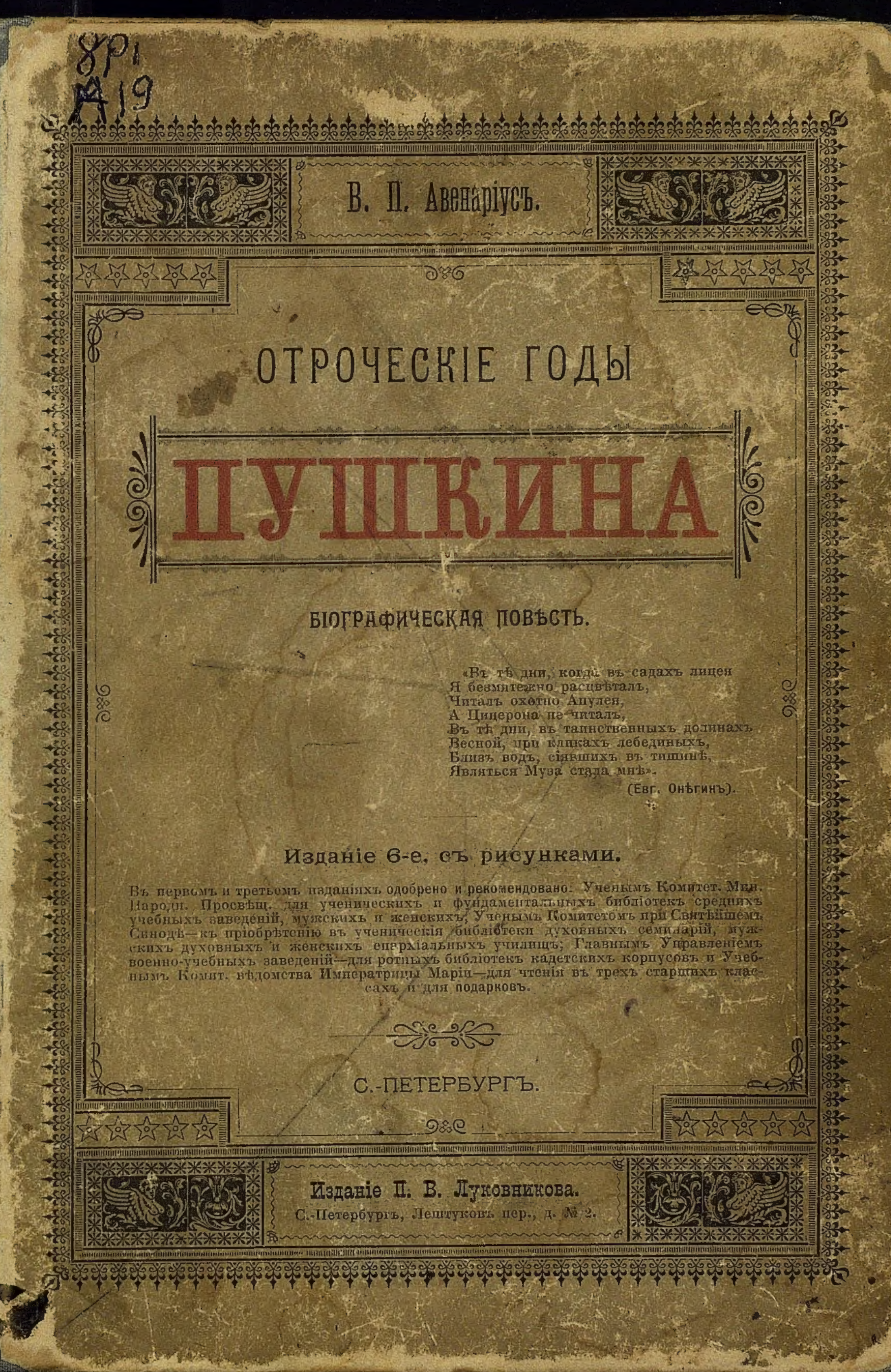

В. П. Авенаріусъ.

ОТРОЧЕСКІЕ ГОДЫ ПУШКИНА

БІОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

«Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ».

(Евг. Онѣгинъ).

Изданіе 6-е, съ рисунками.

Въ первомъ и третьемъ изданіяхъ одобрено и рекомендовано: Ученымъ Комитет. Мин. Народн. Просвѣщ. для ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ; Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—къ пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ; Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній—для ротныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ и Ученымъ Комит. вѣдомства Императрицы Маріи—для чтенія въ трехъ старшихъ классахъ и для подарковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе П. В. Луковникова.
С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., д. № 2.

Александръ Сергѣевичъ

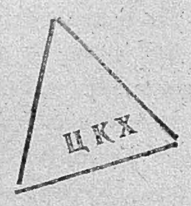
ПУШКИНЪ.

ОТРОЧЕСКІЕ ГОДЫ

ПУШКИНА.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

В. П. Авенаріуса.

«Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ».

(Евг. Онѣгинъ.)

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

Съ 8-ю рисунками и портретомъ Пушкина.

Въ первомъ и третьемъ изданіяхъ одобрено и рекомендовано: Ученымъ Комитет. Мин. Народн. Просвѣщ. для ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—къ пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ; Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній—для ротныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ, и Учебнымъ Комит. вѣдомства Императрицы Маріи—для чтенія въ трехъ старшихъ классахъ и для подарковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова.
Лештуковъ переулокъ., д. № 2—80.

Типографія М. Меркушева. Спб., Невскій, 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Рисунки.

ГЛАВА I.

Поэтъ-дядя и поэтъ-племянникъ.

„Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ Музами сосваталъ".

(Посланіе къ Дельвигу.)

„Ты, бѣсенокъ, еще молоденекъ,
Со мною тягаться слабенекъ!"

(Сказка о купцѣ Остолопѣ.)

Въ необычную пору дня, въ 9-мъ часу утра, 12-го августа 1811 года, по Невскому проспекту, усаженному еще въ то время четырьмя рядами тощихъ липъ, катился щегольской фаэтонъ. Маленькій груммъ въ парадной ливреѣ сидѣлъ сзади, на возвышенныхъ запяткахъ, со скрещенными на груди руками, потому что экипажемъ правилъ самъ владѣлецъ его, молодой еще человѣкъ, лѣтъ 26-ти. Полное и красивое лицо его дышало душевнымъ благородствомъ и неподдѣльною добротой. Въ быстрыхъ глазахъ его свѣтился живой, пытливый умъ.

То былъ общій любимецъ высшаго круга Петербурга и Москвы, Александръ Ивановичъ Тургеневъ *). Лично хорошо извѣстный всему Царскому Дому, онъ, благодаря своему блестящему образованію, своимъ рѣдкимъ способностямъ и душевнымъ качествамъ, шелъ быстро въ гору и, уже годъ тому назадъ, занялъ высокій постъ директора департамента духовныхъ исповѣданій. Но этотъ баловень судьбы, казалось, заботился не столько о собственной своей карьерѣ, которая устраивалась какъ-бы сама собою, сколько о судьбѣ близкихъ ему людей, которые, безъ его поддержки, не пробили бы себѣ, быть можетъ, дороги къ жизни.

Такъ и сегодня, несмотря на свою природную тучность и склонность къ пуховикамъ, онъ нарочно поднялся такъ рано изъ-за 12-тилѣтняго мальчугана, судьбу котораго взялъ въ свои руки. Въ Царскомъ Селѣ должно было открыться на-дняхъ привилегированное учебное заведеніе совершенно новаго образца, именно—лицей, куда московскій пріятель Тургенева, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, во что бы то ни стало, желалъ опредѣлить своего старшаго подростка-сына Александра. По особенной только протекціи Тургенева мальчикъ былъ занесенъ въ списокъ кандидатовъ въ лицей; самъ же Тургеневъ привезъ его изъ Москвы, а теперь ѣхалъ напомнить, что сегодня предстоитъ пріемный экзаменъ, потому что какъ было положиться на маленькаго вѣтреника? Какъ было положиться и на дядю его, Василья Львовича Пушкина, пріѣхавшаго также вмѣстѣ съ нимъ изъ Москвы?

---

*) Родственникъ нашего знаменитаго писателя И. С. Тургенева.

Тотъ, какъ стихотворецъ, виталъ, обыкновенно, въ заоблачномъ мірѣ, а теперь, ктому же, весь былъ поглощенъ однимъ литературнымъ споромъ. Дѣло въ томъ, что въ одномъ посланіи къ другу своему, Жуковскому, онъ имѣлъ неосторожность похвалиться знаніемъ древней литературы:

„Виргилій и Омиръ, Софоклъ и Эврипидъ,
Горацій, Ювеналъ, Саллюстій, Ѳукидидъ
Знакомы стали намъ...“

На это прежній другъ, а теперь заклятый журнальный врагъ его, президентъ академіи наукъ Шишковъ, позволилъ себѣ, въ полномъ собраніи академіи, заявить, что есть-де „стихотворцы, которые взываютъ къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ, Ювеналамъ, Саллюстіямъ, Ѳукидидамъ, затвердя только имена ихъ, и—что̀ всего удивительнѣе—научась благонравію и знаніямъ въ парижскихъ переулкахъ“.

Василій Львовичъ Пушкинъ, особенно гордившійся своимъ французскимъ воспитаніемъ и личнымъ знакомствомъ съ французскими писателями, былъ до глубины души возмущенъ этимъ брошеннымъ въ него незаслуженнымъ комомъ грязи. Надо было дочиста смыть позорное пятно! И вотъ, сопровождая племянника въ Петербургъ, онъ, въ продолженіе всего пути, придумывалъ новое „посланіе“ къ третьему другу—Дашкову, а прибывъ на мѣсто, усердно занялся печатаніемъ, въ лучшей тогда петербургской типографіи Шнора, отдѣльной брошюры обоихъ посланій: къ Жуковскому и Дашкову.

Тургеневъ былъ почти увѣренъ, что застанетъ поэта за его брошюрой,—и не ошибся.

Василій Львовичъ, коренной москвичъ, занималъ въ Петербургѣ временную квартиру въ небольшомъ каменномъ домѣ на Мойкѣ. Свернувъ туда у Полицейскаго моста, Тургеневъ остановился у подъѣзда своего пріятеля, бросилъ поводья грумму, съ легкостью юноши, несмотря на свою полноту, спрыгнулъ на панель и съ тою-же легкостью взбѣжалъ по лѣстницѣ во второй этажъ. Когда онъ вошелъ въ первую изъ трехъ комнатъ Василья Львовича, служившую и пріемной, и столовой, и уборной, то увидѣлъ именно ту картину, которую ожидалъ.

Самъ Василій Львовичъ, невысокаго роста, полный и рыхлый мужчина среднихъ лѣтъ, сидѣлъ передъ простѣночнымъ зеркаломъ, съ пудермантелемъ на плечахъ. Безотлучный старикъ-камердинеръ его, Игнатій, юлилъ около него съ дымящимися щипцами. Вся голова барина была уже въ искусныхъ завиткахъ; оставалось только прижечь надъ высокимъ челомъ верхнюю буклю. Но едва Игнатій успѣлъ захватить щипцами послѣднюю прядь волосъ на барской макушкѣ, какъ Василій Львовичъ наклонился опять надъ подзеркальнымъ столикомъ, чтобы исправить краснымъ карандашемъ типографскую опечатку на корректурномъ листѣ, который онъ держалъ въ рукахъ.

— Да я васъ, сударь, ей-богу-же, прижгу!..—проворчалъ Игнатій, успѣвъ еще во-время отдернуть руку при внезапномъ движеніи барина.

— Только смѣй!—отозвался поэтъ и, окончивъ поправку, распустилъ опять передъ собой корректурный листъ.

— Все еще за корректурой?—спросилъ, по обычаю

того времени, по-французски Тургеневъ, подходя къ пріятелю съ насмѣшливо-добродушной улыбкой.

— Все за корректурой! — былъ французскій же отвѣтъ.

Но при этомъ Василій Львовичъ такъ неожиданно вспрянулъ съ мѣста, что камердинеръ, несмотря на привычку къ парикмахерскому дѣлу, дернулъ-таки его шипцами за прижигаемый клокъ. Баринъ испустилъ болѣзненный вопль.

— Сами виноваты-съ, — оправдывался Игнатій.— Благо бы дѣломъ занимались, а то нѣтъ, все, вишь, проклятые эти стихи...

— Ужъ ты-то, братецъ, сдѣлай милость, не разсуждай! Ну, что ты въ стихахъ смыслишь?—говорилъ баринъ-стихотворецъ, важно расхаживая взадъ и впередъ въ пудермантелѣ, какъ въ римской тогѣ, съ корректурнымъ листомъ въ рукахъ.—О, я ему этого такъ не спущу! Запляшетъ онъ у меня!

— Да за что же-съ, сударь? На старости-то лѣтъ?

— Не о тебѣ рѣчь!—отмахнулся листомъ Василій Львовичъ.

— А то о комъ же-съ?

— О томъ, кому я готовлю сію позлащенную пилюлю!

— Хоть убейте, въ толкъ не возьму,—твердилъ Игнатій, бѣгая съ щипцами по комнатѣ слѣдомъ за бариномъ.—Маленечко бы вамъ, сударь, только еще присѣсть... по вискамъ бы пройтись...

— И такъ безподобенъ!—рѣшилъ Тургеневъ, безъ дальнихъ околичностей срывая съ плечъ пріятеля бѣлую тогу.—Подай-ка теперь живѣе барину одѣваться.

А что, племянникъ твой готовъ?—спросилъ онъ Василья Львовича.

— Несомнѣнно,—отвѣчалъ тотъ, съ достоинствомъ продѣвая руки въ поданный ему камердинеромъ фракъ.

Коротенькій, по тогдашней модѣ, съ коротенькими же фалдами, небесно-голубого цвѣта фракъ плотно облегалъ его небольшое пузатое тѣльце. Туго накрахмаленное, острое жабо крѣпко упиралось въ свѣжевыбритыя, лоснящіяся щеки. Богатая вышивка сорочки такъ и выпячивалась изъ-подъ молочно-желтой пикейной жилетки, по которой вилась и блестѣла змѣйкой, вывезенная самимъ Васильемъ Львовичемъ изъ Парижа, тоненькая золотая цѣпочка; съ цѣпочки же свѣшивался цѣлый арсеналъ дорогихъ бирюлекъ, брявцавшихъ, при всякомъ движеніи, по колыхающемуся брюшку.

— Хоть сейчасъ на балъ!—сказалъ Тургеневъ и, взявъ пріятеля подъ-руку, вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ спальню его племянника—Пушкина, въ то время еще не знаменитаго Александра Сергѣевича, а просто—шалуна Александра.

Вошли они — да такъ и остолбенѣли въ дверяхъ. Александръ и не думалъ еще вставать съ постели. Но онъ не спалъ. Выпроставъ руки изъ-подъ одѣяла, онъ гусинымъ перомъ усердно царапалъ что-то на четвертушкѣ бумаги, которая лежала около его изголовья, на краю постели.

— Хорошъ мальчикъ, нечего сказать!—произнесъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Василій Львовичъ, стараясь придать своему голосу возможную строгость. (Весь слѣдующій разговоръ, какъ и предыдущій, про-

Поэтъ-дядя и поэтъ-племянникъ.

исходилъ въ перемежку то по-русски, то по-французски.)

Услыхавъ слова дяди, молодой Пушкинъ очнулся и быстро сунулъ бумажку и перо подъ подушку.

— Напрасно трудишься, милый мой: улика на лицо, — продолжалъ Василій Львовичъ, указывая на чернильницу, стоявшую на стулѣ около изголовья.

— А главное — непрактично, — добавилъ Тургеневъ:—чернила съ подушки едва ли смоются.

— Смоются!—засмѣялся въ отвѣтъ мальчикъ.—Но знаете что, Александръ Ивановичъ: если стихъ разъ засѣлъ гвоздемъ въ головѣ...

— То надо его и увѣковѣчить, хотя бы Дамокловъ мечъ висѣлъ надъ головой!—тѣмъ-же шутливымъ тономъ досказалъ Тургеневъ. — Бралъ бы примѣръ съ дяди: тотъ ныньче хоть бы пальцемъ прикоснулся къ своей корректурѣ.

Василій Львовичъ неодобрительно покосился на пріятеля, а Александръ, понявъ шутку, звонко расхохотался. При этомъ довольно некрасивое, смуглое лицо его африканскаго типа, обрамленное курчавыми бѣлокурыми волосами *), разомъ преобразилось: слегка вздернутыя губы открыли рядъ бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ и сложились въ плутоватую премилую усмѣшку, а быстрые, умные глаза, подъ темною дугою бровей, такъ и заискрились. Невзрачный на первый взглядъ мальчикъ обратился чуть не въ красавца.

Въ отвѣтъ на неделикатный смѣхъ племянника Василій Львовичъ только пожалъ плечами и, доставъ

*) Волосы А. С. Пушкина стали темнѣть только съ 17-тилѣтняго возраста.

изъ кармана серебряную съ финифтью табакерку, взялъ кончиками пальцевъ щепотку табаку.

— Да вѣдь я, дядя, по вашимъ же стопамъ...—началъ Александръ.

— Т.-е. куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней?—съ достоинствомъ отозвался дядя и, не спѣша, угостилъ табакомъ свой крупный, загнутый на одну сторону носъ.—Тягаться съ дядей не тебѣ, молокососу. Заслуги мои на россійскомъ Парнасѣ изрядно извѣстны. Поэма моя въ несчетныхъ спискахъ ходитъ изъ конца въ конецъ по всей матушкѣ-Россіи. Посланія мои, басни, экспромты всѣми и каждымъ заучиваются наизустъ. А почему? — Потому, что до такой тонкой сатиры, какъ моя, не дошелъ ни Крыловъ, ни даже достоуважаемый нашъ другъ-поэтъ и министръ Иванъ Ивановичъ *).

„Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ быть,
Осмѣлился глупцамъ я правду говорить,
Осмѣлился сказать хорошими стихами,
Что авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
Останется всегда невѣждой и глупцомъ;
Я злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ!“ **).

Убилъ наповалъ, какъ вы, друзья мои, сейчасъ и убѣдитесь. Эй, Игнатій!

Изъ дверей столовой высунулась сѣдовласая голова Игнатія.

— Самоваръ, сударь, поданъ.

---

*) Василій Львовичъ разумѣлъ извѣстнаго въ то время писателя И. И. Дмитріева, который, съ 1810 по 1814 г., былъ и министромъ юстиціи.

) Изъ посланія В. Л. Пушкина къ *.

— Дѣло теперь не въ самоварѣ! Подай-ка-ка сюда корректуру.

— Я отдалъ ее сейчасъ разсыльному.

— Врешь вѣдь?

— Зачѣмъ мнѣ врать? Пожалуйте, сударь, чай заварить. Всегда за разговоромъ забудете...

И голова Игнатья уже скрылась за дверью.

— Вретъ! ей-богу, вретъ,—вполголоса замѣтилъ Василій Львовичъ.—Ну, да Господь съ нимъ! Итакъ припомнимъ. Вниманія, государи мои!

Онъ картинно отставилъ ногу, выпятилъ грудь, простеръ впередъ правую руку и готовъ былъ уже продолжать декламировать; но Тургеневъ взглянулъ на часы и остановилъ его за руку.

— Уже половина девятаго, душа моя. А въ десять вѣдь экзаменъ.

— Первая перекличка. Ты выслушай только пару строфъ. Шишковъ, какъ знаешь, укорялъ меня въ томъ, что Парижъ я знаю, будто-бы, только по закоулкамъ. Ха! А я ему вотъ что̀ на это:

«Не улицы однѣ, не площади, не домы,—
Сенъ-Пьеръ, Делилль, Фонтанъ мнѣ были тамъ знакомы:
Они свидѣтели, что я въ землѣ чужой
Гордился русскимъ быть и русскій былъ прямой...»

— И такъ далѣе,—прервалъ Тургеневъ.—Я это ужъ слышалъ.

— Нѣтъ, ужъ извини. До сихъ поръ никто еще не удостоился...

— Ну, такъ что-нибудь въ томъ-же родѣ.

— Да, это легкое подражаніе,—неосторожно ввернулъ маленькій Александръ.

— Подражаніе?!—вскинулся на него дядя.—Кому?

— Да я только такъ, дяденька... Можетъ быть, это случайное совпаденіе: великіе умы сходятся...

— Нѣтъ, голубчикъ, не отвиливай! Говори: кому я подражалъ? ну!

— Если вы, дядя, ужъ непремѣнно требуете... Помните, у Фонвизина, въ его „Посланіи къ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“, сказано:

„Москва и Петербургъ довольно мнѣ знакомы;
Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и домы...“

Далѣе продолжать ему ужъ не пришлось. Задѣтый за живое, маститый стихотворецъ поймалъ племянника за ухо и приподнялъ его такъ съ кровати. Но тотъ, какъ былъ—неодѣтый, необутый, тутъ же бросился къ дядѣ, обвилъ его руками и вихремъ закружился съ нимъ по комнатѣ, напѣвая модный въ то время вальсъ.

— Оставь!.. сумасшедшій!...—пыхтѣлъ Василій Львовичъ, тщательно выбиваясь изъ цѣпкихъ объятій шалуна.

— А сердиться не будете?—спрашивалъ на-лету племянникъ.

— Не буду... отпусти только душу на покаянье!

Александръ розынялъ руки,—и толстякъ мѣшкомъ повалился въ ближнее кресло.

— Уфъ! совсѣмъ измучилъ, злодѣй... И табакъ-то просыпалъ... и сорочку измялъ...

— Новую надѣнете.

— Ну, да, какъ-же! А вотъ тебѣ такъ, въ самомъ дѣлѣ, пора одѣваться.

— Да, Александръ, поторопись,—подтвердилъ Тургеневъ,—а то какъ-разъ опоздаешь.

Александръ безпрекословно принялся за свой туалетъ.

— А поэта изъ тебя все-таки никогда не выйдетъ!—послѣднимъ залпомъ выпалилъ въ него дядя.

— Только еще не признанъ, какъ вы,—отшутился мальчикъ.—У васъ, говорите вы, есть своя поэма? И у меня есть своя: „La Toliade.“

— За которую тебѣ учитель Русло уши надралъ?

— Изъ зависти, дядя, чисто изъ зависти, потому что стихи мои были лучше его стиховъ. Но чего у васъ нѣтъ, а у меня есть,—это знаменитая комедія: „L'escamoteur“, которую я самъ же и представлялъ.

— И которую единственная твоя публика—сестрица твоя Оля—нещадно освистала?

— Нѣтъ, Василій Львовичъ,—вмѣшался тутъ Тургеневъ:—ты, право, слишкомъ требователенъ. Отъ 12-тилѣтняго мальчика развѣ можно ожидать безсмертныхъ произведеній? Но стихи Александра хоть куда.

— Да какіе стихи?—французскіе; а кто же теперь не пишетъ гладкихъ французскихъ стиховъ?

— Нѣтъ, въ немъ горитъ, кажется, и настоящій поэтическій огонекъ. Я какъ теперь вижу такую картину: самъ ты, Василій Львовичъ, взмостился на стулъ среди зала и вдохновенно декламируешь что-то. Со всѣхъ сторонъ плотно обступили тебя взрослые слушатели; а къ самому стулу твоему прижался вотъ этотъ мальчуганъ и, блѣдный, взволнованный, не смѣя дохнуть, глазъ съ тебя не сводитъ, ловитъ каждое твое слово...

Отъ такой поддержки со стороны неизмѣннаго его защитника—Тургенева, щеки мальчика вспыхнули, глаза заблистали.

— Да, есть люди, которые и теперь признаютъ въ моихъ сочиненіяхъ нѣкоторый талантъ!—не безъ гордости заявилъ онъ.

— Вотъ какъ! — усмѣхнулся дядя, — Кто-жъ эти цѣнители? Такіе же малолѣтки?

— Нѣтъ, взрослые... барышни...

— А! барышни. Да, дѣйствительно, это первые судьи. Кто же именно?

— Да всѣ наши московскія знакомыя... Помните, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы, мы съ вами провели послѣдній вечеръ у Воронцовыхъ? Ну, такъ вотъ всѣ барышни, что̀ были тамъ, окружили меня и стали наперерывъ просить написать каждой изъ нихъ въ альбомъ хоть какой-нибудь стишокъ.

— И ты написалъ?

— Написалъ.

— Каждой?

— Каждой.

— Поздравляю—только не ихъ. Впрочемъ, до сихъ поръ ты пишешь однѣ французскія вирши; поэтому, каковы бы онѣ ни были, русскаго стихотворца изъ тебя никогда не выйдетъ.

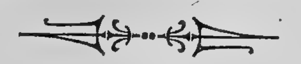
— А вотъ увидимъ! Хотите, дядя, объ закладъ побиться?

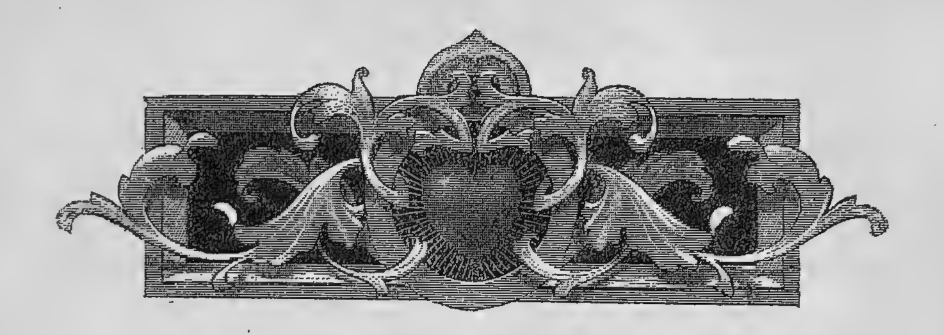
— Поди ты съ своимъ закладомъ! Однако, ты никакъ и одѣлся, и умылся? Идемъ же теперь чай пить. И ты, Александръ Иванычъ, конечно, не откажешься отъ стаканчика?

Тургеневъ взялся за шляпу.

— Спасибо, братъ,—сказалъ онъ,—я дома ужъ напился. Смотрите, господа, не замѣшкайтесь. Ужо заѣду узнать о результатѣ.

И добрый геній своихъ друзей и знакомыхъ исчезъ, чтобы летѣть далѣе—благодѣтельствовать другимъ.

ГЛАВА II.

Въ ожиданіи экзамена.

„Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ“.

(Полтава).

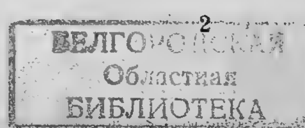
Пріемный экзаменъ долженъ былъ происходить на квартирѣ министра народнаго просвѣщенія, графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. Пробило уже девять, когда Пушкины, дядя и племянникъ, снимали свое верхнее платье въ швейцарской министра.

— Ну, что, мой другъ, каково тебѣ?—спросилъ Василій Львовичъ, полузаботливо, полушутливо заглядывая въ лицо племянника.—Забила, чай, боевая лихорадка?

— Ничуть,—отвѣчалъ тотъ, отворачиваясь.

— А что же ты такъ ежишься? Дай-ка сюда руку—пульсъ пощупать.

— Ахъ, перестаньте, дядя!.. Пойдемте...

— Ага! знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

Они стали подниматься по широкой, устланной краснымъ ковромъ, лѣстницѣ съ колоннадами. На первой же площадкѣ попалась имъ небольшая группа: присѣвшій отдохнуть на высокій ясеневый стулъ, бѣлый, какъ лунь, старичекъ-адмиралъ, а подлѣ него два мальчика въ какой-то полукадетской формѣ—въ черныхъ курткахъ со стоячими воротниками и съ металлическими пуговицами. Взоры обоихъ кадетиковъ были устремлены на приближавшагося къ нимъ Александра, и онъ, съ непривычной ему застѣнчивостью, отвелъ въ сторону глаза и прошмыгнулъ мимо. Но на поворотѣ лѣстницы до него явственно донеслось снизу: „Тоже, видно, экзаменоваться идетъ",—и онъ оглянулся; глаза его встрѣтились съ глазами одного изъ мальчиковъ. Оба они смущенно улыбнулись, и Пушкинъ ускореннымъ шагомъ, почти бѣгомъ сталъ опять подниматься по лѣстницѣ и скрылся за поворотомъ.

Но отъ этой улыбки будущаго товарища сердце въ груди его, какъ пташка, встрепенулось. Ему стало вдругъ такъ весело и легко, точно онъ предчувствовалъ, что вотъ кто будетъ ему на много лѣтъ лучшимъ другомъ.

Въ большой и свѣтлой пріемной министра записавшіеся къ экзамену мальчики были уже почти въ полномъ сборѣ. Каждаго изъ нихъ, разумѣется, сопровождалъ какой-нибудь родственникъ или воспитатель. Василій Львовичъ, обведя присутствующихъ испытующимъ окомъ, направился прямо къ молодому сановитому генералу въ аксельбантахъ, котораго онъ хотя и видѣлъ впервые, но въ которомъ сразу узналъ своего брата—человѣка высшаго круга. Подсѣвъ къ генералу,

онъ не замедлилъ завязать съ нимъ оживленную бесѣду на французскомъ языкѣ и, казалось, забылъ уже о существованіи племянника.

Около нихъ не было ни одного свободнаго мѣста, и Александръ, переминаясь, оглядѣлся, гдѣ бы ему пристроиться.

— Да садитесь къ намъ!—зазвенѣлъ тутъ, вблизи него, дѣтскій голосокъ.

На диванѣ сидѣла дама, мальчикъ-подростокъ и крошка-дѣвочка, лѣтъ четырехъ-пяти, пухленькая, бѣленькая, вся въ бѣлокурыхъ локонахъ, при всякомъ движеніи колыхавшихся вокругъ ея прелестной головки. Она довѣрчиво подняла на Александра свои большіе, небесно-голубые глазки и привѣтливо манила его ручкой:

— Вотъ сюда... около брата. Тося, дай же мѣсто!

Братъ отодвинулся, и Пушкинъ съ поклономъ усѣлся рядомъ съ нимъ. Надо было въ благодарность хоть сказать что-нибудь; но съ чего начать? Онъ искоса оглядѣлъ своего сосѣда. Блѣднолицый, серьезный, въ синихъ очкахъ, тотъ производилъ впечатлѣніе чуть не юноши.

— Вы издалека?—наконецъ, рѣшилъ начать Александръ.

— Изъ Москвы,—былъ отвѣтъ.

— И я оттуда же.

— И вы изъ Москвы?—подхватила, обрадовавшись, малютка-дѣвочка.—Какъ же мы съ вами не встрѣтились по дорогѣ?

— Потому что, вѣроятно, ѣхали въ разное время. Я ужъ съ іюня мѣсяца здѣсь; а вы?

— А мы только со вчерашняго дня. Мы пріѣхали вмѣстѣ съ мамашей и вотъ съ мадемуазель, нашей гу-

вернанткой; но мамаша очень устала съ дороги и осталась на дачѣ въ Петергофѣ...

— Замолчите ли вы, Мими!—по-французски шепнула тутъ болтушкѣ мадемуазель.

Разговоръ на минутку прервался. Но неугомонный языкъ Мими не давалъ ей покоя, и она снова затараторила:

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Двѣнадцать,—отвѣтилъ Пушкинъ, съ трудомъ подавляя улыбку.

— О! такъ братъ мой гораздо старше: ему на прошлой недѣлѣ пошелъ уже четырнадцатый годъ *).

— А какъ ваше имя?

— Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ.

— Какъ важно! А брата мы зовемъ, просто, Тосей.

Теперь француженка-гувернантка сочла нужнымъ пояснить Пушкину, что его сосѣдъ—баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ.

— Такъ вы, стало быть, нѣмецъ?—обратился Пушкинъ къ молодому барону.

— Ой, нѣтъ! — отвѣчалъ тотъ. — Фамилія у меня только нѣмецкая, потому что предки наши изъ лифляндцевъ, но самъ я и тѣломъ, и душой русскій, православной вѣры и по-нѣмецки не умѣю почти, что̀ называется, въ зубъ толкнуть.

— Такъ же, какъ и я!—точно обрадовался Пушкинъ.—Вмѣстѣ, значитъ, отличимся: въ компаніи провалиться все-же не такъ обидно.

— Не прова̀литесь, если знаете по-французски;

---

*) А. С. Пушкинъ родился 26-го мая 1799 г., въ день Вознесенія; баронъ Дельвигъ—6-го августа 1798 г.

вѣдь можно экзаменоваться изъ одного какого-нибудь иностраннаго языка: или нѣмецкаго, или французскаго.

— О! тогда мнѣ не страшно!

— Завидую вамъ!—вздохнулъ Дельвигъ.—Я ни въ одномъ предметѣ не твердъ.

Француженка, понимавшая, какъ видно, по-русски, съ укоромъ взглянула на черезчуръ откровеннаго барона и постаралась смягчить его приговоръ о себѣ.

— Здоровье молодого барона,—замѣтила она,—довольно слабо; поэтому не въ мѣру утруждать его ученьемъ нельзя было.

— Да прибавьте еще къ этому природную лѣнь,—добавилъ по-русски Дельвигъ.

— Ну, что до лѣни,—подхватилъ весело Пушкинъ,—то я вамъ въ ней, навѣрное, не уступлю! Если бы не сестра моя...

— А у васъ также есть сестра?—заинтересовалась крошка-баронесса.

— Да, годомъ меня старше.

— У, какая старая! А зовутъ ее?

— Олей.

— Отчего же не Ольгой Сергѣевной, если вы—Александръ Сергѣевичъ?

— Перестаньте, Мими!—остановила ее опять мадемуазель и обратилась къ Пушкину:—а кто васъ училъ въ Москвѣ французскому языку?

— Я даже всѣхъ и не припомню,—отвѣчалъ по-французски же Пушкинъ:—графъ Монфоръ, мосье Русло, мосье Шедель... и не перечтешь! А есть, знаете, у насъ такая русская пословица: „у семи нянекъ дитя безъ глазу“.

— Пословица, я вижу, довольно мѣткая,—проговорила, не безъ колкости, француженка.

— А все-же ученье вамъ, видно, въ прокъ пошло,—замѣтилъ, съ своей стороны, молодой баронъ:—вы говорите прекрасно по-французски. Но неужто эти иностранцы учили васъ и русскому языку?

— Да, училъ такой же иностранецъ, нѣмецъ, херръ Шиллеръ; къ сожалѣнію, однако, то былъ не знаменитый поэтъ Шиллеръ, а только его однофамилецъ. Но, кромѣ него, у меня русскимъ учителемъ былъ еще одинъ священникъ, человѣкъ очень начитанный и ученый *). Настоящей же, чистой русской рѣчи я прежде всего научился отъ няни своей да отъ бабушки. Няня эта, Арина Родіоновна, просто, я вамъ скажу, кладъ! Выняньчила всѣхъ насъ: и сестру, и меня, и брата, да такая мастерица говорить сказки, былины народныя, что слушаешь—не наслушаешься. Пословицы, поговорки у нея сыплются какъ изъ рукава. А покойная бабушка моя **). женщина также вполнѣ русская и хорошо образованная, знала прóпасть разныхъ преданій, историческихъ и семейныхъ, и я, бывало, по цѣлымъ часамъ просиживалъ въ ея рабочей комнатѣ: все слушалъ, развѣсивъ уши, ея безконечныя росказни. Если послѣ всего этого изъ меня не выйдетъ поэта, то тутъ уже, право, ни няня, ни бабушка не виноваты ***).

---

*) Отецъ Бѣликовъ, авторъ извѣстной книги: „Духъ Массильона“.

**) Марія Алексѣевна Ганнибалъ, урожденная Пушкина, мать Надежды Осиповны, матери А. С. Пушкина.

***) Личности няни и бабушки слились впослѣдствіи въ представленіи Александра Сергѣевича въ одинъ общій поэтическій образъ вдохновлявшей его Музы:

Въ это время общее вниманіе присутствующихъ обратилъ на себя тотъ старикъ-адмиралъ, котораго, съ двумя его птенцами, Пушкины застали давеча на лѣстницѣ. Дежурный чиновникъ уступилъ почтенному старцу свой собственный стулъ, а самъ, стоя, записывалъ въ журналъ получаемые пакеты.

— Такъ что же, милостивый государь,—произнесъ громкимъ голосомъ адмиралъ:—когда же графъ Алексѣй Кирилловичъ соблаговолитъ принять меня?

— Сію минуту-съ, выше высокопревосходительство,—засуетился чиновникъ.—Его сіятельство доканчиваютъ туалетъ свой...

— А вы, сударь, передайте его сіятельству,—перебилъ адмиралъ, нетерпѣливо постукивая по полу костылемъ,—передайте, что андреевскому-де кавалеру, адмиралу Пущину, не пристало дожидать; что мнѣ нуженъ онъ самъ, Алексѣй Кирилловичъ, а не туалетъ его.

Чиновникъ съ поклономъ исчезъ въ министерскихъ дверяхъ. Василій Львовичъ сидѣлъ неподалеку отъ адмирала и, съ обычною своею подвижностью, ловко

„Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ,—
Тебя я звалъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!..“

покачивая свое полное тѣльце на тонкихъ ножкахъ, почтительно приблизился къ старику.

— Смѣю обезпокоить ваше высокопревосходительство вопросомъ,—заговорилъ онъ, указывая глазами на двухъ мальчиковъ въ курткахъ, которые прислонились тутъ-же къ окошку:—внучата-съ?

Адмиралъ Пущинъ окинулъ вопрошавшаго съ головы до ногъ орлинымъ взглядомъ и, удовлетворенный, повидимому, осмотромъ, не торопясь, отвѣтилъ:

— Внучата.

— Позвольте представиться вашему высокопревосходительству: Пушкинъ, Василій Львовичъ, небезъизвѣстный россійскій стихотворецъ.

— Слышалъ, какъ же. Тоже, чай, кого-нибудь въ лицей опредѣляете?

— Да, вотъ, племянничка, сына родного брата моего, Сергѣя Львовича Пушкина. Можетъ статься, бывали тоже въ Москвѣ, слыхали про братца?

— Бывать-то бывалъ, лѣтъ съ десятокъ назадъ, да что-то не помню...

— О! буде теперь собрались бы, несомнѣнно услыхали бы про него. Братецъ мой, надо вамъ доложить, въ московскомъ высшемъ кругу играетъ, такъ-сказать, первую скрипку. Ни одинъ домашній спектакль, ни одна вечеринка съ живыми картинами и инымъ прочимъ не обойдется безъ него. А какъ онъ читаетъ Мольера! Даже мнѣ, записному литератору и чтецу, за нимъ не угоняться. Какіе строчитъ на всякихъ языкахъ альбомные стишки! Хоть сейчасъ въ печать. А ужъ по части каламбуровъ и экспромтовъ—голову прозакладую—во всей Европѣ равнаго ему не найти: вся Москва повторяетъ ихъ потомъ изъ конца въ конецъ.

— Такъ у него, стало быть, нѣтъ опредѣленныхъ служебныхъ занятій?

— Времени не достало бы, ваше высокопревосходительство, для свѣтскаго представительства. Въ юныхъ лѣтахъ, правда, оба мы съ нимъ тянули лямку въ екатерининской гвардіи, получили въ ней, какъ говорится, послѣднюю шлифовку...

— И не дотянули?

— Да-съ. Не снесли—если смѣю такъ выразиться—ярма военной дисциплины. Да и чего намъ еще? Любимы, уважаемы, какъ сыръ въ маслѣ катаемся... Я-то, правда, живу почти-что бобылемъ: имѣю дома только сынка-малютку; но у братца моего этой благодати цѣлая троица, а жена у него первая умница, первая красавица московская!.. Правду сказать, африканскаго темперамента,—откровенничалъ словоохотливый Василій Львовичъ, понижая тутъ голосъ и поглядывая въ сторону племянника,—пальца въ ротъ ей не клади: своенравна, вспыльчива, такъ что—у! какъ-разъ откуситъ! Да ужъ и властолюбива же, что̀ грѣха таить! Забрала въ ручки бѣлыя весь домъ, какъ есть, вертитъ всѣмъ и каждымъ, какъ пѣшками: и муженькомъ, и людьми, и ребятишками, за исключеніемъ развѣ этого вонъ сорванца.

— Такъ онъ у васъ большой шалунъ? Неисправимъ?

— Какъ вамъ сказать? Въ головѣ у него, точно, вѣтеръ гуляетъ; но каши этой мозговой тамъ болѣе, можетъ статься, чѣмъ у иного взрослаго полоумка. А ужъ начитанъ какъ! Чего-чего не перечиталъ! И Илліаду, и Одиссею, и Плутарха, отъ доски до доски, и новѣйшихъ энциклопедистовъ...

— Гмъ... На какомъ же это все языкѣ?

— А все, конечно, на французскомъ. Раненько, можетъ быть, да что противъ жажды знанія подѣлаешь? У отца его, изволите видѣть, такъ же, какъ и у покорнѣйшаго вашего слуги, библіотека на славу.—Александръ, поди-ка сюда!—крикнулъ Василій Львовичъ по-французски.—Не разрѣшите ли, ваше высокопревосходительство, познакомить съ нимъ молодцовъ вашихъ?

— Что-жъ, пускай знакомятся: послѣ, все равно, придется же. Экіе дички, право! Руку-то другъ другу хоть подайте!

Мальчики исполнили приказаніе и застѣнчиво обмѣнялись нѣсколькими общими фразами. Одно узналъ при этомъ молодой Пушкинъ: что новые знакомцы его были между собой двоюродные братья, и что одного изъ нихъ—того, съ которымъ онъ на лѣстницѣ переглянулся,—звали Иваномъ, а другого Петромъ.

Сидѣвшій по близости шустрый, востроглазый мальчуганъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за завязывавшимся между тремя сверстниками его знакомствомъ; шепнувъ сидѣвшей рядомъ съ нимъ дамѣ: „Я, мама, тоже отрекомендуюсь“,—онъ развязно подошелъ къ нимъ и шаркнулъ ножкой.

— Позвольте и мнѣ отрекомендоваться: Константинъ Гурьевъ.

Пушкинъ медлилъ принять протянутую ему руку и съ безотчетнымъ недовѣріемъ оглядѣлъ навязчиваго мальчугана. Но тотъ на видъ былъ очень приличенъ; платье съ иголочки, самъ причесанъ, приглаженъ, даже надушенъ; какъ въ голосѣ его, такъ и въ чертахъ лица, во всѣхъ движеніяхъ была одна и та же игривая мягкость. Только черезчуръ юркіе глазки то и дѣло

потуплялись и бѣгали по сторонамъ, точно не смѣли открыто встрѣтить испытующаго чужого взгляда.

„Кошечка“, невольно подумалось Пушкину.

Разговориться имъ, впрочемъ, теперь не пришлось: возвратившійся отъ министра чиновникъ пригласилъ старика Пущина къ его сіятельству Алексѣю Кирилловичу, и тотъ, въ сопровожденіи двухъ внуковъ, удалился.

Василій Львовичъ воспользовался этимъ, чтобы подвести племянника къ своему прежнему собесѣднику, молодому генералу, оказавшемуся княземъ Горчаковымъ, и къ его подростку-сыну, который былъ не только писаный красавецъ, но имѣлъ такое благородное, славное лицо, что нельзя было не залюбоваться,

„Вотъ ангельская душа, сейчасъ видно“, сказалъ самъ себѣ Пушкинъ: „не то, что этотъ Гурьевъ“.

А Гурьевъ былъ ужъ тутъ-какъ-тутъ, съ тою же, словно заученною фразой:

— Позвольте и мнѣ отрекомендоваться: Константинъ Гурьевъ.

На этотъ разъ ему болѣе посчастливилось: маленькій Горчаковъ отвѣчалъ ему довѣрчиво и охотно, а Гурьевъ за словомъ въ карманъ не лѣзъ. Пушкинъ увидѣлъ себя совсѣмъ оттертымъ и былъ даже радъ, когда дежурный чиновникъ сталъ теперь выкликать ихъ по списку. Разговоры кругомъ поневолѣ прекратились; каждый выкликаемый по очереди выступалъ впередъ и отзывался: „Здѣсь!“

— Кюхельбекеръ, Вильгельмъ!

— Здѣсь!—пробасилъ, съ рѣзкимъ нѣмецкимъ акцентомъ, долговязый юноша, нескладно, но крѣпко сшитый.

Пушкинъ не могъ не усмѣхнуться. Но тутъ онъ разслышалъ, какъ Гурьевъ, наклонясь къ Горчакову, тихонько подтрунилъ: „По Сенькѣ и шапка—прямой Кюхельбекеръ!“—и Пушкину уже досадно стало на насмѣшника:

„Показала, небось, кошечка когти!“

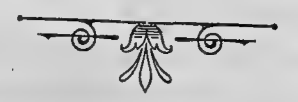
— Пушкинъ, Александръ!

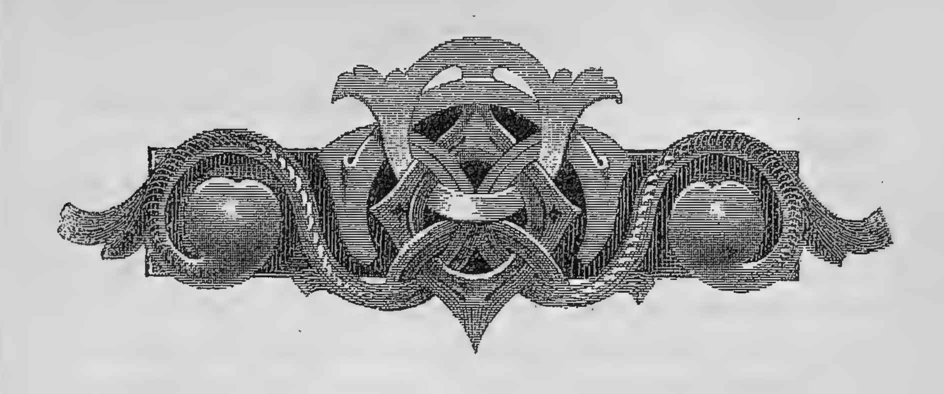
— Здѣсь!—откликнулся онъ какимъ-то не своимъ, металлически-звонкимъ голосомъ и, самъ не зная зачѣмъ, выскочилъ на средину залы. Со всѣхъ сторонъ на него обратились удивленные взгляды; онъ смѣшался и еще поспѣшнѣй отступилъ назадъ. А Гурьевъ опять-таки наклонился къ уху Горчакова и съ лукавой улыбочкой сталъ нашептывать ему что-то.

„Вѣрно, про меня!“ догадался Пушкинъ: „вотъ и царапнулъ!“

Онъ на ходу круто повернулъ налѣво-кругомъ и отретировался къ Дельвигамъ.

Перекличка кончилась. Рѣшительная, неизбѣжная минута приблизилась, сейчасъ должна была наступить. Въ ожиданіи ея, въ послѣдній мигъ, всѣ языки развязались, всѣ громко заговорили, зашевелились. И вдругъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, все точно такъ же опять смолкло, замерло: одного изъ мальчиковъ дежурный чиновникъ вызвалъ въ экзаменаціонный залъ.

ГЛАВА III.

Экзаменъ.

„Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть“.
(Евгеній Онѣгинъ.)

Надъ министерскою пріемной нависла, казалось, грозовая туча; разговоры велись уже только втихомолку; взоры всѣхъ — и старыхъ, и малыхъ—были неотступно прикованы къ роковой двери, которая поочередно поглощала экзаменующихся мальчиковъ и выпускала ихъ, затѣмъ, одного за другимъ, какъ изъ бани, встрепанными и ошпаренными.

Вотъ очередь дошла и до барона Дельвига; Пушкинъ вздохнулъ ему вслѣдъ. Напрасно крошка-баронесса пыталась возобновить съ молодымъ землякомъ-москвичемъ свою дѣтскую болтовню: онъ отвѣчалъ разсѣянно и невпопадъ. По спинѣ его забѣгали му-

рашки — первый приступъ предсказанной Васильемъ Львовичемъ „боевой лихорадки“. Наконецъ, министерская дверь опять распахнулась и на порогѣ показался молодой баронъ...

Но, Боже праведный! что̀ съ нимъ такое? Идетъ, повѣсивъ голову, еле ноги волочитъ...

— Тося!—жалобно вскрикнула сестричка, бросаясь черезъ всю комнату къ нему на встрѣчу. — Неужели провалился?

— Потише, Мими...—уклонился онъ отъ отвѣта и вернулся объ руку съ нею къ своему мѣсту, стараясь не глядѣть на Пушкина.

— Такъ что же, скажи: выдержалъ или нѣтъ?—не отставала отъ него малютка.

— Кажется, что нѣтъ...—проговорилъ онъ нехотя, беззвучно.

Мими прослезилась и протянула къ брату рученки, чтобы обнять его.

— Ну, ничего, Тосенька, голубчикъ; мама вѣдь добрая, не разсердится.

Пушкина такъ заняла эта сцена, что онъ и не разслышалъ, какъ вошедшій вслѣдъ за Дельвигомъ чиновникъ произнесъ фамилію его, Пушкина.

— Такъ что же, Пушкина, стало быть, нѣтъ?—повторилъ, озираясь кругомъ, чиновникъ.

— Александръ! тебя зовутъ, не слышишь развѣ?—крикнулъ по-французски Василій Львовичъ, подскакивая къ племяннику, и тронулъ его за плечо.—Первое условіе, дружокъ,— не робѣть.

— Дай вамъ Богъ бо̀льшаго успѣха,—пожелалъ Александру съ своей стороны и Дельвигъ, заглядывая ему теперь прямо и дружелюбно въ лицо.

— Благодарю васъ,—пробормоталъ тотъ въ отвѣтъ и, съ напускною удалью, широко размахивая руками, послѣдовалъ за чиновникомъ въ раскрытую курьеромъ настежь дверь.

Какъ ни храбрился Пушкинъ, но, подходя къ поставленному поперекъ зала большому, покрытому зеленымъ сукномъ, столу, за которымъ возсѣдали экзаменаторы, онъ точно не чуялъ уже ногъ подъ собой, и, сквозь заволакивавшій ему глаза туманъ, не могъ хорошенько различить ни одного лица. Инстинктивно только чувствовалъ онъ, что сдѣлался вдругъ центромъ, на который направлены десятки испытующихъ глазъ, и что лучи ихъ словно жгутъ, магнитизируютъ его; нервы его натянулись, какъ струны, до послѣдней степени.

— Не родственникъ ли вамъ писатель Пушкинъ?—послышался тутъ чей-то ласковый старческій голосъ.

Не успѣлъ Александръ отвѣтить, какъ другой, будто знакомый уже, голосъ отозвался вмѣсто него:

— Точно такъ, ваше сіятельство: родной дядя.

Александръ сдѣлалъ сверхъестественное усиліе надъ собой, мигнулъ разъ-другой, расширилъ зрачки—и разглядѣлъ говорящихъ: прямо противъ него, на разстояніи не болѣе полутора аршина, сидѣлъ важный, сѣдовласый старикъ, грудь котораго была усѣяна звѣздами; очевидно, то былъ ни кто иной, какъ самъ министръ, графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій; по правую же руку отъ него сидѣлъ тотъ, голосъ котораго показался Александру знакомымъ и въ которомъ онъ призналъ теперь новаго директора лицея, Василья Θедоровича Малиновскаго, раза два уже видѣннаго имъ по пріѣздѣ изъ Москвы. О, этотъ

добрякъ его не выдастъ! И въ ушахъ Пушкина прозвучало опять напутствіе дяди: „первое условіе—не робѣть!“

— Да, я его племянникъ,—отвѣтилъ онъ, въ свою очередь, довольно уже бойко.

— Въ такомъ случаѣ, вы, конечно, знаете и другихъ русскихъ литераторовъ?—продолжалъ министръ.

— Еще бы! — оживленно подхватилъ мальчикъ:— Дмитріевъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ—у насъ въ домѣ свои люди...

— Не о личныхъ вашихъ знакомствахъ рѣчь,—сухо оборвалъ его графъ. — Вообще примите за правило, молодой человѣкъ: выслушивать старшихъ до конца, не прерывая. Итакъ, я спрашиваю васъ: читали вы произведенія нашихъ лучшихъ писателей?

Выслушанное внушеніе умѣрило первую прыть мальчугана. Онъ смутился и отвѣтилъ сдержанно, хотя и не безъ тайнаго самодовольствія:

— Кажется, всѣ перечелъ.

— Всѣ, безъ разбора?

— Да, все вообще, что̀ есть интереснаго въ библіотекѣ моего отца, а библіотека у него въ тысячу слишкомъ томовъ!

— И вамъ не было запрету брать оттуда все, что̀ заблагоразсудится? Странные, однако, порядки у васъ въ домѣ... Но если вы все перечитали,—продолжалъ Разумовскій, и насмѣшливая улыбка заиграла на его тонкихъ губахъ,—то любопытно знать: кого вы почитаете первымъ русскимъ поэтомъ? Вѣроятно вашего дядю?

Пушкинъ вспыхнулъ, но, по прежнему сдерживаясь, сказалъ просто:

— И у дяди моего есть прекрасные стихи. По времени первымъ поэтомъ русскимъ надо считать Ломоносова...

— А про Кантемира, небось, и забыли или не слыхали?

— Кантемиръ не поэтъ: у него рубленая проза.

— Вотъ какъ!

— Не я одинъ это говорю: я отъ многихъ слышалъ. По качеству же стиховъ первымъ поэтомъ хотя и принято у насъ считать Державина, но стихъ у него черезчуръ уже напыщенъ: у Жуковскаго, у Батюшкова онъ гораздо натуральнѣе и благозвучнѣе...

— Каковъ критикъ!—съ снисходительнымъ пренебреженіемъ замѣтилъ министръ:—съ чужого, знать, голоса поетъ. Господинъ профессоръ! не угодно ли вамъ теперь приступить къ допросу?

Одинъ изъ экзаменаторовъ покорно преклонилъ голову и обратился къ Пушкину:

— Вы, прочитавъ малую толику, запомнили, несомнѣнно, кое-что и наизустъ?

— Очень многое.

— Напримѣръ... ну, хоть бы Карамзинскую „Мароу Посадницу"...

— Прочитать?

— Прочитайте; только съ подобающей интонаціей и экспрессіей, не глотая словъ и запятыхъ.

— „Раздался звукъ вѣчевого колокола," началъ „подобающимъ" неспѣшнымъ и торжественнымъ голосомъ Пушкинъ: „и вздрогнули сердца въ Новгородѣ. Отцы семействъ вырываются изъ объятій супругъ и дѣтей, чтобы спѣшить, куда зоветъ ихъ отечество. Недоумѣніе, любопытство, страхъ и надежда вле-

кутъ гражданъ шумными толпами на великую площадь...“

Профессоръ движеніемъ руки остановилъ маленькаго декламатора.

— Начало, конечно, кому не извѣстно, — сказалъ онъ.—А помните ли вы художественное описаніе появленія Мароы среди народа?

— „Еще продолжается молчаніе“, не задумываясь, задекламировалъ опять Пушкинъ.—„Чиновники и граждане въ изумленіи. Вдругъ колеблются толпы народныя, и громко раздаются восклицанія: „Мароа, Мароа!“ Она входитъ на желѣзныя ступени тихо и величаво; взираетъ на безчисленное собраніе гражданъ и безмолвствуетъ... Важность и скорбь видны на блѣдномъ лицѣ ея...“

Пушкинъ, какъ слѣдуетъ, на минутку здѣсь замолкъ, чтобы дать слушателямъ вглядѣться въ возсозданную имъ передъ ихъ внутреннимъ взоромъ картину.

— Вотъ это музыка словъ, истинная поэзія, хотя и въ прозаической формѣ!—воскликнулъ графъ Разумовскій.—Память у васъ довольно счастливая, надо сознаться, и читаете вы весьма и весьма сносно.

— Не позволите ли, ваше сіятельство, перейти къ грамматикѣ?—обратился къ нему экзаменаторъ.

— Извольте.

— Пожалуйте-ка, молодой человѣкъ, къ доскѣ.

Пушкинъ подошелъ къ саженной доскѣ и вооружился мѣломъ.

— Вы, какъ юнецъ, отдавали только-что предпочтеніе передъ маститымъ нашимъ поэтомъ—исполиномъ Державинымъ — юному поколѣнію поэтовъ, недостойныхъ подвязать и ремни на сандаліяхъ его. Я продиктую вамъ такіе перлы его музы, какихъ вы ни

у кого изъ иныхъ прочихъ со свѣчей не сыщете. Пишите:

„Спустилъ сѣдой Борей Эола
Съ цѣпей чугунныхъ изъ пещеръ...“

— Я и такъ знаю,—подхватилъ мальчикъ:

„Ужасны крылья расширяя,
Махнулъ по свѣту богатырь...“

Стихи звучные, но все-таки, по моему мнѣнію...

— Вашего мнѣнія не спрашиваютъ! Извольте писать!

Александръ крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ, косымъ и небрежнымъ, живо исписалъ всю доску, сверху до низу, четырьмя приведенными строками.

— Въ правописаніи вы слабы,—замѣтилъ профессоръ и указалъ пять-шесть орѳографическихъ ошибокъ, послѣ чего задалъ еще нѣсколько грамматическихъ вопросовъ. Отвѣты точно такъ же были довольно сбивчивы и нетверды.

Между тѣмъ, директоръ Малиновскій, какъ видѣлъ издали Пушкинъ, наклонился съ просительной миной къ министру и тотъ, кивнувъ головой, громко объявилъ:

— Начитанность ваша отчасти васъ еще выручаетъ. Посмотримъ, каковы ваши познанія въ иностранныхъ языкахъ. Начнемъ съ нѣмецкаго.

Пушкинъ оторопѣлъ.

— Нельзя ли мнѣ отвѣчать изъ одного французскаго?..

— А нѣмецкаго вы, значитъ, совсѣмъ не знаете?

— Совсѣмъ!—брякнулъ онъ, чтобы только поскорѣе развязаться.

— Гмъ... И читать даже не умѣете?

— Читать, конечно, умѣю.

— Такъ вотъ прочтите.

Мальчикъ изъ поданной ему нѣмецкой книжки прочелъ довольно бѣгло нѣсколько строкъ.

— Ну, этого на первый разъ, пожалуй, и достаточно,—смилостивился министръ и отнесся по-французски къ сидѣвшему тутъ же за столомъ маленькому старичку въ напудренномъ парикѣ:—Мосье де-Будри! не соблаговолите ли теперь вы?..

Де-Будри, несмотря на свои преклонныя лѣта, чрезвычайно живой и подвижный, вертя въ пальцахъ черепаховую табакерку, предложилъ Пушкину простой грамматическій вопросъ, но предложилъ по-русски, уморительно коверкая слова. Пушкинъ, съ трудомъ подавляя улыбку, отвѣчалъ ему безъ запинки на самомъ чистомъ парижскомъ нарѣчіи. Французъ весь такъ и встрепенулся, и не замедлилъ самъ перейти на свой родной языкъ.

— А! Такъ вы, милый мой, читали, быть можетъ, и нашихъ великихъ классиковъ?

— Расина, Корнеля, Мольера?—переспросилъ Александръ:—читалъ, такъ же какъ и философовъ Руссо, Вольтера...

— Руссо и Вольтера!—вырвалось у графа Разумовскаго, и онъ многозначительно переглянулся съ присутствующими.—Тоже, видно, брали безъ спроса изъ библіотеки отца?

— Да...

— Будемъ надѣяться, что вы ихъ хотя на половину не поняли.

— Ну, Расинъ, Корнель и даже Мольеръ безвредны,—вступился мосье де-Будри.

— Я умѣю читать Мольера и на разные голоса,—вызвался ободрившійся опять Пушкинъ.

— О! о! на разные голоса! Не разрѣшите ли, ваше сіятельство, прочесть ему намъ, для образчика, какую-нибудь Мольеровскую сценку?

— Отчего же, пускай прочтетъ. Выборъ пьесы, молодой человѣкъ, мы предоставляемъ вамъ.

Особенно глубоко запечатлѣлся въ памяти Александра одинъ любимый его отцомъ и дядей Мольеровскій діалогъ. Онъ слышалъ его столько разъ, что помнилъ не только обѣ роли отъ слова до слова, но и самое выраженіе голоса обоихъ. Точно записной импровизаторъ, охваченный вдохновеніемъ, онъ забылъ, казалось, даже, гдѣ онъ, и, безъ всякой уже робости, передалъ діалогъ почти безупречно.

— Безподобно! изумительно! не правда ли, милостивые государи?—воскликнулъ по-французски де-Будри, озираясь кругомъ съ такимъ торжествующимъ видомъ, точно онъ самъ такъ блистательно подготовилъ молодого импровизатора.—Послѣ такой аттестаціи, ваше сіятельство, я полагаю, было бы просто грѣшно испытывать его еще въ грамматическихъ мелочахъ. А незнаніе нѣмецкаго языка болѣе чѣмъ извинительно.

Профессоръ нѣмецкой словесности, человѣкъ еще молодой, но строгаго и неприступнаго вида, началъ-было протестовать; но министръ, не желая затягивать экзаменовку по другимъ предметамъ, принялъ сторону де-Будри.

По географіи и исторіи повторилось то же, что̀ и по русскому языку: сбиваясь въ нѣкоторыхъ, самыхъ элементарныхъ, вопросахъ по физическому описанію земли, не зная твердо ни одного года историческихъ событій, Пушкинъ такъ осмысленно, съ такимъ увлеченіемъ передавалъ разныя любопытныя подробности

нравоописательныя и политическія, что самъ графъ Разумовскій не скрылъ своего одобренія.

— Что̀ вы учили по обязанности, то усвоили плохо; что̀ читали безъ спроса, то усвоили прекрасно,—сказалъ онъ и, обернувшись къ директору Малиновскому, прибавилъ вполголоса:—я рекомендовалъ бы вамъ, сударь мой, обратить на сего птенца особенное ваше вниманіе: онъ сколь необузданъ, столь и даровитъ. Въ ариѳметикѣ онъ, я увѣренъ, всего слабѣе.

Графъ не ошибся. Сухая цыфирь, требующая сосредоточеннаго вниманія, была для богатаго фантазіей, но бѣднаго терпѣніемъ начинающаго поэта всегда непреодолимымъ камнемъ преткновенія. Написавъ на доскѣ мѣломъ продиктованную ему задачу, онъ, какъ только приступилъ къ ея разрѣшенію, такъ и перепуталъ. Тщетно профессоръ математики, повидимому, также расположенный въ пользу мальчика предшествовавшими удачными его отвѣтами, пытался навести его на истинный путь: Пушкинъ, точно въ дремучемъ, топкомъ бору, забирался все глубже въ непроходимую трясину, пока совсѣмъ не завязъ; тогда онъ безнадежно опустилъ голову и положилъ мѣлъ.

— Нѣтъ, не умѣю...

— Довольно!—рѣшилъ министръ.

— Дозвольте мнѣ, ваше сіятельство, предложить ему еще только одинъ-другой теоретическій вопросъ,—вступился профессоръ:—задачка, пожалуй, была для него не въ мѣру замысловата-съ...

— Довольно! — повторилъ графъ и внушительно кивнулъ головой Пушкину на дверь.

До послѣдней минуты неизвѣстность будущаго поддерживала еще Александра, какъ утопающаго надъ

бездонною топью. Теперь все кончилось безповоротно: неумолимая судьба придавила его тяжкимъ гнетомъ и потянула въ темную глубь. Съ невыносимою тяжестью этою на сердцѣ, съ отуманенною головой, самъ не зная какъ, онъ выбрался въ пріемную и машинально поплелся къ своему мѣсту. Дельвиговъ уже не было; зато передъ нимъ, какъ листъ передъ травой, выросъ Гурьевъ и любезно освѣдомился:

— Можно поздравить?

— Да! и вамъ того же желаю!—буркнулъ въ лицо ему Пушкинъ и круто повернулся къ Василью Львовичу, также въ это время подошедшему къ нему:— Бога ради, уйдемте, дядя...

— Куда же ты? Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ...

— Потомъ все разскажу... Уйдемте только...

— А съ будущими товарищами-то ты такъ и не простишься?

— Не будутъ они мнѣ товарищами...

И, не дожидаясь дяди, Александръ опрометью выбѣжалъ на лѣстницу. Василій Львовичъ, пыхтя, едва нагналъ его уже на второй площадкѣ.

— Ты, стало быть, срѣзался, мой другъ?

— Стало быть.

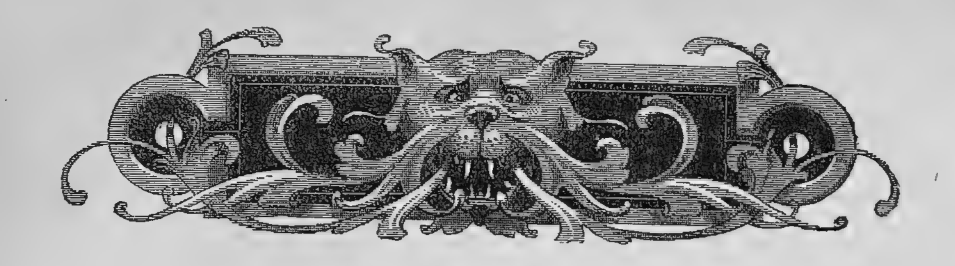
— Изъ чего же?

— Изъ ариѳметики.

— Только-то?

— Кажется, довольно!

— Ну, такъ не все еще пропало; не кручинься. Уломаемъ Малиновскаго, чтобы далъ тебѣ переэкзаменовку; а не дастъ—подобьемъ Тургенева: ужъ этотъ, какъ добрый волшебникъ въ сказкѣ, такъ-ли, сякъ-ли, выручитъ.

ГЛАВА IV.

Молодое вино бродитъ.

„Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!"

(Посланіе къ Языкову.)

Точно ли Тургеневъ, этотъ „добрый волшебникъ", по выраженію Василья Львовича, посодѣйствовалъ опять благопріятному исходу дѣла,—осталось неизвѣстнымъ; о своемъ содѣйствіи онъ никому никогда не заикался. Какъ бы то ни было, только, послѣ нѣсколькихъ дней томительнаго ожиданія, Василій Львовичъ привезъ племяннику отъ директора Малиновскаго радостную вѣсть, что онъ, Александръ, попалъ-таки въ число 30-ти счастливцевъ, выбранныхъ въ лицей самимъ министромъ изъ 38-ми экзаменовавшихся.

— И безъ переэкзаменовки?—встрепенулся Александръ, отрываясь отъ ариѳметики, надъ которою всѣ эти дни онъ, по настоянію дяди, по цѣлымъ часамъ корпѣлъ или, вѣрнѣе, зѣвалъ.

— Безъ переэкзаменовки,—отвѣчалъ Василій Львовичъ;—но Малиновскій все-же разсчитываетъ, что ты, до переѣзда въ Царское, хорошенько повторишь зады...

— Такъ онъ ошибся въ разсчетѣ!—воскликнулъ вѣтреникъ,—и ненавистная ему учебная книжка со всего розмаха полетѣла на другой конецъ комнаты, гдѣ, ударившись объ стѣну, шлепнулась плашмя на полъ.— Видите, гдѣ она лежитъ теперь? Тамъ до Царскаго и пролежитъ.

— Ну, поднять-то все-таки не мѣшаетъ,—благодушно сказалъ Василій Львовичъ, поднимая книгу съ полу и кладя ее на столъ.—Послѣ, можетъ, одумаешься. До начала классныхъ занятій пройдетъ еще не мало времени; Государь отвелъ для васъ цѣлый флигель своего царскосельскаго дворца, а вѣдь его надо еще приспособить: раздвинуть стѣны, переставить печи, перестлать полы, все заново перекрасить, пообчистить...

— Экая досада, право! А я ужъ радовался, что сейчасъ познакомлюсь кой съ кѣмъ изъ товарищей...

— Одно другому не мѣшаетъ. Малиновскій велѣлъ передать тебѣ, что онъ ожидаетъ всю вашу братью завтра утромъ къ себѣ, на квартиру, для примѣрки казенной амуниціи; тамъ и сведешь знакомство, съ кѣмъ пожелаешь.

И точно: на другой же день, а потомъ еще нѣсколько разъ, лицеисты сбирались для указанной цѣли на квартирѣ директора. Затѣмъ, когда тотъ отбылъ 1-го сентября въ Царское Село, съ чиновниками лицейскаго правленія, для наблюденія на мѣстѣ за ремонтными работами, роль хозяина въ домѣ принялъ старшій сынъ его, Иванъ, также лицеистъ, но лѣтъ

уже 15-ти, вслѣдствіе чего товарищи относились къ нему съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

А какъ было весело на этихъ сходкахъ! Сколько было тутъ хохота и шутокъ, когда примѣриваемое казенное платье или сидѣло мѣшкомъ, или же, напротивъ, не сходилось на груди, а стоячій красный воротникъ былъ такъ широкъ и высокъ, что можно было уйти въ него съ подбородкомъ до самыхъ ушей. Какъ было потѣшно надѣвать передъ зеркаломъ треуголку по-наполеоновски, поперекъ головы, или, въ высокихъ лакированныхъ ботфортахъ, съ пѣтушиной важностью расхаживать взадъ и впередъ по всему ряду комнатъ,— благо, самого хозяина не было на лицо!

Одна только капля дегтя отравляла имъ эту бочку меда: до формальнаго открытія лицея имъ было строго воспрещено щеголять во всей новой красѣ своей внѣ дома.

Всѣ мальчики, которыхъ Пушкинъ успѣлъ мелькомъ узнать до экзамена въ пріемной министра, оказались принятыми; только изъ двухъ Пущиныхъ одному пришлось отказаться отъ лицея,—не потому, чтобы онъ не выдержалъ испытанія, а потому, что графъ Разумовскій хотѣлъ возможно бóльшему числу „знатныхъ“ семействъ открыть доступъ въ новое привилегированное заведеніе и предоставилъ адмиралу Пущину одну только вакансію для обоихъ его внуковъ, съ тѣмъ, чтобы онъ самъ выбралъ изъ нихъ въ лицей любого. Выборъ палъ на Ивана Пущина, т.-е. на того самаго, который болѣе приглянулся Пушкину. И вотъ, при первомъ же разставаньи на квартирѣ директора, Пушкинъ зазвалъ его къ себѣ.

— Не зайдете ли вы когда-нибудь вечеромъ? Пожалуйста!

— „Вы?“ — переспросилъ Пущинъ и взглянулъ Пушкину въ глаза такъ открыто и довѣрчиво, что тотъ невольно покраснѣлъ.

— Ну, „ты“,—поправился Пушкинъ.—Тутъ недалеко... (Онъ сказалъ адресъ). Зайдешь?

— Съ удовольствіемъ.

— И мнѣ можно?—раздался позади ихъ вкрадчивый голосъ. Оказалось, что то былъ голосъ подслушавшаго ихъ Гурьева.

Хотя послѣдній, по своей дѣланной любезности и навязчивости, и не особенно былъ пріятенъ Александру, но такъ-какъ, въ то же время, своею неизмѣнною игривостью и веселостью онъ оживлялъ всякое общество, то Пушкинъ не задумался изъявить свое согласіе.

— Сдѣлай одолженіе. Чѣмъ больше насъ будетъ, тѣмъ лучше.

— Такъ и Ломоносова привести можно? Онъ добрый малый!..

— Конечно, приведи.

Пушкинъ охотно пригласилъ бы еще и барона Дельвига, и князя Горчакова, но тѣ проводили осень у родныхъ на дачѣ: одинъ—въ Петергофѣ, другой—гдѣ-то еще дальше.

Такъ, еще до поступленія въ лицей, Пушкинъ сошелся съ тремя названными товарищами и съ сыномъ директора Малиновскаго, который нерѣдко также навѣщалъ его. Но болѣе тѣсныя, дружескія отношенія у него установились только съ Пущинымъ, съ которымъ онъ видался почти ежедневно, то на дому, то въ Лѣтнемъ саду.

Василій Львовичъ не хотѣлъ вернуться въ Москву до окончательнаго водворенія племянника въ стѣнахъ

лицея; онъ не разъ нанималъ лодку и возилъ маленькихъ пріятелей на острова. Первая изъ такихъ поѣздокъ, устроенная вскорѣ послѣ экзамена, въ ознаменованіе его благополучнаго исхода, осталась особенно памятною всѣмъ участникамъ.

Вечеръ былъ тихій, ясный; настроеніе всѣхъ—самое праздничное. Лодочника не взяли, потому что и безъ него въ яликѣ было куда тѣсно отъ пяти человѣкъ лицеистовъ и толстяка Василья Львовича. Да въ помощи его и не нуждались: мальчики чуть не дрались изъ-за веселъ и гребли наперерывъ.

Пока они плыли еще Мойкой и Крюковымъ каналомъ, юной удали ихъ негдѣ было развернуться. Но, выбравшись разъ изъ подземнаго рукава Крюкова канала, изъ мрака, сырости и духоты, въ Большую Неву, на солнце, просторъ и воздухъ, они вздохнули вольною грудью, и когда тутъ Василій Львовичъ затянулъ густымъ, звучнымъ баритономъ: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“,—всѣ пятеро лицеистовъ разомъ подхватили своими звонкими отроческими альтами,—и понеслась стародавняя пѣсня, правда, не совсѣмъ стройно, но очень одушевленно, надъ сверкающей зыбью рѣки.

— Вы бы, Гурьевъ, немножко полегче,—ласково замѣтилъ Василій Львовичъ:—у васъ слуха-то, кажется, совсѣмъ не полагается.

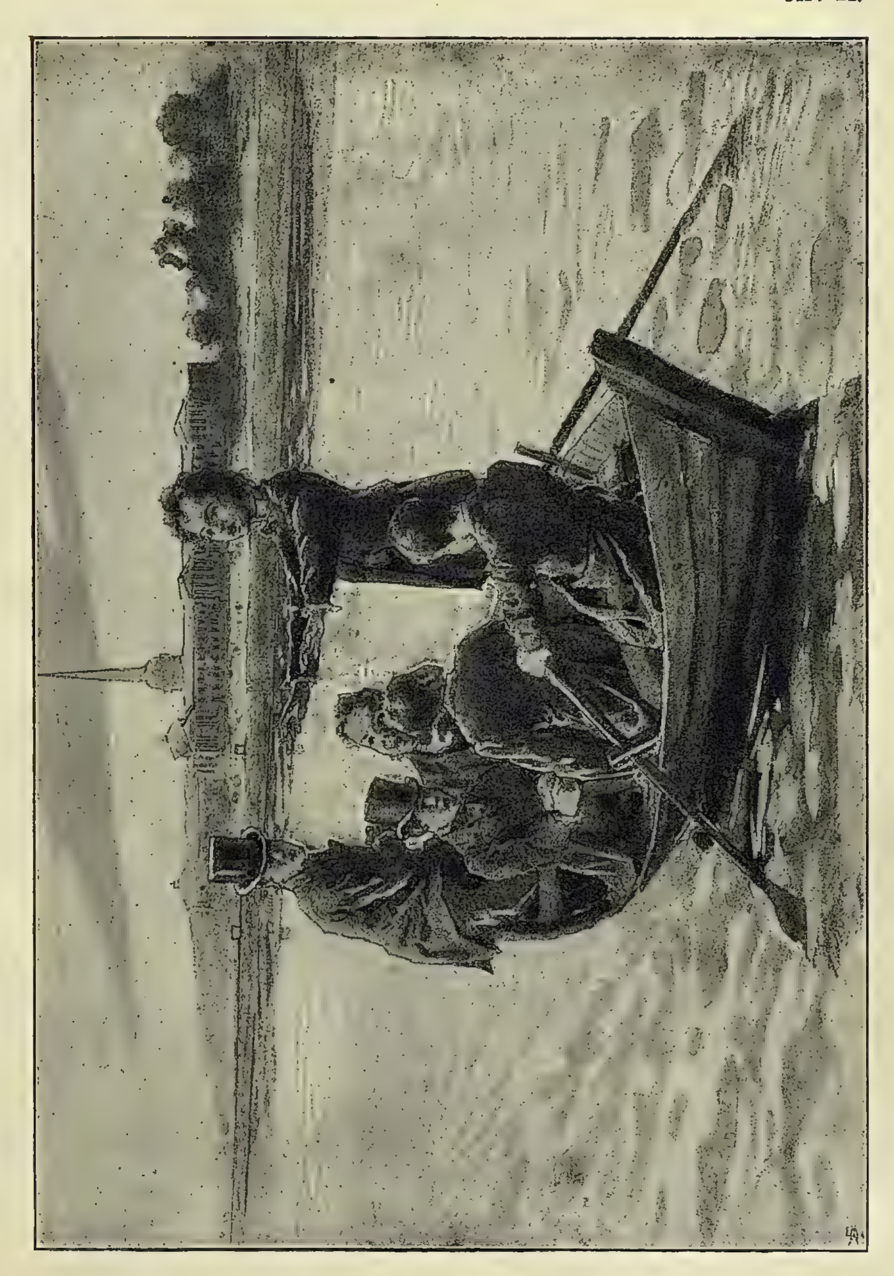
А живчикъ-племянникъ ужъ вскочилъ со скамейки и энергически замахалъ тактъ рукой надъ головами хора:

— Дружно! Дружно!

„Ничего въ волнахъ не видно“.

Улыбаясь пылкости самозванаго капельмейстера, но все-таки повинуясь движеніямъ его руки, хоръ, въ

стр. 44.

„Внизъ по матушкѣ по Волгѣ!“

самомъ дѣлѣ, запѣлъ какъ-будто согласнѣй. Когда, наконецъ, въ воздухѣ замерли послѣдніе звуки пѣсни, Александръ, подъ впечатлѣніемъ охватившаго его порыва, простеръ руки къ солнцу и воскликнулъ:

— А славно жить на свѣтѣ, господа! Такъ бы сейчасъ и обнялъ весь міръ!

— И бухнулъ бы вмѣстѣ съ нимъ въ воду,—досказалъ дядя, стараясь привести въ равновѣсіе яликъ, который такъ и качался съ боку-на-бокъ подъ ногами непосѣда-племянника.—Умѣрь свой телячій восторгъ и садись-ка лучше.

— Сегодня, дяденька, мой день! Вы хоть и пригласили насъ, но я плачу и за яликъ, и за угощенье!

— Изъ какихъ это благъ?

— Ну, столько-то у меня найдется; а ежели бы не достало, то у васъ достанетъ.

— Ага!

— Нѣтъ, дядя, я говорю не о вашихъ собственныхъ деньгахъ, а о тѣхъ, что̀ вы взяли у меня на храненіе.

— Я—взялъ? Перекрестись! Когда это?

— Да неужто вы забыли? Бабушка Варвара Васильевна и тетушка Анна Львовна *) подарили мнѣ на орѣхи, передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Москвы, сто рублей, а вы доро́гой отняли ихъ у меня. Игнатій можетъ засвидѣтельствовать это.

— А! да...—замялся Василій Львовичъ.—Ну, братецъ мой, возвращать ихъ тебѣ цѣлостью, я вижу,

---

*) Варвара Васильевна Чичерина—сестра родной бабушки Александра Сергѣевича со стороны отца, Ольги Васильевны Пушкиной, урожденной Чичериной; Анна Львовна Пушкина—сестра Василья и Сергѣя Львовичей.

опасно, потому что ты сейчасъ готовъ растранжирить.

— Но они мнѣ могутъ понадобиться въ Царскомъ...

— Царское еще впереди, а теперь тебѣ ихъ не видать, какъ своихъ ушей.

Возвратилъ ли когда-нибудь впослѣдствіи племяннику до-нельзя забывчивый Василій Львовичъ эти сто руб.—неизвѣстно; знаемъ мы только изъ письма Александра Сергѣевича къ князю Вяземскому, написаннаго четырнадцать лѣтъ спустя, что къ тому времени деньги все еще не были возвращены.

Спустившись внизъ по Невѣ на взморье, наша веселая компанія обогнула Галерную Гавань, завернула въ Малую Невку и высадилась на Крестовскомъ островѣ. Минутъ десять спустя, она сидѣла уже въ тѣнистомъ садикѣ извѣстнаго тогда ресторана, котораго въ наше время и вcase помину нѣтъ, такъ-какъ процвѣтавшій нѣкогда Крестовскій теперь рѣшительно забытъ и заброшенъ.

— Такъ, стало быть, мы можемъ сегодня пороскошничать на твой счетъ?—насмѣшливо спросилъ Василій Львовичъ племянника.

— Можете, и даже прошу.

— Слышите, господа? Онъ проситъ васъ не стѣсняться въ депансахъ. Эй, человѣкъ! мнѣ, первымъ дѣломъ, двѣ дюжины устрицъ и бутылку клико! Да льду, чуръ, не забыть.

Вскорѣ за столомъ завязалась самая задушевная, шумная, полудѣтская, полуюношеская бесѣда. Оживленію ея не мало способствовало и замороженное шампанское, которое Василій Львовичъ розлилъ по бокаламъ изъ потребованной имъ сперва одной, а по-

томъ и второй бутылки. По тонкой, самодовольной улыбкѣ, не сходившей съ его благодушнаго лица, легко было догадаться, что про себя онъ давно уже рѣшилъ потѣшиться только надъ расточительнымъ племянникомъ и, въ концѣ концовъ, всѣ „депансы“ по сегодняшнему угощенію покрыть изъ собственнаго кармана.

Александръ же, въ качествѣ хозяина, былъ особенно развязенъ и веселъ. Щеки его горѣли, глаза искрились; онъ былъ, что́ называется, въ ударѣ: шутилъ, острилъ и, то и дѣло, заливался самымъ искреннимъ смѣхомъ, показывая сплошной рядъ своихъ чудныхъ бѣлыхъ зубовъ.

Пущинъ невольно на него заглядѣлся и замѣтилъ:

— А веселость тебѣ, Пушкинъ, очень къ лицу.

— Юный Вакхъ! —пояснилъ Василій Львовичъ:— только бы увить кудри цвѣтущимъ плющемъ и виноградомъ... Никто изъ васъ, господа, я чай, и не повѣритъ, что сей самый попрыгунъ и живчикъ, на первой зарѣ жизни, сирѣчь до 7-ми лѣтъ, былъ неповоротливый пузанъ и медвѣженокъ.

— Ну? Не можетъ быть! — удивились товарищи Александра.

— Дядя преувеличиваетъ,—отозвался племянникъ.

— Преувеличиваю? Шила, братъ, въ мѣшкѣ не утаишь! Ужъ кому, какъ не мнѣ, знать тебя съ младыхъ ногтей? Разскажу вамъ, государи мои, въ назиданіе, только слѣдующій случай. Въ одно прекрасное утро, матушка нашего героя разрядила своего первенца, какъ куколку, и повела гулять. Медвѣженокъ же съ первыхъ шаговъ усталъ и какъ-разъ, когда приходилось перейти улицу, категорически заявилъ свое рѣшеніе:

„— А я, мама, сяду.

„Мама, понятно, такъ и ахнула.

„— Куда сядешь? Боже тебя упаси!

„Молодчикъ, между тѣмъ, привелъ ужъ въ исполненіе свое рѣшеніе: преспокойно усѣлся посреди улицы,— благо, было сухо; но за то, какъ сѣлъ, такъ вокругъ него столбомъ пыль взвилась. А тутъ, какъ на бѣду, всю эту сцену видѣла изъ окошка ближняго дома какая-то дама и отъ души расхохоталась. Александръ вломился въ амбицію, окрысился и на всю улицу крикнулъ ей:

„— Нечего зубы-то скалить!"

На этомъ мѣстѣ разсказъ Василья Львовича былъ прерванъ громогласнымъ хохотомъ слушателей-лицеистовъ. Самъ герой разсказа, Александръ, чтобы скрыть свое смущеніе, хохоталъ чуть ли не громче всѣхъ и залпомъ осушилъ свой бокалъ.

— Я совѣтовалъ бы тебѣ, Александръ, не пить больше,—предостерегъ его дядя:—ты такъ полнокровенъ...

— Что жъ изъ того?—легкомысленно возразилъ Пушкинъ, откидывая назадъ голову.

— А то, дружище, что въ возбужденномъ состояніи ты намъ здѣсь, пожалуй, учинишь еще пущій афронтъ, чѣмъ достоуважаемой матушкѣ. Можете вообразить себѣ, господа, какъ сконфузила вышеописанная выходка сына столь блестящую и гордую барыню, какова извѣстная всему высшему кругу Бѣлокаменной Надежда Осиповна Пушкина! Она готова была, какъ сама мнѣ потомъ признавалась, сквозь землю провалиться, и, разумѣется, съ того самаго раза никогда ужъ его съ собой гулять не брала. Вообще я долженъ относительно матушки его доложить вамъ...

— Оставьте, пожалуйста, дядя, маменьку мою въ покоѣ!—отрывисто и глухо пробурчалъ, весь вспыхнувъ, Александръ и, уткнувшись въ тарелку, съ ожесточеніемъ принялся рѣзать и набивать себѣ за обѣ щеки поданную ему котлетку.

— Да картина, любезнѣйшій мой, не была бы полна...

— Ни слова больше!—перебилъ, задыхаясь уже, племянникъ,—а не то...

— Что?

— Я... я совсѣмъ уйду отсюда...

— Ну, ну, не буду. „Чти отца твоего и матерь твою“, гласитъ пятая заповѣдь Господня.

И Василій Львовичъ ласково сталъ гладить курчавую голову мальчика, приговаривая:

— Паинька-заинька!

Но такое дѣтское обращеніе, да еще въ присутствіи товарищей, было черезчуръ обидно для нашего поэта-лицеиста. Онъ бросилъ на тарелку ножъ и вилку и разомъ отодвинулся отъ стола.

— Это уже слишкомъ!..

— Нѣтъ, голубушка, по головкѣ-то тебя, хочешь, не хочешь, а погладимъ,—не унимался дядя.—Господа! подержите-ка его!

Вотъ это, дѣйствительно, было „ужъ слишкомъ“. Александръ увернулся отъ протянутыхъ къ нему рукъ, опрокинулъ при этомъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и бросился вонъ, прижимая къ глазамъ платокъ.

— Да онъ, сумасшедшій, въ самомъ дѣлѣ, удеретъ!—не на шутку всполошился дядя.—Бѣгите за нимъ, господа, верните его...

Пущинъ пустился въ погоню и, нагнавъ бѣглеца у выхода изъ сада, остановилъ его.

— Куда же ты, Пушкинъ?

— Пусти!—со слезами въ голосѣ проговорилъ тотъ, пряча платокъ и отталкивая Пущина.

— Если домой, то вѣдь ты и дороги-то не знаешь,— продолжалъ убѣждать Пущинъ.—Заблудишься ночью, Богъ знаетъ, куда попадешь, а въ лодкѣ преспокойно доѣхалъ бы опять въ компаніи.

— Ну, да! хороша компанія дяди! ты видѣлъ... Онъ воображаетъ, что я все еще малютка...

— Да пойми же, что онъ смотритъ на тебя какъ на своего сына, что онъ только пошутилъ!

— Шутка шуткѣ рознь, и всякому терпѣнію есть конецъ. Послѣдняя его шутка была послѣднею каплей... но она переполнила чашу...

— Послѣднею каплей, мнѣ кажется, былъ именно тотъ лишній глотокъ шампанскаго, отъ котораго онъ раньше предостерегалъ тебя,—возразилъ шутливо Пущинъ.—А уйдешь теперь, такъ вѣдь онъ, пожалуй, подумаетъ, что ты не хочешь расплатиться, какъ обѣщалъ.

— Такъ вотъ—нà, возьми мой кошелекъ...

— Нѣтъ, братъ, не возьму; я въ ваши семейные счеты не мѣшаюсь.

Въ это время, къ двумъ пріятелямъ подошелъ Малиновскій.

— Гдѣ же вы запропастились, господа? Мы собираемся играть въ кегли.

— Я не играю!—отказался Пушкинъ.

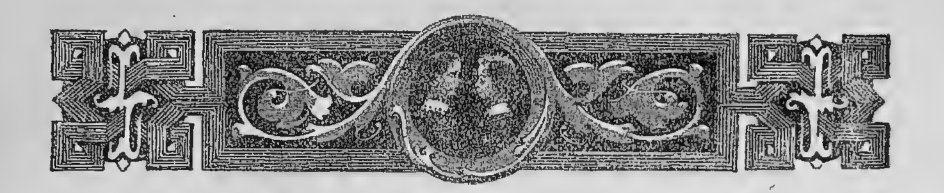
— Ну, такъ посмотри хоть: глядя, можетъ, не удержишься, самъ станешь играть.

— Да что съ нимъ долго растабаривать,—рѣшилъ Пущинъ:—нейдетъ доброй волей, такъ поведемъ

силой! Ты, Малиновскій, бери-ка его оттуда, а я— отсюда.

И, подхваченный подъ руки съ обѣихъ сторонъ, Пушкинъ, почти уже не сопротивляясь, даже смѣясь сквозь невысохшія еще слезы, направился со своими провожатыми къ кегельбану.

ГЛАВА V.

Молодое вино бурлитъ.

„Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!"
(Русланъ и Людмила.)

Наступилъ если не полный миръ, то продолжительное перемиріе. Четверо товарищей Пушкина, сбросивъ сюртуки и засучивъ рукава, съ юношескимъ азартомъ предались треволненіямъ кегельной игры. Василій Львовичъ не игралъ; вооружившись бокаломъ, онъ усѣлся на барьерѣ кегельбана и, болтая по воздуху своими короткими ножками, дѣлалъ игрокамъ дѣльныя замѣчанія, а въ случаѣ пререканій между ними—служилъ посредникомъ-экспертомъ. Племянникъ, не совсѣмъ еще успокоенный, прислонился къ столбу позади дяди и своими быстрыми глазами неотступно слѣдилъ за игрою товарищей, не особенно умѣлою, но чрезвычайно одушевленною. Шары съ трескомъ и гуломъ катились

внизъ по галлереѣ и съ грохотомъ вторгались въ разставленный на другомъ ея концѣ треугольникъ кеглей. Если кому удавалось хорошенько разгромить треугольникъ, то ловкость его награждалась общимъ возгласомъ одобренія; если же кто давалъ промахъ, то его осмѣивали безпощадно.

— Этакъ-то и я сумѣю! — послѣ одного такого промаха насмѣшливо замѣтилъ изъ-за своего столба Пушкинъ.

— Такъ что же, дружокъ, попробуй!—оглянулся на него дядя:—вѣкъ живи—вѣкъ учись.

— Не хочу!

Однако веселость играющихъ была такъ заразительна, что когда, послѣ двухъ сыгранныхъ партій, Александра опять пригласили, онъ не только не сталъ отнѣкиваться, но даже счелъ нужнымъ заявить:

— Въ кегли я, положимъ, не игралъ, но на бильярдѣ играю, и очень недурно.

— Гречневая каша сама себя хвалитъ,—замѣтилъ сосѣду вполголоса Гурьевъ.

— Что?

— Глухимъ двухъ обѣденъ не служатъ. Кидай, братъ, кидай!

Пушкинъ, по примѣру прочихъ, ухарски засучилъ рукавъ, смочилъ ладонь о влажную губку, взялъ шаръ и, раскачивая его, отступилъ на два шага.

— Вниманія, господа! — крикнулъ ему подъ-руку Гурьевъ:—первый пробный, но мастерской шаръ!

Пушкинъ, въ это время, разбѣжался и, размахнувшись, не могъ уже удержать шара. Отъ неопытности ли, или оттого, что Гурьевъ „сглазилъ подъ руку“, увѣсистый шаръ вырвался изъ обхватывавшей его ма-

ленькой руки на полсекунды ранѣе, чѣмъ бы слѣдовало, ударился о бортъ и покатился вдоль барьера, не задѣвъ ни одной кегли.

Понятно, что, послѣ предшествовавшей похвальбы игрока, такая его неудача не обошлась безъ взрыва хохота окружающихъ. А Гурьевъ опять-таки не преминулъ подтрунить:

— Видѣли, господа? Вотъ у кого бы намъ поучиться! Почемъ берешь за урокъ, Пушкинъ?

— Недорого,—былъ отвѣтъ:—здоровую плюху, если ты хоть слово еще пикнешь!

Угроза была сдѣлана такъ задорно, что Гурьевъ даже поблѣднѣлъ, а прочіе товарищи, видимо, были непріятно поражены грубостью Пушкина. Туть дядя его нашелъ нужнымъ выступить въ своей роли посредника.

— Ты—ужасный пѣтухъ, Александръ, — замѣтилъ онъ ему по-французски:—отъ друга-то можно бы, кажется, снести шпильку.

— Во-первыхъ, онъ мнѣ не другъ! — огрызнулся по-французски же Александръ, — а во-вторыхъ, я никому не позволю такихъ шпилекъ...

— Французъ!—послышался чей-то голосъ.

Пушкинъ мигомъ обернулся.

— Кто это бранится? Опять ты, Гурьевъ?

А тотъ ужъ схоронился за чужой спиной и оправдывался самымъ невиннымъ тономъ:

— И не думалъ... Господь съ тобой! Что же, господа, будемъ мы еще играть или нѣтъ?

Игра возобновилась. Пушкинъ продолжалъ дуться, но, въ то же время, бросилъ шаръ очень старательно, такъ что разъ свалилъ даже восемь кеглей.

— А? что?—обратился онъ къ Гурьеву.—Гречневая каша даромъ, что ли, хвалилась?

— Да всѣхъ девяти штукъ ты все-таки не свалилъ!

— И ты не свалилъ.

— Захочу—свалю.

— Какъ-же!

— А вотъ, гляди.

По какой-то счастливой, или, вѣрнѣе, несчастной случайности, Гурьеву на этотъ разъ, въ самомъ дѣлѣ, удалось свалить всѣ девять кеглей, и онъ, ликуя, закружился на каблукѣ.

— Ай-да я! чья взяла, а?

Но торжество его было непродолжительно. Пушкинъ, не въ силахъ уже сладить съ собою, подступилъ къ нему съ стиснутыми кулаками, съ трясущеюся нижнею челюстью, и собирался что-то сказать; но непослушныя губы его издали только какой-то дѣтскій лепетъ:

— Ва-ва-ва...

— Ва-ва-ва!—передразнилъ зазнавшійся Гурьевъ.

Клокотавшая въ жилахъ Пушкина кровь ударила ему въ голову, затуманила ее; не помня себя отъ гнѣва, онъ поднялъ на насмѣшника руку; но, къ счастью, одинъ изъ товарищей успѣлъ во̀ время отвести ударъ, такъ что задорный кулакъ только слегка скользнулъ по плечу Гурьева. Этотъ дотого перепугался, что расплакался навзрыдъ, какъ малый ребенокъ. Пущинъ же проворно подхватилъ забіяку подъ руку и увелъ въ глубь сада.

— Помилуй, Пушкинъ, что́ ты дѣлаешь?—урезонивалъ онъ его, шагая съ нимъ рука объ руку по темной аллеѣ.—Положимъ, Гурьевъ тоже виноватъ; но

ты видѣлъ сейчасъ, какой онъ нюня, точно старая баба: такъ стóитъ ли изъ-за него портить себѣ кровь? А главное, не забудь: вѣдь намъ битыхъ шесть лѣтъ придется высидѣть вмѣстѣ съ нимъ въ лицеѣ.

— Все это я очень хорошо понимаю,—сознался со вздохомъ Пушкинъ:—но чтó подѣлаешь со своей дикой натурой? Я все равно, чтò горячая лошадь: раззадорили ее—и кончено! готова, сломя голову, летѣть черезъ рвы и канавы въ первую пропасть.

— Какъ это въ тебѣ уживаются вмѣстѣ такое безумство и такой умъ?—замѣтилъ Пущинъ.—А ума у тебя очень много, болѣе, чѣмъ у кого-либо изъ насъ...

— Вотъ вздоръ! Я, можетъ быть, прочиталъ только немножко больше книгъ...

— Не немножко, а въ десять разъ больше, поэтому ты и развитѣе насъ. Мы съ Малиновскимъ ужъ толковали объ этомъ, и онъ совершенно согласенъ со мной.

— Да развѣ я когда-нибудь важничалъ передъ вами?

— Напротивъ: уму и познаніямъ своимъ ты точно не придаешь никакой цѣны. За то въ пустякахъ ты страшно самолюбивъ: никакъ не можешь простить, если кто-нибудь перещеголяетъ тебя въ физической силѣ или ловкости. Вѣдь правда?

— Правда; и ужъ изъ этого одного, Пущинъ, ты видишь, что я совсѣмъ не уменъ, а глупъ.

— Нѣтъ, не глупъ, а только—какъ ты самъ сейчасъ сказалъ — дикъ, горячъ. Теперь вотъ ты успокоился и прекрасно понимаешь, что погорячился. Знаешь ли, чтó я сдѣлалъ бы на твоемъ мѣстѣ?

Юные пріятели вышли въ это время изъ тѣнистой аллеи обратно на открытую площадку передъ ре-

сторономъ, и послѣдній отблескъ потухающей зари отчетливо освѣтилъ лицо Пушкина, въ половину обращенное къ собесѣднику. Въ выразительныхъ чертахъ его прежнее угрюмое упрямство уступило мѣсто искреннему раскаянію; на рѣсницахъ его сверкали слезы.

— Знаю!—сказалъ онъ, и безъ оглядки побѣжалъ къ кегельбану. Тутъ, подойдя сзади къ Гурьеру, онъ опустилъ ему на плечи руки и шепнулъ на ухо:

— Прости меня... забудь, пожалуйста...

Трусишка Гурьевъ никакъ, повидимому, не ожидалъ, что гордецъ Пушкинъ самъ придетъ къ нему съ повинной, и въ первую минуту сильно испугался. Но, взглянувъ въ застѣнчиво-дружелюбные глаза своего недавняго врага, онъ понялъ, что, дѣйствительно, гроза миновала, и крѣпко обнялъ, расцѣловалъ его.

— И ты забудь... Милые бранятся — только тѣшатся.

— А что же у меня-то, Александръ, ты такъ и не попросишь прощенья?—съ снисходительной усмѣшкой спросилъ Василій Львовичъ.

Александръ также улыбнулся въ отвѣтъ и потупился.

— Да вѣдь не я, дядя, первый началъ...

— Такъ, стало быть, и не тебѣ первому мириться? Ну, изволь, Господь съ тобой! Гора не подошла къ Магомету, такъ Магометъ подошелъ къ горѣ.

При видѣ протянутой ему руки, сердце Александра смягчилось, и онъ такъ искренно сжалъ эту выхоленную, пухлую руку своими костлявыми, нервными пальцами, что Василій Львовичъ даже поморщился.

— Полегче, братъ!

Такимъ образомъ, общій миръ былъ окончательно заключенъ и уже не прерывался. Гурьевъ, послѣ даннаго ему Пушкинымъ урока, точно воспылалъ къ нему особенною нѣжностью и весь остальной вечеръ заискивалъ, юлилъ около него, заглядывалъ ему въ глаза, громче всѣхъ смѣялся его остротамъ.

Когда, наконецъ, стали собираться во-свояси и потребовали отъ буфетчика разсчета, то между двумя Пушкиными—дядей и племянникомъ—завязалось благородное соревнованіе: ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ допустить другого до расплаты. Александръ, отведя дядю рукой, высыпалъ изъ маленькаго бисернаго кошелька своего на прилавокъ весь наличный свой капиталъ. Но тутъ оказалось, что капиталъ этотъ не покроетъ и половины сдѣланныхъ „депансовъ". Василій Львовичъ, смѣясь, доплатилъ остальное.

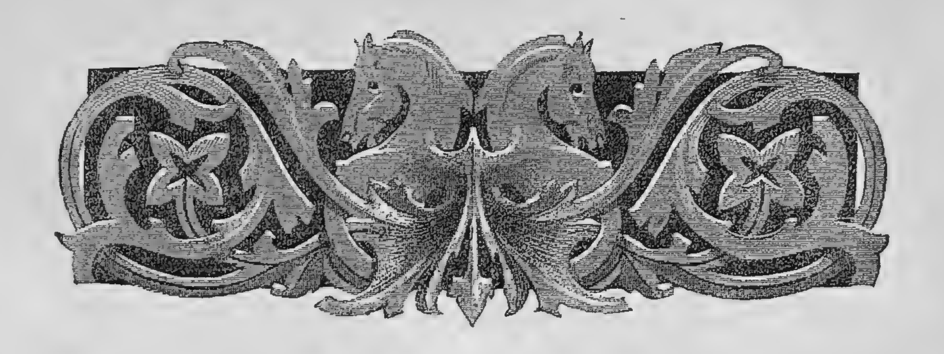
— Что и требовалось доказать!—сказалъ онъ.—А впослѣдствіи, братъ, увидишь, еще займешь у меня.

— Клянусь вамъ, дядя...

— Не заклинайся: нарушеніе клятвы —одинъ изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ.

Не разъ еще послѣ того повторялись эти водяныя прогулки. Повторялись у молодого Пушкина и вспышки его задорнаго нрава. Но онъ самъ уже строго наблюдалъ за собой, чтобы не дать этимъ вспышкамъ разгорѣться до пожара. А дядя былъ настолько предусмотрителенъ, что, для устраненія горючаго матеріала, угощалъ впослѣдствіи молодежь только однимъ чаемъ.

ГЛАВА VI.

Первый привѣтъ лицея.

„Прощай, свободная стихія!“
(Къ морю.)

„Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!“
(Стихи безъ заглавія, писанные къ Пущину.)

Открытіе лицея, предполагавшееся къ началу учебныхъ занятій въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, т.-е. 1-го сентября, отлагалось дважды: сперва — вслѣдствіе замедленія во внутренней отдѣлкѣ лицейскаго зданія, потомъ—вслѣдствіе несвоевременной доставки изъ Петербурга классной мебели. Наконецъ, все было готово, и воспитанникамъ было предложено съѣхаться въ Царское Село за нѣсколько дней до 19 октября, когда должно было послѣдовать формальное открытіе лицея.

За три дня до этого торжества, Пушкины, дядя и племянникъ, выѣхали къ мѣсту въ собственной бричкѣ Василья Львовича, въ которой прибыли еще изъ Мо-

сквы. Единственнымъ путемъ сообщенія между столицею и Царскимъ Селомъ служило въ то время шоссе; а такъ какъ имъ пользовался и весь Высочайшій Дворъ, то оно содержалось въ образцовомъ порядкѣ, и трехчасовой переѣздъ въ Царское не столько утомилъ нашихъ бывалыхъ путешественниковъ, сколько возбудилъ въ нихъ волчій аппетитъ. Директоръ лицея, Василій Өедоровичъ Малиновскій, принялъ Пушкиныхъ тѣмъ болѣе радушно, что зналъ Василья Львовича еще по Москвѣ, и тотчасъ распорядился закуской. Въ ожиданіи послѣдней, Василій Львовичъ усадилъ хозяина рядомъ съ собой на диванъ и, схвативъ его за пуговицу, съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ сталъ осыпать его, какъ изъ рога изобилія, столичными новостями. Племянникъ, между тѣмъ, точно чѣмъ-то подавленный, пришибленный, отошелъ на противоположный конецъ комнаты, къ окошку, выходившему въ садъ.

До послѣднихъ дней погода стояла чуть не лѣтняя: ясная, теплая. Но въ послѣднюю ночь ртуть въ градусникѣ разомъ упала ниже нуля: съ ранняго утра стоялъ густой туманъ, а теперь, къ полудню, разыгралась первая зимняя вьюга. Съ ноющей тоской слѣдилъ Александръ за безжалостной игрой бушевавшаго вѣтра: какъ срывалъ онъ съ деревьевъ послѣдніе листья, какъ смѣшивалъ ихъ съ хлопьями крутящагося снѣга и тутъ же засыпалъ безжизненной бѣлой пеленой,—не такъ ли точно срывались теперь и послѣдніе листья съ вольнаго, беззаботнаго дѣтства его, Александра, и заметались не на одинъ годъ, а на цѣлыя шесть лѣтъ мертвящимъ снѣгомъ школьной дрессировки?

И крылатая мечта перенесла его уже далеко-далеко—въ Москву, а оттуда еще за 40 верстъ далѣе—

въ милое Захарьино, имѣніе покойной бабушки его, Марьи Алексѣевны. Съ ранней весны они всей семьей перебрались уже туда на дачу; и вотъ онъ вдвоемъ съ сестрицей Олей, неразлучной подругой его дѣтскихъ игръ, весело обѣгаетъ сперва весь домъ, а потомъ взламываетъ наглухо заколоченную съ осени дверь балкона. О, какъ здѣсь чудно свѣжо, какъ дышется вольно! Рука объ руку съ Олей, онъ соскакиваетъ въ садъ и, со смѣхомъ таща ее за собой, во весь духъ несется внизъ по кленовой аллеѣ, покрытой первымъ зеленымъ пухомъ, къ манящему вдали зеркальному пруду. Бѣгутъ они и на бѣгу кричатъ другъ другу:

— Смотри-ка, смотри: вонъ, тутъ, помнишь, мы играли сколько разъ въ горѣлки?

— А тамъ, направо, видишь, старый дубъ, гдѣ обѣдали всегда въ жаркую погоду?

Въ это время, откуда-то доносятся къ нимъ звонкіе дѣвичьи голоса, такъ и заливающіеся знакомою пѣсней.

— Ахъ, это, вѣрно, опять хороводъ въ деревнѣ!

Но вотъ, сестрицу Олю увели переодѣваться. Онъ, Александръ, потихоньку уноситъ со стола забытую отцомъ книжку и зарывается въ глубину парка, гдѣ его уже никто не разыщетъ. Растянувшись на мягкой, душистой травѣ, онъ раскрываетъ книгу. Но лежать здѣсь такъ отрадно: солнечные лучи, сквозь прозрачную еще зелень, пригрѣваютъ такъ ласково... И интересная книга валится у него изъ рукъ. Заложивъ, вмѣсто подушки, за голову руки, онъ лежитъ на спинѣ и, не отрывая глазъ, глядитъ въ это синѣющее между зелеными верхушками небо, по которому тихо-тихо

плывутъ молочно-бѣлыя облака. И грудь у него ширится, точно готова распахнуться, и самъ онъ готовъ ринуться туда, въ эту глубокую, бездонную синеву, и, падая, ухватиться за облачко, чтобы поплыть на немъ чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, хоть на самый край свѣта...

— О чемъ замечтались, миленькій мой!—прозвучалъ надъ самымъ ухомъ Пушкина чей-то не то насмѣшливый, не то вкрадчивый голосъ, и чья-то рука фамильярно легла къ нему на плечо.

Милыя видѣнья недавняго прошлаго разлетѣлись какъ дымъ. Снова передъ глазами его замелькали, закрутились безчисленные снѣжные хлопья, снова нависъ сверху непроглядный, свинцово-сѣрый небесный сводъ, а сердце загрызла прежняя тоска. Рѣзкимъ движеніемъ плеча онъ отвелъ непрошенную руку и, нахмурясь, обернулся.

Передъ нимъ стоялъ сухопарый господинъ въ вицмундирѣ, съ тонкою усмѣшкой на тонкихъ губахъ и съ умильно-прищуренными, маслянистыми глазами; но глаза эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, глядѣли такъ пристально, что, казалось, хотѣли проникнуть въ самую душу.

— Съ кѣмъ имѣю честь?..—холодно пробормоталъ Пушкинъ.

Незнакомецъ беззвучно разсмѣялся и отвѣтилъ тѣмъ же ласковымъ тономъ:

— Имѣете честь говорить съ однимъ изъ вашихъ будущихъ начальниковъ, класснымъ надзирателемъ Мартыномъ Степановичемъ Пилецкимъ-Урбановичемъ. Но таковымъ я почитаюсь только по званію служебному, на дѣлѣ же я буду вашимъ ближайшимъ другомъ, который вполнѣ замѣнитъ вамъ и отца, и мать, и дядю.

— Никогда!—вырвалось у Пушкина.

— Та-та-та! Экой вы, милѣйшій мой, недотрога и незамайка. Мнѣ говорили ужъ, что вы до сей поры, какъ одичалый конь, не вѣдали узды и браздовъ. Наши бразды будутъ самыя вольготныя, можно сказать—бархатныя, но все-же научатъ васъ идти туда, куда долгъ велитъ. Вы вступаете у насъ, дорогой мой, въ такую же родственную семью, какъ ваша, но, несомнѣнно, въ болѣе благоустроенную, ибо, какъ я не безъ огорченія слышалъ...

Пушкинъ не далъ ему договорить.

— Прошу васъ, господинъ надзиратель, не трогать моей семьи! Я этого не могу позв... не могу слышать...

Пилецкій промолчалъ, только сжалъ свои тонкія губы, повернулся на каблукахъ и отошелъ къ Василью Львовичу, который продолжалъ свою неумолкаемую бесѣду съ Малиновскимъ.

— Однако племянничекъ-то вашъ, господинъ Пушкинъ, признаться сказать, еще строптивѣе, чѣмъ вы мнѣ давеча говорили!—замѣтилъ Пилецкій.

— Не всякое лыко въ строку, господинъ надзиратель,—благодушно вступился Василій Львовичъ:— разлука, знаете, съ родными, новая обстановка, то да сё...

— Да и голодъ, конечно!—хватился Малиновскій.— Что-жъ это не подадутъ горячаго бульону?

И, позвонивъ слугу, онъ распорядился завтракомъ.

— Прошу васъ, господа, закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Александръ! подите же сюда, покушайте съ нами.

— Благодарю... право, не хочется...—отказался мальчикъ.

Зато Василья Львовича не нужно было еще разъ просить; смачно закусывая, онъ обратился къ надзирателю:

— Изволите видѣть: даже аппетитъ у молодца отбило, хоть съ утра во рту маковой росинки не было. Выражаясь фигурально, это—молодое деревцо, пересаженное на чуждую почву: какъ его ни поливай,—въ первое время свѣжіе дотолѣ листья поблекнутъ, свернутся. Все теперь въ вашихъ рукахъ, въ рукахъ его будущихъ садовниковъ; вы можете акклиматизировать его, заставить приносить обильные и сочные плоды, какъ вотъ эта ветчинка. А славно запечена! Это у васъ здѣшній колбасникъ мастеръ такой, или изъ Питера вывезли? Отвѣдай, Александръ: во рту, я тебѣ скажу, таетъ.

— Ей-богу, не могу, дядя...

— Ну, послѣ, за общимъ столомъ накушается тѣмъ плотнѣе,—замѣтилъ Малиновскій.—Вы бы, Мартынъ Степановичъ, отвели его теперь къ товарищамъ; это его немножко развлекло бы.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ Пилецкій и взялъ уже Александра за руку.

Но Василій Львовичъ остановилъ племянника:

— Да вѣдь мы съ тобой, я думаю, ужъ не увидимся?

— Вы сейчасъ развѣ ѣдете, дядя?

— Мнѣ надо еще уложиться въ Москву.

Племянникъ заволновался.

— Какъ? но передъ отъѣздомъ туда вы все-же заѣдете сюда, въ Царское?

— Да, проѣздомъ, пока на станціи перепрягаютъ лошадей, можетъ статься, загляну на минутку. Но проститься, на всякій случай, не мѣшаетъ.

— А къ открытію лицея вы развѣ не будете?

— Не пустятъ, дружокъ: за множествомъ сановниковъ, которые будутъ сопровождать Ихъ Величества, для нашего брата, простого смертнаго, говорятъ, мѣста не хватитъ.

— Да, къ сожалѣнію,—подтвердилъ директоръ:— по распоряженію министра...

— Ахъ, дядя!..

— Что, голубушка родная, жутко стало? Ничего, не тужи! Терпи казакъ—атаманъ будешь. А дома-то отъ тебя поклониться?

— Пожалуйста! Олѣ, нянѣ...

— И родителямъ?

— Да, конечно... Прощайте, дядя...

— А обнять на прощанье не хочешь?

Александръ, не сдерживая уже слезъ, повисъ у него на шеѣ.

— Прощайте... не забывайте меня, пишите... Благодарю васъ, дядя, за все, за все...

— Не за что, милый мой,—отвѣчалъ растроганный Василій Львовичъ, цѣлуя племянника.

Такъ-же порывисто, какъ обнялъ дядю, Александръ оторвался теперь отъ него и выбѣжалъ изъ комнаты, отирая на-бѣгу глаза. Надзиратель Пилецкій схватилъ со стола свою фуражку и поспѣшилъ за мальчикомъ, напрасно крича ему:

— Куда же вы, Пушкинъ? Вѣдь вы и дороги-то не знаете!

Догналъ онъ его только на другой сторонѣ двора, когда Пушкинъ поневолѣ задержалъ шагъ, недоумѣвая, въ какую дверь войти. Буйнымъ вѣтромъ такъ и развѣвало на непокрытой головѣ его густыя кудри, такъ

и хлестало его по разгоряченному лицу колючими снѣжинками.

— Сюда, за мной!—крикнулъ ему Пилецкій, бросаясь въ ближайшую дверь:—въ четвертый этажъ!..

Пушкинъ уже опередилъ его и, шагая черезъ двѣ ступени, побѣжалъ наверхъ. Тутъ, на поворотѣ лѣстницы, онъ столкнулся лицомъ къ лицу со спускавшимся внизъ другимъ лицеистомъ, въ казенной уже формѣ—синемъ сюртукѣ съ красными обшлагами.

„Пушкинъ!“ „Пущинъ!“ вырвалось разомъ у обоихъ.

Не будь тутъ надзирателя, который, задыхаясь, догонялъ Пушкина, они, быть можетъ, заключили бы другъ друга въ объятья; теперь же, въ присутствіи незванаго свидѣтеля, они ограничились только рукопожатіемъ. Впрочемъ, и Пилецкому, должно быть, уже порядкомъ успѣлъ надоѣсть не вмѣру шустрый новичекъ-лицеистъ, потому что онъ поспѣшилъ сбыть его съ рукъ:

— Очень радъ, что вы попались намъ, Пущинъ. Отведите-ка товарища въ его камеру, да кликните дежурнаго дядьку.

Съ этими словами, онъ отворилъ сосѣднюю дверь третьяго этажа и захлопнулъ ее за собой. Лицеисты наши продолжали стоять на площадкѣ, держась за руки и глядя вслѣдъ надзирателю.

— Съ этой минуты, значитъ, мы шесть лѣтъ будемъ неразлучны? — заговорилъ первымъ Пущинъ, крѣпко сжимая руку пріятеля и дружески заглядывая ему въ глаза.—Да ты, Пушкинъ, никакъ плакалъ?

— Ахъ, вовсе нѣтъ!.. — сконфуженно возразилъ тотъ:—я не выспался хорошенько...

— Чего же ты стыдишься? Вѣдь ты, вѣрно, сейчасъ прощался съ Васильемъ Львовичемъ?

— Прощался.

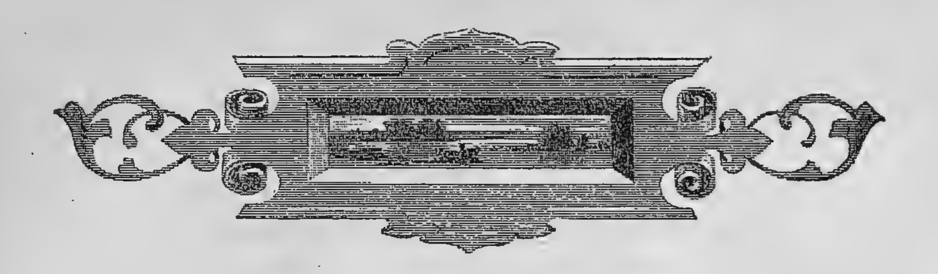
— Ну, вотъ. И я тоже, когда разставался со своими,—а они совсѣмъ близко, въ Петербургѣ,—и я захныкалъ, какъ маленькій ребенокъ.

— Мы оба, стало быть, еще дѣти!—разсмѣялся Пушкинъ.—Однако, здѣсь на лѣстницѣ вовсе не жарко.

— И то правда! идемъ же, идемъ. Я тебѣ сейчасъ покажу твою новую квартиру. Ну, кто скорѣе?

И, по-прежнему держась за руки, они взапуски пробѣжали остальныя ступени до четвертаго этажа.

ГЛАВА VII.

На новосельи.

„Стулъ ветхій, не обитый
И шаткая постель,
Сосудъ водой налитый,
Соломенна свирѣль—
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу...“
(Посланіе къ сестрѣ).

Въ нижнемъ этажѣ отведеннаго для лицея флигеля царскосельскаго дворца было размѣщено все лицейское начальство (за исключеніемъ директора, помѣстившагося въ надворной пристройкѣ); во второмъ этажѣ были: столовая, конференцъ-зала, канцелярія и больница; въ третьемъ — классы, рекреаціонный залъ, физическій кабинетъ, а въ аркѣ, соединявшей лицей съ главнымъ зданіемъ дворца, — библіотека лицеистовъ, гдѣ насчитывалось, уже въ 1811 году, 800 томовъ; наконецъ, весь четвертый этажъ, куда поднялись теперь Пушкинъ и Пущинъ, былъ занятъ дортуарами воспитанниковъ. Вдоль всего этого этажа шелъ коридоръ, который освѣщался только рѣшетчатыми око-

шечками въ дверяхъ камеръ, расположенныхъ по обѣ его стороны, такъ что даже въ свѣтлый солнечный день тамъ царствовалъ полумракъ, а теперь, въ пасмурную погоду, было еще темнѣе. Въ этихъ потемкахъ Пушкинъ едва разглядѣлъ общія очертанія двигавшейся издали навстрѣчу имъ, мѣрнымъ солдатскимъ шагомъ, коренастой, рослой фигуры.

— Старшій дядька нашъ Леонтій Кемерскій,— шепнулъ ему Пущинъ:—преуслужливый, но и продувной!

Рекомендованный такъ дядька приблизился къ нимъ, между тѣмъ, уже настолько, что Пушкинъ различилъ весьма благообразнаго, осанистаго старика-бакенбардиста, съ цѣлымъ рядомъ медалей и крестовъ на широкой, выпуклой груди и съ нѣсколькими почетными нашивками на рукавѣ.

— Вотъ, Леонтій, я привелъ тебѣ еще новичка— № 14,—заявилъ ему Пущинъ.

Леонтій сдѣлалъ новичку, по военному, подъ воображаемый козырекъ.

— Здравія желаемъ вашему благородію! Добро пожаловать! Камера ваша давно по васъ плачетъ.

Доставъ изъ кармана полную горсть нумерованныхъ ключей, онъ пошелъ назадъ по коридору и, пройдя нѣсколько камеръ, остановился передъ дверью съ черною дощечкой, на которой Пушкинъ прочелъ надпись:

„№ 14. АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ".

— А посмотри-ка, рядомъ кто?—сказалъ Пущинъ. На сосѣдней двери такая же дощечка гласила:

„№ 13. ИВАНЪ ПУЩИНЪ".

Пушкинъ переглянулся съ пріятелемъ сіяющимъ взоромъ.

— Сама судьба насъ свела!

Дядька, тѣмъ временемъ, раскрылъ настежь дверь и покровительственнымъ движеніемъ руки ввелъ новичка во владѣніе его будущимъ жилищемъ.

— Милости просимъ, сударь! Съ новосельемъ-съ.

Камера была невелика, но, во всякомъ случаѣ, достаточно помѣстительна для одного человѣка, тѣмъ болѣе для подростка. Въ ней стояли: подъ окномъ—столикъ, у одной стѣны—кровать и умывальный столъ, у другой—комодъ съ зеркальцемъ надъ нимъ, стулъ и конторка. Окрашенная въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ, съ красной каемкой по потолку, освѣщаемая единственнымъ, но высокимъ окномъ, комнатка эта даже теперь, въ сѣрый зимній день, имѣла привѣтливый, уютный видъ. На конторкѣ стояли чернильница и шандалъ со щипцами (въ то время употреблялись однѣ только сальныя свѣчи, съ которыхъ нагаръ „снимался" щипцами), а на гвоздяхъ у дверей аккуратно были развѣшаны полотенце и казенная аммуниція новаго постояльца. Глаза Александра прежде всего съ удовольствіемъ остановились на чернильницѣ.

— И чернила ужъ налиты!—сказалъ онъ.

— Да, чернильная душа, — отвѣчалъ Пущинъ.— Можешь хоть сейчасъ приняться писать стихи.

— Нѣтъ ужъ, батюшка, ваше благородіе, — вмѣшался дядька, буквально принявшій слова Пущина:—перво-на-перво дайте имъ хошь перерядиться, какъ быть слѣдуетъ.

Выдвинувъ ящикъ комода, онъ досталъ оттуда бѣлье, снялъ съ гвоздя форменное платье и поштуч-

но сталъ подавать Пушкину каждую вещь, приговаривая:

— Наша обязанность, сударь, хранить и холить вашу милость, яко зеницу ока. Душевное здравіе ваше—дѣло начальства, за тѣлесное отвѣтствуетъ наша братія, нижніе служители, передъ совѣстью и передъ Богомъ.

— Оттого-то онъ безъ вѣдома начальства и снабжаетъ насъ всякимъ контрабанднымъ товаромъ,—шутливо добавилъ Пущинъ.

— А нѣшто не святая обязанность наша ублажать вашу милость и безъ воли начальства?—убѣжденнымъ тономъ возразилъ Леонтій.—Окромѣ птичьяго молока развѣ, всяку штуку вамъ раздобудемъ... Вотъ-те нà! совсѣмъ вѣдь изъ старой башки вонъ!—хлопнулъ онъ себя по лбу.—Память, знать, ужъ отшибать начинаетъ. Не казните, ваше благородіе, сейчасъ все справимъ...

И, положивъ бѣлье и платье бережно на кровать, онъ исчезъ за дверью.

— Куда это онъ?—недоумѣвалъ Пушкинъ.

— А ты не догадываешься? Вѣдь онъ же нашъ оберъ-провіантмейстеръ, и вдругъ такъ оплошалъ: не позаботился приготовить тебѣ для перваго знакомства приличное угощеніе. Понятно, что тебѣ придется отблагодарить его. „Сухая ложка ротъ деретъ“—любимая его поговорка.

Пушкинъ машинально хватился рукой за то мѣсто, гдѣ у него въ „собственномъ“ платьѣ былъ карманъ; потомъ, точно вспомнивъ что-то, насупился.

— Такая досада, право...

— А что?

— Да такъ...

— Понимаю: денегъ нѣтъ? Вѣдь ты тогда на Крестовскомъ все до послѣдней копѣйки издержалъ?

— Н-да...

— А дядя взятыхъ у тебя на храненіе ста рублей такъ и не возвратилъ?

— Забылъ, конечно.

— А ты, конечно, спросить забылъ?

— Не то, знаешь, въ головѣ было...

— Ну, ничего, у меня есть лишнія...

И Пущинъ торопливо вынулъ свой кошелекъ, изъ котораго, отвернувшись, досталъ блестящій, послѣдней чеканки, серебряный рубль.

— На̀ вотъ цѣлковый; будетъ съ него на первый разъ.

Пушкинъ, однако, успѣлъ разглядѣть, что кошелекъ товарища былъ довольно тощъ, и, не принимая монеты, спросилъ:

— Да вѣдь цѣлковый этотъ у тебя единственный?

Пущинъ покраснѣлъ и замялся.

— О, нѣтъ...—пробормоталъ онъ.

— А отчего онъ такой новенькій? Вѣрно подарилъ тебѣ кто-нибудь на прощанье?..

— Ну, прошу тебя, возьми! — умоляющимъ голосомъ настаивалъ Пущинъ.—У меня тутъ осталось мелочи, сколько угодно...

И онъ насильно втиснулъ рубль въ руку пріятеля. Сдѣлалъ онъ это какъ-разъ во-время, потому что лицейскій оберъ-провіантмейстеръ Леонтій Кемерскій показался уже опять на порогѣ, нагруженный обѣщаннымъ „угощеньемъ“. Тщательно притворивъ за собою дверь, онъ отвѣсилъ Пушкину поклонъ въ поясъ.

„Съ новосельемъ-съ!“

— Бьемъ челомъ вашему благородію хлѣбомъ-солью!

Послѣ чего самодовольно сталъ разгружаться и разъяснять:

— Это вотъ, батюшка-сударь мой, ситный хлѣбъ утрешняго печенья—изволите видѣть, какой рыхлый, мяконькій! А сверху-то еще золотой паточкой помазанъ: что ни есть подходящее для балованнаго барскаго желудка. Тутъ вотъ плиточка царскаго щеколадцу. Испробуйте-ка, такъ во рту и таетъ-съ! А здѣсь пяточекъ яблочковъ: небольшія хошь, да чисты, румяны, что̀ твоя щечка дѣвичья. Заправскія крымскія! Малъ золотникъ да дорогъ.

— Спасибо, братецъ,—поблагодарилъ Пушкинъ и сунулъ ему въ руку только-что навязанный Пущинымъ рубль:—получи.

— И вамъ, сударь, сугубое мерси! Дай вамъ Богъ добраго здоровья! Нашему брату этихъ подачекъ вовсе бы и не нужно, да какъ отказаться?—еще, чай, въ обиду примете! Въ иную пору я вамъ и не тѣмъ бы еще услужилъ: чашечкой кофею съ бисквитцами, что-ли...

— Спасибо, и съ этимъ-то мнѣ разомъ не справиться, — отвѣтилъ Пушкинъ и, отломивъ половину большущаго ситнаго коровая, принялся съ аппетитомъ уписывать его за обѣ щеки.

— Кушайте во здравіе, ваше благородіе! Ну, что̀ скажете, каковъ хлѣбецъ-то? Правду я говорилъ, не совралъ?

— Очень хорошъ.

— Пряникъ печатный-съ! Да-съ; придворный хлѣбопекъ-то нашъ — мастеръ своего дѣла; даромъ что русскій человѣкъ,—всякаго нѣмца-булочника за-поясъ

заткнетъ. И скажу вамъ теперя, ваше благородіе, по чистой совѣсти, значитъ: за доброту да за ласку вашу, отъ сей минуты, дядька Леонтій Кемерскій вашей милости покорнѣйшій холопъ. Свистните только—и онъ ужъ, какъ въ сказкѣ бурка-кавурка, тутъ какъ тутъ.

— У тебя и безъ меня, я думаю, довольно дѣла?

— Это точно, вѣрное слово изволили сказать. И прочимъ-то дядькамъ работы вдосталь, не сидятъ сложа руки, а старшему и того паче: за ними, братьей своей, да за инвалидами, что̀ имъ въ помощь даны, гляди въ оба, чтобы не баловались,—это разъ; лампы да свѣчи приправляй, за топкой наблюдай, чернила доливай — два; за исправность и небели-то казенной, одёжи вашей, и тетрадокъ, и карандашей, и перьевъ головой отвѣчай — три; градусники вездѣ провѣряй, чтобы въ спальняхъ, значитъ, было тепла ни больше, ни меньше, какъ градусовъ 12—13, въ столовой—13, въ классахъ 13 — 14... Вотъ и со счету сбился! Кажись, четыре?

— Да, четыре,—сказалъ Пущинъ, и, шутя, помогъ ему далѣе въ счетѣ:—лакомства намъ добывай и желудки порть—пять.

— А ужъ это грѣхъ вамъ, сударь, говорить! Товаръ у меня самый свѣжій: сосуну-младенцу въ ротикъ хоть положь—и тотъ проглотитъ безъ вреда для себя. Какъ передъ Богомъ, могу сказать: служу вамъ, яко ангелъ-хранитель, денно и нощно глазъ надъ вами не сомкну.

— Зачѣмъ же и „нощно"?—спросилъ Пушкинъ.— Если мы спимъ, такъ отчего бы и тебѣ не спать?

— Нѣтъ, сударь, нельзя-съ; вы, стало, порядковъ нашихъ еще не знаете. Днемъ намъ, дядькамъ, поло-

жено дежурить при васъ и въ классахъ, и на гуляньи, и за столомъ, а ночью — ходить, коли дежурство на тебя выпало, вонъ тутъ, по колидору, взадъ да впередъ, ровно маятникъ въ часахъ, посматривать въ окошечки направо и налѣво.

— Для этого-то, видно, и окошечки въ дверяхъ у насъ подѣланы?

— Знамое дѣло. А не углядишь чего, прозѣваешь,— ну, и жди грозы: нагрянетъ среди ночи, какъ снѣгъ на голову, либо надзиратель, либо дежурный гувернеръ...

— Да что же прозѣвать-то?

— Мало ли что! Хошь бы то, что вы засидѣлись, заболтались другъ у дружки, али съ книжкой за полночь лежите, даромъ казенное сало жжете.

— Да неужели и читать-то ночью нельзя?

— Отнюдь. Я къ этимъ порядкамъ давно пріобыкъ: въ пажескомъ корпусѣ дядькой же безъ-мала двадцать лѣтъ состоялъ. Зато сюда прямо и нàбольшимъ поставленъ. Да и гдѣ же читать еще вамъ, сударь, коли ровнехонько въ шесть часовъ каждымъ утромъ колоколъ васъ съ постели встряхнетъ?

— Но если для меня чтеніе все равно, что̀ воздухъ, если я безъ него жить не могу!

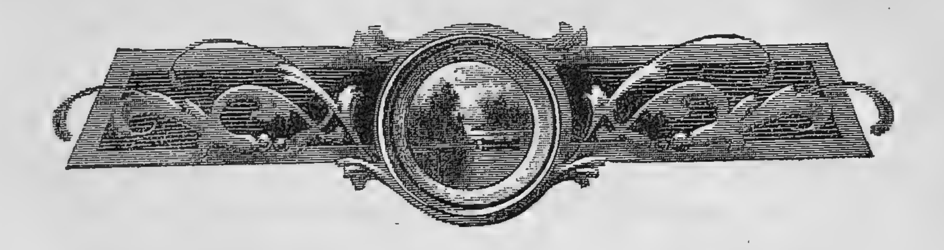
— Охота, значитъ, пуще неволи-съ? — спросилъ Леонтій и подмигнулъ лукаво однимъ глазомъ.—Ну, что-жъ, ваше благородіе, на нѣтъ и суда нѣтъ. Коли у васъ ужъ малодушество такое, что безъ грамоты вамъ никакъ быть нельзя, такъ отъ нашего брата, мелкой сошки, вамъ заказу въ томъ не будетъ: жгите себѣ огня, сколько душенькѣ угодно, а наше дѣло только подать вамъ знакъ съ колидору, чтобы врасплохъ, значитъ, не застало начальство.

— Хитеръ и увертливъ, какъ истый шляхтичъ!— замѣтилъ Пущинъ.

Сановитый, бравый дядька выпрямился во весь ростъ и окинулъ сверху мальчугановъ-лицеистовъ огненнымъ, чуть-чуть презрительнымъ взглядомъ.

— Шляхтичъ-то шляхтичъ, не отрекаюсь,—съ достоинствомъ произнесъ онъ,—но отставной сержантъ гвардіи блаженной памяти матушки-Царицы нашей Катерины Алексѣевны (царствіе ей небесное!); прослужилъ смолоду до сѣдыхъ волосъ Русскому Царю честью и правдой, и до издыханія своего пребуду столь же вѣрнымъ слугою престола и отечества!

ГЛАВА VIII.

Тюрьма или клѣтка?

„Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Довольно, скройся!..“

(Туча.)

Такъ-то ты служишь престолу и отечеству?—внезапно раздался изъ-за двери посторонній голосъ.

Если бы теперь, среди зимы, грянулъ вдругъ оглушительный раскатъ грома, всѣ трое разговаривавшихъ не содрогнулись бы, кажется, такъ, какъ отъ этого голоса, слишкомъ имъ знакомаго. Всѣ разомъ, какъ по командѣ, повернулись лицомъ къ проволочному окошечку въ дверяхъ, изъ-за котораго сверкали на нихъ два жгучихъ глаза.

— Мартынъ Степанычъ...—пробормоталъ не менѣе школьниковъ смѣшавшійся дядька и вытянулся въ струнку, руки по швамъ.

— Да, Мартынъ Степанычъ,—подтвердилъ надзиратель и, распахнувъ дверь, вошелъ въ камеру.—Твоя служба престолу и отечеству, стало быть, въ томъ, чтобы языкъ точить по пустякамъ? А это что̀?

Вопросъ относился къ ломтю намазаннаго патокой ситника въ рукахъ Пушкина и къ заманчиво-разложеннымъ на комодѣ другой половинкѣ ломтя, шоколадной плиткѣ и кучкѣ яблокъ.

— Голодъ не тетка, ваше высокоблагородіе,—нашелся тотчасъ же оберъ-провіантмейстеръ,—а въ желудкѣ у нихъ ныньче полкъ квартировалъ...

— И ты ничего умнѣе не придумалъ, какъ эти сласти, отъ которыхъ и желудокъ, и зубы разболятся? И яблоки, я увѣренъ, незрѣлыя.

Говоря такъ, Пилецкій взялъ съ комода самое крупное яблоко и откусилъ половину его.

— Вонъ, какъ крѣпки, хоть и довольно сочны,—продолжалъ онъ.—Покупать, господа, съѣстное на свои деньги вамъ, пожалуй, и не возбранено, но, не говоря уже о безполезной тратѣ денегъ, вы, изъ простой деликатности къ нашему образцовому заведенію, могли бы быть воздержнѣе: вы здѣсь у насъ на полномъ содержаніи и коштѣ, и голодать вамъ никакъ ужъ не полагается.

— Но я съ утра ничего не ѣлъ...—позволилъ себѣ заявить Пушкинъ.

— А зачѣмъ же вы, миленькій мой, не ѣли?—беззвучнымъ своимъ смѣхомъ разсмѣялся Пилецкій.—Вѣдь Василій Ѳедоровичъ, добрѣйшій директоръ нашъ, въ видѣ исключенія, предлагалъ вамъ давеча закусить? Хлѣбъ свой, такъ и быть, доѣдайте, но все прочее тутъ сохраните для десерта, что ли, послѣ обѣда. Сами

потомъ мнѣ спасибо скажете. Впрочемъ, четырехъ штукъ яблокъ вамъ, пожалуй, много: какъ-разъ захвораете. Парочку, съ вашего разрѣшенія, я захватилъ бы съ собой для своихъ дѣтокъ. Дозволите?

— Берите хоть всѣ!—съ холодною гордостью отвѣчалъ Пушкинъ.

— Вамъ жалко? Ну, не нужно.

Пушкинъ покраснѣлъ какъ ракъ.

— Нѣтъ, берите, пожалуйста, берите всѣ...

— Ну, благодарствуйте. Парочки съ меня довольно. Казенная форма на васъ, я вижу, сидитъ какъ на заказъ. Грива только невозможная: длинна, да и завита никакъ.

— Да, природою!—уже разсмѣялся мальчикъ.

И надзиратель благодушно усмѣхнулся.

— Противъ погрѣшностей природы, дорогой мой, есть у насъ радикальныя средства; въ данномъ случаѣ— ножницы. Ужо̀, Леонтій, какъ придетъ парикмахеръ, не забудь кликнуть этого молодчика.

— Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе.

— А теперь, господа, не угодно ли спуститься въ рекреаціонный залъ: тамъ вывѣшено сейчасъ расписаніе будущихъ вашихъ уроковъ. Чай, небезъинтересно и вамъ взглянуть?

Лицеисты послушно вышли изъ камеры и ускореннымъ шагомъ направились по коридору.

— А онъ вовсе не такой людоѣдъ, какъ мнѣ показалось сначала,—вполголоса замѣтилъ на ходу Пушкинъ.—Только зачѣмъ у него на языкѣ все эти сахарныя прозвища: „дорогой мой“, „миленькій мой!“...

— Сахаръ Медовичъ, привычка ужъ такая, что̀ подѣлаешь?—отозвался Пущинъ.—Но вообще онъ къ намъ очень внимателенъ.

— Кажется, даже черезчуръ! На язычкѣ медъ, а подъ язычкомъ ледъ.

— Да, отъ него ничего не скроешь, все пронюхаетъ, разглядитъ, и если разъ попадешься, то не жди пощады.

— О комъ это вы говорите, Пущинъ?—послышался опять въ двухъ шагахъ за ними медовый голосъ Пилецкаго, который, на своихъ мягкихъ подошвахъ безъ каблуковъ, неслышно нагналъ лицеистовъ.—Если обо мнѣ, то ошибаетесь: какъ истинный христіанинъ, я, видя искреннее раскаяніе, всегда готовъ пощадить; злонамѣреннаго же упорства я, точно, не попущу.

Застигнутые врасплохъ, мальчики, какъ преслѣдуемая дичь, бросились бѣжать и, спустившись съ лѣстницы, искали спасенія въ рекреаціонномъ залѣ.

Здѣсь отъ нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ голосовъ стоялъ въ воздухѣ такой гулъ и гамъ, что, въ первую минуту, Пушкинъ былъ точно оглушенъ. Вдругъ навстрѣчу ему бросился Гурьевъ съ распростертыми руками.

— А! французъ! Душка ты мой!

И, прежде чѣмъ Пушкинъ успѣлъ отстраниться, тотъ облобызалъ его въ обѣ щеки.

— Французъ! французъ!—весело подхватили другіе и, обступивъ вновь прибывшаго, стали наперерывъ пожимать ему руку.

Въ это время къ нимъ подошелъ высокій и статный мужчина, лѣтъ 28-ми, въ вицмундирѣ, бесѣдовавшій въ углубленіи окна съ двумя-тремя воспитанниками.

— Куницынъ!—шепнулъ кто-то около Пушкина.

— Здравствуйте, Пушкинъ,—заговорилъ молодой профессоръ и, затѣмъ, обернулся къ прочимъ:—вы,

господа, кажется, и не подозрѣваете, что дѣлаете ему честь, называя его „французомъ“? Вы этимъ признаете только его превосходство надъ вами во французскомъ языкѣ. Или въ васъ говоритъ зависть? Не хотѣлось бы думать.

Внушеніе было сдѣлано съ такою добродушною, благородною строгостью, что лицеисты не могли обидѣться, а только смутились. Гурьевъ же, благоговѣйно сложивъ пальцы, проговорилъ какъ-бы про себя, но настолько явственно, что нельзя было не разслышать:

— Какъ это вѣрно, какъ хорошо сказано!

Если онъ разсчитывалъ заслужить этимъ благодарность профессора, то ошибся въ разсчетѣ: Куницынъ оглядѣлъ его слегка презрительнымъ взглядомъ, подозвалъ къ себѣ Пушкина и, обнявъ его за плечи, пошелъ ходить съ нимъ по залѣ.

— Вы дружны съ этимъ Гурьевымъ?—былъ первый вопросъ его.

— Нѣтъ, только случайно раньше познакомились,—отвѣчалъ Пушкинъ.

— И не совѣтую особенно дружиться съ нимъ. А что до клички „французъ“,—прибавилъ онъ, ласково улыбнувшись,—то предрекаю вамъ, что она, какъ наклеенный ярлыкъ, за вами такъ и останется. Ну, что, каково вамъ здѣсь показалось? Дома вы пользовались полною свободой, а мы одѣли васъ въ общую форму, втиснули въ рамки опредѣленнаго росписанія, точно связали по рукамъ и ногамъ, не правда ли?

— Ахъ, да...—вздохнулъ Пушкинъ.—И въ дверяхъ камеръ даже проволочныя рѣшетки, какъ въ тюрьмѣ...

— Не думалъ я, признаться, что попаду въ тюремщики!—засмѣялся Куницынъ.—Но успокойтесь: по-

вѣрьте мнѣ, что скоро обживетесь, какъ птичка въ клѣткѣ. Вы здѣсь не въ тюрьмѣ, а въ клѣткѣ.

— Только не въ золотой!

— Именно, въ золотой. Великодушный Монархъ нашъ пріютилъ васъ, лицеистовъ, въ своемъ царскомъ чертогѣ, предоставилъ вамъ даже тотъ самый флигель, гдѣ до сихъ поръ жили его младшіе братья и сестры. Радѣя о васъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ, онъ отдалъ вамъ свою собственную библіотеку, гдѣ многія книги носятъ еще на поляхъ собственноручныя его драгоцѣнныя помѣтки. „Мнѣ надобны люди добрые, честные для службы моей“—его подлинныя слова. И дабы подготовить васъ надлежащимъ образомъ „ко всѣмъ важнымъ частямъ службы государственной“ (какъ дословно выражено въ Высочайшемъ указѣ), мы, ваши ходатаи и рачители, приставлены къ этой золотой клѣткѣ кормить васъ самымъ отборнымъ научнымъ зерномъ. А отростутъ у васъ крылья—съ Богомъ!—летите на всѣ четыре стороны и всемѣрно прославляйте имя вашего Державнаго Куратора, что̀ вашу юность такъ отчески возлелѣялъ.

Слегка напыщенная, но образная рѣчь молодого профессора сама по себѣ не могла уже не затронуть созвучной струны въ груди мальчика-поэта. А глубокая убѣжденность, почти юношеская восторженность, которыми дышало каждое слово этой рѣчи, придавали ей неотразимую силу. Увлеченный ею, Пушкинъ откровенно признался:

— Я всегда безотчетно любилъ Государя: онъ такъ ангельски добръ, говорятъ! Въ памяти моей навсегда останется одинъ случай, о которомъ я какъ-то слышалъ въ дѣтствѣ.

— Какой это случай?

— А однажды, видите ли, Государь со свитой гулялъ верхомъ за городомъ. Вдругъ онъ поскакалъ впередъ. Оказалось, что на берегу рѣки онъ увидѣлъ толпу крестьянъ, которые, вытащивъ изъ воды утопленника, не знали что̀ съ нимъ дѣлать. Государь соскочилъ съ коня, велѣлъ раздѣть покойника и, вмѣстѣ съ крестьянами, сталъ тереть ему виски, руки, подошвы ногъ. Между тѣмъ прискакала и свита, и, можете себѣ представить, какъ была удивлена! А крестьяне совсѣмъ обомлѣли: они до тѣхъ поръ принимали Государя за простого офицера. Въ свитѣ былъ и лейбъ-медикъ... Забылъ какъ его зовутъ...

— Вилье,—подсказалъ Куницынъ.

— Да, Вилье! Онъ досталъ сейчасъ же ланцетъ и сталъ пускать утопленнику кровь. Но кровь не пошла, Государь не могъ успокоиться и цѣлыхъ два часа, вмѣстѣ со свитой и крестьянами, возился съ несчастнымъ. Но всѣ старанія были напрасны. Государь былъ въ отчаяніи и велѣлъ Вилье еще разъ попробовать пустить кровь. И что же?—Кровь пошла, покойникъ очнулся! Государь отъ радости даже заплакалъ и сказалъ: „Эта минута—счастливѣйшая въ моей жизни!“—Разорвавъ собственный свой платокъ на бинты, онъ, вмѣстѣ съ Вилье, перевязалъ больному руку и оставилъ его только тогда, какъ убѣдился, что всякая опасность миновала. Англійское общество „Спасанія погибающихъ“, когда узнало о такомъ поступкѣ Государя, прислало ему золотую медаль и дипломъ почетнаго члена.

— И это не единичный случай,—сказалъ Куницынъ, выслушавъ разсказъ Пушкина съ сочувствен-

нымъ вниманіемъ.—Но еще болѣе, быть можетъ, должны мы оцѣнить его общія мѣры человѣколюбія. Вы—мальчикъ развитой, вы меня поймете.

И, съ прежнимъ одушевленнымъ краснорѣчіемъ, онъ передалъ теперь подробности о томъ, какъ Императоръ Александръ Павловичъ, вслѣдъ за восшествіемъ на престолъ, раскрылъ ворота Петропавловской крѣпости для всѣхъ, въ ней заключенныхъ; какъ уничтожилъ висѣлицы на площадяхъ въ городахъ и селахъ; какъ отмѣнилъ пытку во всѣхъ видахъ ея, съ истязаніями и „пристрастными допросами"; какъ изгналъ слово „нещадно" даже изъ судебныхъ приговоровъ; какъ облегчилъ разныя затрудненія къ поѣздкамъ русскихъ за-границу и къ въѣзду иностранцевъ въ Россію; какъ, для возможнаго уравненія правъ своихъ подданныхъ, разрѣшилъ купцамъ, мѣщанамъ и казеннымъ поселянамъ покупать земли; какъ воспретилъ публикаціи въ вѣдомостяхъ о продажѣ людей безъ земли...

— И говорятъ даже,—прибавилъ Куницынъ съ возрастающимъ увлеченіемъ,—что Государь задумалъ совсѣмъ освободить крѣпостныхъ крестьянъ...

— Этимъ онъ себя обезсмертитъ!—воскликнулъ Пушкинъ.—Позвольте, я сейчасъ разскажу другимъ...

— Чшшш!.. пока никому ни слова!—спохватился профессоръ.—У меня какъ-то нечаянно съ языка сорвалось. О будущихъ благихъ предначертаніяхъ своихъ самъ Государь хранитъ молчаніе, и хотя бы таковыя были имъ даже окончательно рѣшены и сдѣлались извѣстны всему свѣту, онъ не любитъ громкихъ восхваленій, ибо до крайности скроменъ. Примѣръ: послѣ войны 1805 года, кавалерская дума наша преподнесла ему, въ ознаменованіе воинскихъ доблестей противу

современнаго Цесаря—Наполеона Бонапарта, орденскіе знаки Георгія 1-й степени; а онъ что же?—отклонилъ отъ себя столь высокое отличіе и принялъ лишь тѣ-же знаки 4-й степени. Теперь вы, я полагаю, понимаете, за что его всѣ такъ любятъ?

— О, да! не любить его—боготворить надо... Какъ бы мнѣ хотѣлось хоть разъ увидѣть его!

— А вамъ развѣ не довелось еще его видѣть?

— Никогда!

— Ну, скоро удастся—въ этотъ четвергъ, 19-го числа. А видѣть его надо: онъ прекрасенъ и духомъ, и тѣломъ.

Подошедшій тутъ къ Пушкину дядька Леонтій Кемерскій прервалъ дальнѣйшій разговоръ.

— Пожалуйте-ка, ваше благородіе: цирюльникъ ждетъ-не-дождется.

Неохотно оторвался мальчикъ отъ молодого профессора, который своею благородною пылкостью сразу привлекъ его къ себѣ.

День пролетѣлъ незамѣтно среди разнообразныхъ новыхъ впечатлѣній, въ тѣсномъ кругу товарищей-лицеистовъ. Когда же, послѣ вечерняго чая, всѣ они разбрелись по своимъ кельямъ, и Пушкинъ вошелъ къ себѣ, усталый, съ отяжелѣвшей, отъ всего пережитаго въ теченіе одного этого дня, головой,—имъ овладѣло вдругъ смутное чувство полнаго одиночества. Въ первый разъ въ жизни вѣдь онъ былъ одинъ, совсѣмъ одинъ! Правда, эти новые товарищи были веселые, рѣзвые мальчики, но все-же чужіе ему, какъ и эта комната...

Онъ тоскливо оглядѣлся; тускло горѣла на ночномъ столикѣ единственная сальная свѣча; непривѣт-

ливо стояла кругомъ казенная скромная мебель, а въ дверяхъ зіяла черными квадратиками проволочная сѣтка...

Келья, какъ есть, да еще тюремная!..

Съ тяжелымъ вздохомъ Пушкинъ протянулъ руку къ лежавшей на комодѣ плиткѣ шоколада и случайно взглянулъ при этомъ въ висѣвшее надъ комодомъ зеркальце. Оттуда въ упоръ уставилось на него, точно чужое, незнакомое ему теперь, собственное лицо—унылое, съ остриженными подъ гребенку волосами. Губы его искривились горькой улыбкой.

— Арестантъ!—произнесъ онъ вслухъ, въ какомъ-то безсиліи опустился на край кровати и машинально сталъ обдирать обложку съ шоколадной плитки.

Съ улицы доносился заунывный свистъ и вой разгулявшейся мятели; стекла въ оконной рамѣ дрожали и дребезжали подъ хлопьями налетавшаго на нихъ снѣга.

„Заупокойная по мнѣ!"—думалъ про себя Пушкинъ и съ какимъ-то ожесточеніемъ грызъ шоколадъ.— „И зачѣмъ это они еще кровать переставили? Кто ихъ просилъ!.."

— Что же вы не ляжете, сударь! Аль по своимъ взгрустнулось?—послышался надъ головой его участливый голосъ.

— Ахъ, это ты, Леонтій! Оставь меня, пожалуйста...

— А то не обидѣлъ ли кто изъ товарищей?— продолжалъ допытывать дядька. — Не ушиблись ли, играючи?

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Али, Боже упаси, не болитъ ли животикъ отъ непривычной кухни нашей?

Пушкинъ слабо усмѣхнулся.

— Ничего не болитъ! Видишь: шоколадъ твой ѣмъ. А вотъ что̀ скажи мнѣ, Леонтій: зачѣмъ это ты распорядился переставить мою кровать къ другой стѣнѣ?

— Зачѣмъ-съ? — И концы щетинистыхъ, сѣдыхъ усовъ дядьки приподнялись и зашевелились отъ добродушно-лукавой улыбки. — Затѣмъ-съ, что рядомъ тутъ въ камерѣ, бокъ-о̀-бокъ съ вашей милостью, почиваетъ закадычный другъ и пріятель вашъ, господинъ Пущинъ.

— Я и забылъ про него... Да что толку, если мы раздѣлены стѣной? Разговаривать вѣдь нельзя.

— То-то, что можно-съ наилучшимъ манеромъ: стѣнка-то тончающая, всякое словечко скрозь нее слышно. Извольте примѣчать.

Онъ ударилъ кулакомъ въ стѣну. Оттуда тотчасъ донесся такой же глухой стукъ и голосъ Пущина:

— Это ты, Пушкинъ?

— Слышали-съ? Ну, и отводите душу съ пріятелемъ въ душевныхъ разговорахъ-съ. Я васъ, батюшка, безпокоить долѣе не буду, сейчасъ уйду-съ; пожалуйте мнѣ только вашу сбрую, чтобы утречкомъ, значитъ, спозаранку почистить, да гдѣ нужно—починить.

Получивъ „сбрую“, заботливый дядька на прощаньи освѣдомился еще, не натеръ ли себѣ „его благородіе“ мозолей казенными сапогами, наказалъ не забыть потушить свѣчку и запомнить, что̀ приснится впервой на новомъ мѣстѣ; затѣмъ пожелалъ доброй ночи и вышелъ.

Отъ простодушной ли ласки старика-солдата, или отъ сознанія, что онъ, Пушкинъ, все-же не одинъ, потому что вотъ тутъ рядомъ, за стѣной, на разстояніи

менѣе аршина, спитъ любезный его Пущинъ, у него на сердцѣ разомъ удивительно полегчало. Ему было уже не до чтенія: въ жилахъ у него точно былъ налитъ свинецъ, глаза такъ и слипались.

Снявъ щипцами нагаръ со свѣчки, онъ погасилъ ее, завернулся поплотнѣе въ одѣяло и съ удовольствіемъ уткнулся стриженой головой въ обтянутую свѣжей наволочкой подушку. Завывавшая за окошкомъ вьюга уже не сердила, не мучила его, а только убаюкивала. Но не успѣлъ еще онъ заснуть, какъ у самаго его уха раздался опять стукъ въ стѣну и голосъ Пущина:

— Ты еще не заснулъ, Пушкинъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—а что?

— Слышишь, какъ вѣтеръ на улицѣ воетъ?

— Ну?

— А въ постели-то какъ тепло и уютно!

— Да; а главное, Пущинъ, что мы съ тобой здѣсь такъ близко другъ къ другу!

— Вотъ это-то я и хотѣлъ сказать. Знаешь что, Пушкинъ: хочешь, мы будемъ друзьями?

— Будемъ! И никогда, до послѣдней минуты, другъ друга не выдадимъ. Друзья на жизнь и смерть!

— Аминь.

— А теперь о другомъ: тебѣ, Пущинъ, спать, вѣрно, тоже сильно хочется?

— Очень.

— А я на-половину ужъ заснулъ. Доброй ночи, другъ мой!

— Пріятныхъ сновъ, дружище!

Какъ отрадно стало у него теперь на душѣ! Да, Куницынъ былъ правъ, тысячу разъ правъ: здѣсь не

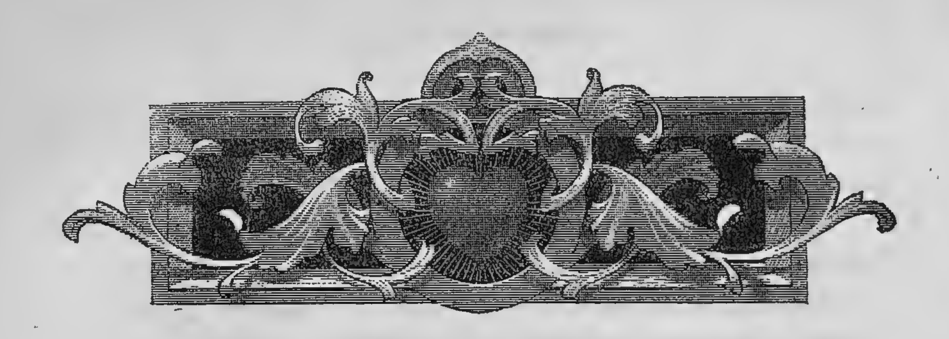
тюрьма, а клѣтка, и именно золотая. Не запоетъ ли онъ теперь свои лучшія пѣсни, не зальется ли соловьемъ?

И, въ сладостномъ предчувствіи будущей славы поэта, онъ незамѣтно задремалъ.

Немного погодя, мимо камеры новичка проходилъ дядька Кемерскій. Видя, что огня тамъ уже нѣтъ, онъ припалъ къ рѣшеткѣ ухомъ. Ровное дыханіе показывало, что Пушкинъ спитъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ молодости.

— Заснулъ!—прошепталъ про себя старикъ, набожно перекрестилъ спящаго изъ-за рѣшетки и побрелъ далѣе.

ГЛАВА IX.

Открытіе лицея.

„...Тебя мы долго ожидали,
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ
И вынесъ намъ свои скрижали.“

(Къ Н***.)

„И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.“

(Лицейская годовщина 1836 г.)

Вотъ, наконецъ, наступило 19-е октября — давно ожидаемый день офиціальнаго открытія лицея. За ночь выпалъ свѣжій сухой снѣжокъ, къ утру приморозило, и солнце взошло въ полномъ лучезарномъ своемъ блескѣ, празднично озаряя всѣ углы и уголки обширнаго лицейскаго зданія и оживляя и безъ того весело настроенныхъ лицеистовъ. Сегодня имъ вѣдь въ первый разъ разрѣшено было прифрантиться, надѣть свою новенькую, съ иголочки, парадную форму: бѣлый пикейный жилетъ, однобортный синій мундиръ съ красными обшлагами, краснымъ воротникомъ и серебря-

ными пуговицами и—что эфектнѣе всего—высокіе лакированные ботфорты! Одѣваясь, они, отъ внутренней радостной тревоги, обмѣнивались шуткама, шумѣли, но шумѣли какъ-то сдержаннѣе, были и другъ къ другу какъ-то добрѣе, внимательнѣе, точно передъ исповѣдью въ ожиданіи скорой Пасхи.

— У всѣхъ ли шляпы съ собой, господа?—спрашивалъ дежурный гувернеръ Чириковъ, оглядывая выстроившихся по два въ рядъ щеголевато-разряженныхъ лицеистовъ.

Оказалось, что Кюхельбекеръ, по всегдашней разсѣянности, забылъ свою треуголку. Дежурный дядька поспѣшилъ подать ему ее.

— И какъ вы ее держите?—говорилъ Чириковъ.— Берите примѣръ съ Горчакова: видите, какъ надо держать? Подъ мышкой и только кончиками пальцевъ. Стройся!

Съ гувернеромъ во главѣ и въ сопровожденіи дядьки, лицеисты въ стройномъ порядкѣ спустились въ третій этажъ и аркою, соединявшею лицей съ дворцомъ, вышли на хоры дворцовой церкви. Отсюда, съ высоты, такъ сказать, птичьяго полета, все, что совершалось внизу, было имъ видно, какъ на ладони.

Благолѣпно убранная, но небольшая дворцовая церковь оказалась на этотъ разъ довольно тѣсной для массы присутствующихъ. Приглашенные на торжество освященія небывалаго дотолѣ учебнаго заведенія, высшіе сановники: члены синода и государственнаго совѣта, сенаторы, министры и иностранные послы стояли толпой въ храмѣ и, кланяясь другъ другу, обмѣниваясь рукопожатіями, такъ и пестрѣли лентами, такъ и сіяли шитыми золотомъ мундирами и звѣздами. У при

твора въ Императорскіе покои, въ ожиданіи выхода Высочайшей Фамиліи, скучились, въ шитыхъ же мундирахъ, директоръ, надзиратель, профессора и прочій служебный персоналъ лицея. А наружныя двери, то и дѣло открываясь, впускали все новыхъ лицъ, увеличивая тѣмъ общую тѣсноту и пестроту. Косые лучи октябрьскаго солнца, проникая въ церковь сквозь разноцвѣтныя стекла высокихъ оконъ, заливали нарядную публику красными и желтыми, синими и фіолетовыми лучами, и, вмѣстѣ съ мерцающимъ свѣтомъ безчисленныхъ заженныхъ восковыхъ свѣчей въ хрустальныхъ люстрахъ, придавали всей этой необычайно-торжественной обстановкѣ какой-то обаятельно-фантастическій оттѣнокъ.

Гувернеръ Чириковъ, успѣвшій своею обходительностью въ нѣсколько дней пріобрѣсти довѣріе и расположеніе лицеистовъ, стоялъ позади ихъ и вполголоса передавалъ имъ фамиліи сановниковъ. Пушкинъ, какъ и прочіе товарищи, наклонясь черезъ перила, зорко оглядывалъ каждаго незнакомца и мысленно дополнялъ все недосказанное. Въ то же время, взоръ его безотчетно тянуло къ тѣмъ дверямъ, откуда долженъ былъ сейчасъ войти Императоръ Александръ Павловичъ, котораго, послѣ разговора съ профессоромъ Куницынымъ, ему такъ хотѣлось видѣть.

И вотъ, въ началѣ 11-го часа, у дверей этихъ произошло внезапное движеніе; всѣ, кто стояли тутъ, какъ волны отхлынули направо и налѣво, и на порогѣ показался онъ самъ, въ сопровожденіи двухъ Императрицъ: вдовствующей и царствующей, Наслѣдника престола Константина Павловича и Великой Княжны Анны Павловны.

Въ октябрѣ 1811 года, Императору Александру I было безъ малаго 34 года *); но съ виду онъ казался гораздо моложе. Высокая и статная фигура его, нѣсколько наклоненная впередъ, невольно напомнила Пушкину классическую позу античныхъ статуй. Рѣдкіе, бѣлокуро-золотистые волосы были причесаны по-античному и дѣлали его высокій лобъ еще болѣе открытымъ. А въ слегка-прищуренныхъ, близорукихъ, небесно-голубыхъ глазахъ, въ каждой чертѣ художественно-правильнаго лица его отражалась такая ангельская доброта, такая кротость, что нельзя было не почувствовать безграничнаго благоговѣнія къ его царственному величію. Очарованный Пушкинъ не могъ отвести глазъ отъ него.

„Такъ вотъ онъ каковъ!“—думалось ему, и въ памяти его возникло, одно за другимъ, все, что сдѣлано этимъ Государемъ для своего народа. Ему сдавалось, что вся эта, стоящая внизу, толпа разряженной знати молится теперь только за него, за своего возлюбленнаго Монарха.

Молебенъ кончился. Внизу опять все заколыхалось, чтобы пропустить духовенство, направлявшееся въ зданіе лицея для его освященія.

— Здоровъ ли ты, Пушкинъ?—спросилъ заботливо Пущинъ, замѣтивъ разгоряченное лицо и лихорадочно-блестящіе глаза друга.

— Здоровъ...—нехотя пробормоталъ тотъ въ отвѣтъ и протѣснился впередъ, чтобы избавиться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ.

Обойдя кругомъ всѣ помѣщенія лицея и окропивъ

*) Онъ родился 12-го декабря 1777 года.

ихъ водой, духовенство удалилось; остались однѣ свѣтскія власти. Въ большой лицейской конференцъ-залѣ былъ поставленъ между колоннами столъ, покрытый до-полу краснымъ сукномъ съ золотой бахромой. Справа отъ него стали въ три ряда лицеисты, съ директоромъ, надзирателемъ и гувернерами во главѣ; слѣва—профессора и чиновники лицейскаго управленія. Для сановныхъ гостей было отведено все остальное пространство залы, уставленное рядами креселъ и стульевъ. Когда всѣ размѣстились, вошла Царская Фамилія и, отвѣтивъ на общій поклонъ привѣтливымъ наклоненіемъ головы, заняла первый рядъ креселъ. Министръ, графъ Разумовскій, сѣлъ рядомъ съ Государемъ.

Первымъ выступилъ директоръ департамента народнаго просвѣщенія Мартыновъ и, взволнованнымъ, неестественно-высокимъ фальцетомъ, прочелъ сперва манифестъ объ учрежденіи лицея, а потомъ грамату, Всемилостивѣйше дарованную лицею. Графъ Разумовскій, принявъ отъ него грамату (пергаментный фоліантъ въ богатомъ, золотого глазета переплетѣ), поднесъ ее Государю для подписи и затѣмъ передалъ директору лицея, Малиновскому.

Пушкинъ, стоя въ переднемъ ряду лицеистовъ, какъ разъ позади Малиновскаго, замѣтилъ, какъ тотъ переминался съ ноги на ногу, тяжело дышалъ и, тихонько откашливаясь, подносилъ къ губамъ платокъ, а когда почтенный Василій Ѳедоровичъ, принявъ отъ Разумовскаго грамату и самъ выступивъ впередъ, развернулъ свитокъ приготовленной имъ привѣтственной рѣчи, то поблѣднѣлъ какъ полотно. Прерывающимся, едва слышнымъ голосомъ прочелъ онъ свою рѣчь, изъ

которой болѣе отчетливо можно было разобрать только заключительныя слова:

„Мы потщимся каждую минуту жизни нашей, всѣ силы и способности наши принести на пользу сего новаго вертограда: да Ваше Величество и все отечество возрадуетесь о плодахъ его“.

Всѣ присутствующіе, казалось, не менѣе самого Малиновскаго были рады, когда тотъ вздохнулъ послѣ своей пытки и когда его смѣнилъ конференцъ-секретарь, профессоръ Кошанскій. Тотъ прочелъ только списокъ начальствующихъ лицъ и воспитанниковъ лицея, причемъ каждый изъ называемыхъ поочередно выступалъ изъ ряда и кланялся Государю.

Послѣднимъ ораторомъ за краснымъ столомъ оказался профессоръ Куницынъ. Какъ ни любили его лицеисты, но, отстоявъ себѣ ноги въ теченіе трехъ первыхъ чтеній, они не безъ основанія ужасались ожидающихъ ихъ еще цвѣтовъ краснорѣчія. У публики точно также терпѣніе истощилось, потому что все кругомъ задвигало стульями, стало сморкаться, перешептываться. Но вотъ зала огласилась благозвучнымъ голосомъ молодого профессора—и все насторожилось: можно было разслышать полетъ мухи.

Въ прочувствованной, но изукрашенной риторическими мудростями рѣчи Куницына не все, быть можетъ, было понятно отрокамъ-лицеистамъ, къ которымъ, собственно, она была обращена, и потому впечатлѣніе отъ нея, на Пушкина по крайней мѣрѣ, было не совсѣмъ цѣльное. Зато отдѣльныя фразы, болѣе доступныя, глубоко отпечатлѣвались въ душѣ Пушкина, и онъ мысленно повторялъ ихъ про себя, пока потокъ рѣчи струился неудержимо далѣе.

„Отечество пріемлетъ на себя обязанность быть блюстителемъ воспитанія вашего, дабы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на образованіе вашихъ нравовъ“,—говорилъ Куницынъ;—„государственный человѣкъ долженъ имѣть обширныя познанія, знать первоначальныя причины благоденствія и упадка государства...“

„Ужели же и я тоже буду современемъ государственнымъ человѣкомъ? Буду въ состояніи сдѣлаться имъ?“—мелькнуло въ головѣ Пушкина.

„Но главнымъ основаніемъ вашихъ познаній должна быть истинная добродѣтель“, — продолжалъ профессоръ: — „жалкимъ образомъ обманется тотъ изъ васъ, кто, опираясь на знаменитость своихъ предковъ, вознерадѣетъ о добродѣтеляхъ, увѣнчавшихъ имена ихъ безсмертіемъ... Любовь къ славѣ и отечеству должна быть вашимъ руководителемъ...“

„Не въ бровь, а прямо въ глазъ!“—говорилъ самъ себѣ Пушкинъ:—„я горжусь своими предками,—но по какому праву? Показалъ ли я себя уже достойнымъ ихъ?“

Рѣчью Куницына заключился актъ открытія лицея. Несмотря на ея продолжительность, она не только не утомила еще болѣе слушателей, а точно освѣжила, наэлектризовала ихъ, и всѣ, казалось, сожалѣли, когда смолкъ молодой ораторъ. Государь самъ подошелъ къ нему и, пожимая ему руку, сказалъ нѣсколько теплыхъ благодарственныхъ словъ. Затѣмъ всѣ тронулись обозрѣвать лицей, а лицеистовъ дежурный гувернеръ отвелъ въ столовую—обѣдать.

Не покончили они еще и съ супомъ (къ которому, торжественнаго дня ради, были поданы и пирожки), какъ въ дверяхъ столовой появилась опять

Царская Фамилія; впереди всѣхъ — самъ Императоръ Александръ съ графомъ Разумовскимъ. Подобно другимъ лицеистамъ, повернувъ голову ко входу, Пушкинъ невольно обратилъ вниманіе, что слѣдовавшіе за Государемъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и адъютанты, какъ въ походкѣ, такъ и во всѣхъ движеніяхъ своихъ, старались подражать ему; даже шляпу и шпагу держали точно такъ же, прищуривались такъ же, какъ онъ.

Не останавливаясь у стола и не прерывая бесѣды своей съ министромъ, Государь отошелъ съ нимъ къ окошку. Цесаревичъ и Великая Княжна со свитой удалились въ углубленія другихъ оконъ; обѣ же Императрицы стали обходить обѣдающихъ лицеистовъ, предлагая имъ вопросы и отвѣдывая ихъ кушанья. Императрица-мать, Марія Өеодоровна, о которой Пушкинъ еще дома наслышался, какъ о главной покровительницѣ воспитательнаго дома и всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, остановилась какъ разъ напротивъ него, по другую сторону стола, и онъ имѣлъ возможность внимательно разглядѣть ее. Хотя ей было уже лѣтъ за 50, но тонкія черты ея правильнаго лица сохранили еще слѣды прежней красоты и живо напоминали ея царственнаго сына, тѣмъ болѣе что, будучи такъ же близорука, она, подобно Государю, часто подносила къ глазамъ золотую лорнетку. Но вотъ она наклонилась надъ ближайшимъ лицеистомъ, Корниловымъ, и когда тотъ хотѣлъ приподняться, оперлась рукой на его плечо. Какъ онъ, бѣдняга, съежился, раскраснѣлся! А она такъ просто и милостиво проговорила:

— Сиди, пожалуйста. Ну, что, хорошъ супъ?

Корниловъ еще пуще смѣшался и, уткнувъ носъ въ тарелку, пробормоталъ по-французски:

— Oui, Monsieur!

Государыня ничего не сказала, только чуть-чуть улыбнулась и отошла прочь отъ обѣденнаго стола. Сосѣдямъ-лицеистамъ стоило немалаго труда воздержаться отъ подтруниванья надъ отличившимся такъ товарищемъ. Но пока Августѣйшіе Гости не оставили столовой, шалуны поневолѣ только перемигивались и фыркали. Зато, по уходѣ гостей, насмѣшкамъ не было уже конца.

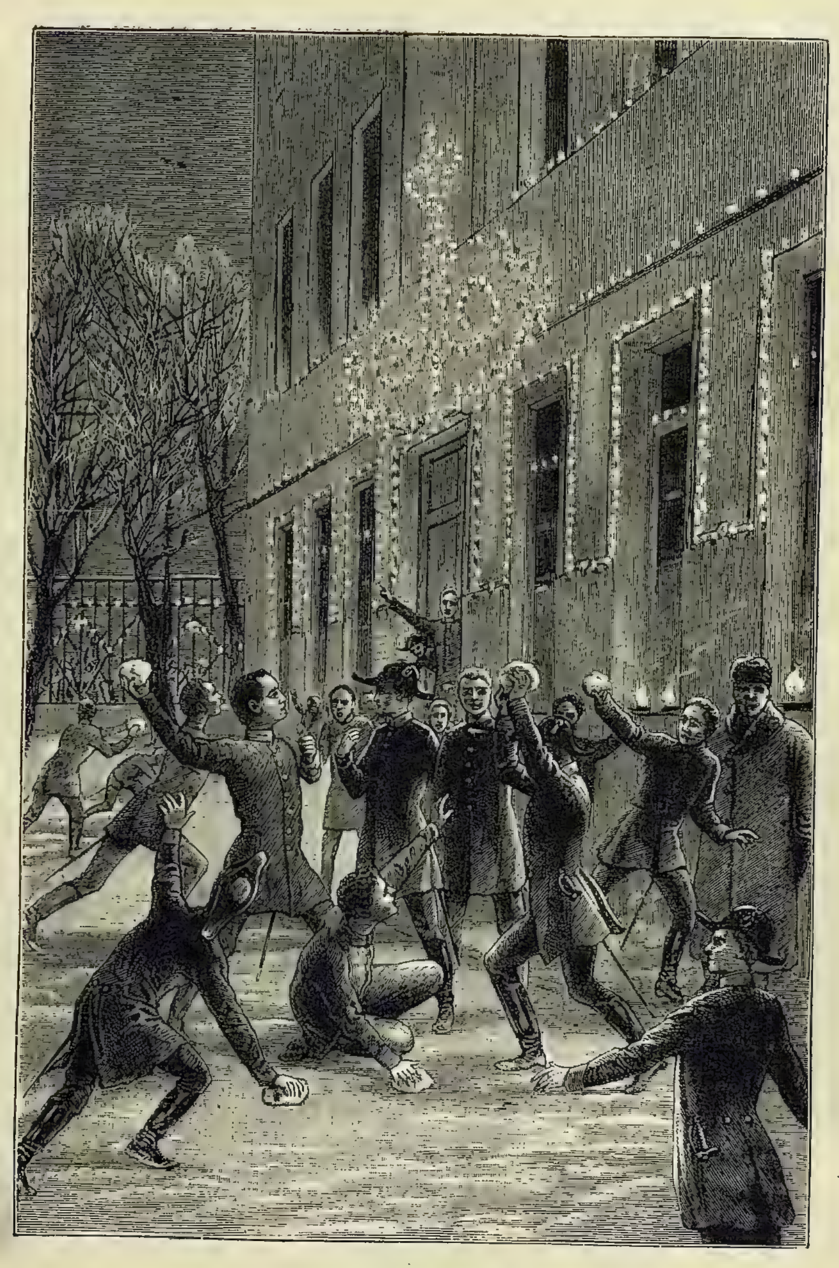
Когда, затѣмъ, при наступленіи вечернихъ сумерекъ, зданіе лицея освѣтилось блестящею (для того времени) иллюминаціею: плошками по панели и окнамъ и громаднымъ, разноцвѣтнымъ вензелемъ Александра I въ срединной аркѣ,—лицеисты всѣ высыпали на улицу, забіяка Пушкинъ сгребъ комъ свѣже-выпавшаго снѣга и швырнулъ его въ спину Корнилова съ знаменитой фразой послѣдняго:

— Oui, Monsieur!

Раззадоренный Корниловъ не остался въ долгу, и, съ крикомъ: „Ай, французъ!“ такъ мѣтко пустилъ въ обидчика отвѣтный зарядъ снѣга, что Пушкинъ схватился за щеку. Какъ по данному сигналу, снѣговыя ядра полетѣли теперь со всѣхъ сторонъ, въ кого попало, съ тѣми же двумя боевыми кликами: „Oui, Monsieur!“ „Ай, французъ!“

Вниманіе столпившихся передъ иллюминованнымъ зданіемъ зѣвакъ обратилось всецѣло на разыгравшуюся молодежь. А тутъ кто-то изъ сражающихся, чуть ли не Гурьевъ, коварно подставилъ еще сзади ножку великану Кюхельбекеру. Тотъ, какъ снопъ. растянулся на снѣгу во весь ростъ, и снѣжные заряды, ни съ того, ни съ сего, вопреки поговоркѣ: „лежачаго не

Стр. 98.

Въ снѣжки.

бьютъ“, такъ и посыпались на безоружнаго. Зрители-горожане кругомъ громко загоготали:

— Ай-да баричи! Лихо! Хорошенько его!

Дальнѣйшее побіеніе злосчастнаго Кюхельбекера было пріостановлено появленіемъ гувернера Чирикова, который, пристыдивъ сперва шалуновъ, объявилъ имъ затѣмъ:

— А у меня, господа, есть очень лестная для всѣхъ насъ новость.

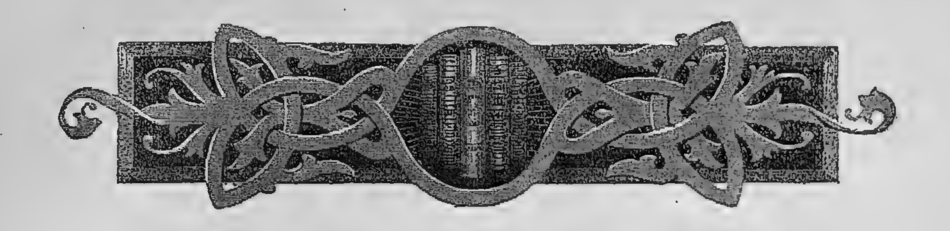
— Новость? какая новость, Сергѣй Гавриловичъ?— приступили къ нему гурьбой лицеисты.

— Вы знаете, конечно, что какъ военнымъ за ихъ воинскіе подвиги дается Георгіевскій крестъ, точно такъ-же намъ, штатскимъ, за гражданскія заслуги жалуется орденъ Св. Владиміра. Такъ вотъ Его Величество пожаловалъ сегодня Владиміра 4-й степени, въ знакъ особаго своего благоволенія, профессору вашему, Александру Петровичу Куницыну.

— Ура!—крикнулъ Пушкинъ.

— Ура!!—подхватили остальные 29 человѣкъ лицеистовъ, а за ними тотъ же возгласъ перекатился и по всей окружающей толпѣ, хорошенько, вѣроятно, неразобравшей, въ чемъ дѣло, но невольно заразившейся восторженностью молодежи.

Нѣсколько дней спустя, лицеисты узнали, что тотъ-же орденъ Владиміра, но 1-й степени, былъ пожалованъ и министру, графу Разумовскому, за его труды по учрежденію лицея. За Корниловымъ же навсегда остался между лицеистами титулъ „Monsieur“, пожалованный ему ими тогда же, въ незабвенный день открытія лицея.

ГЛАВА X.

Колесо завертѣлось.

„Пора, пора! рога трубятъ,
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ,
Борзыя прыгаютъ на сворахъ".
(Графъ Нулинъ.)

Ну, батюшка, ваше благородіе, вставайте! пора и честь знать. Ей-богу же, опоздаете въ классы.

Говоря такъ, старшій дядька Леонтій Кемерскій, ровно въ 6 часовъ утра, въ понедѣльникъ, 25 октября — въ первый день правильныхъ классныхъ занятій во вновь открытомъ лицеѣ,—деликатно тормошилъ Пушкина. Тотъ, въ отвѣтъ, безсвязно проворчалъ только что-то себѣ подъ носъ и зарылся глубже въ подушку. Бывалый дядька, съ долготерпѣніемъ старой няньки и съ настойчивостью стараго служаки, сталъ осторожно стаскивать съ плечъ его одѣяло.

— Отстань, Леонтій, сдѣлай милость, отстань!—не то сердито, не то умоляя, буркнулъ Пушкинъ и, накрывшись съ головой одѣяломъ, повернулся къ стѣнѣ.

Отдѣлаться отъ Леонтья, однако, было не такъ-то легко.

— Задохнетесь, сударь,—говорилъ онъ, бережно раскрывая голову мальчика и поднося къ глазамъ его горящую свѣчу.—Изволите видѣть: ужъ солнышко въ окошко свѣтитъ!

Пушкинъ, щурясь отъ огня, въ сердцахъ оттолкнулъ свѣчу рукой.

— Что за шутки, Леонтій!

— Какія шутки, ваше благородіе? Вглядитесь только хорошенько: солнышко какъ быть должно — казенное-съ.

— Ну, да, казенное! Скажи, пожалуйста, что тебѣ вздумалось мучить меня? Мнѣ снился такой чудный сонъ...

— Не до сновъ-съ, голубчикъ вы мой. Доселева уроковъ не было,—ну, и дрыхли себѣ на здоровье, сколько хотѣлось. А теперича—шалишь! Прочіе товарищи ваши давно поднялись. Вона, слышите, чай, гамъ какой въ колидорѣ? Что̀ твой жидовскій шабашъ. А вонъ, чу, и второй ужъ звонокъ. Живо, сударь, живо! Вотъ извольте получить носки-съ...

Пушкину стало стыдно.

— Оставь... я ужъ самъ...—проговорилъ онъ, потягиваясь, и, зѣвая во весь ротъ, началъ одѣваться.

Когда онъ, безъ сюртука, съ полотенцемъ въ рукѣ, вышелъ въ коридоръ, чтобъ умыться, во всѣхъ аркахъ тамъ горѣли еще ночники, при колыхающемся свѣтѣ которыхъ взадъ и впередъ шныряли бѣлыми

привидѣніями, съ неумолкаемымъ говоромъ и смѣхомъ, такія же же полуодѣтыя фигуры.

— А, Пушкинъ! проснулся, наконецъ?—крикнулъ ему кто-то на бѣгу и промелькнулъ какъ тѣнь.

— Здравствуй, Пушкинъ! — привѣтствовалъ его чей-то другой голосъ.

— Здравствуй,—отвѣчалъ онъ, не узнавъ ни того, ни другого, и направился къ одному изъ двухъ большихъ умывальниковъ, вдѣланныхъ, для общаго употребленія, въ стѣну по обоимъ концамъ коридора. Здѣсь кто-то уже стоялъ, наклонясь надъ тазомъ, и только-что подставилъ обѣ руки подъ струю воды, чтобы умыть себѣ лицо, какъ Пушкинъ безъ церемоніи оттолкнулъ умывавшагося въ сторону: „Пусти! будетъ съ тебя", и, живо вымывшись, взаключеніе плеснулъ товарищу въ физіономію цѣлую горсть воды.

Тотъ хоть бы слово вымолвилъ на эту выходку, и только обтерся полотенцемъ. Пушкина удивила такая кротость; онъ началъ всматриваться: на него задумчиво глядѣли большіе, выпуклые, очевидно, близорукіе глаза.

— Это ты, Дельвигъ?—проговорилъ онъ, невольно сконфузясь.—Ты снялъ очки,—такъ тебя и не узнать.

— А я льва по когтямъ тотчасъ узналъ,—былъ дружелюбно-шутливый отвѣтъ.

— Такъ почему же и ты не плеснулъ въ меня водой?

— Потому, что со львомъ шутки плохи.

— Господа! господа! не болтать! Пора въ классы!—заторопилъ появившійся тутъ гувернеръ, и мальчики разбѣжались по своимъ нумерамъ.

Учебное колесо завертѣлось, завертѣлось на цѣлыя шесть лѣтъ. Хотя лицеистамъ и было объявлено пе-

редъ началомъ курса, что на лѣтнія и зимнія вакаціи ихъ будутъ увольнять къ роднымъ, но вскорѣ вышло новое распоряженіе министра—не выпускать ихъ изъ стѣнъ заведенія до окончанія полнаго курса. Понятно, что такой запретъ произвелъ на нихъ подавляющее впечатлѣніе. Но такъ-какъ, волей-неволей, надо было покориться, то они тѣмъ скорѣе и тѣснѣе сплотились между собой и съ профессорами въ одну общую школьную семью.

Профессора (за исключеніемъ только одного, уже извѣстнаго читателямъ старичка-француза) были все люди молодые, не достигшіе еще и 30-ти лѣтъ. Трое изъ нихъ: Куницынъ, читавшій „нравственныя науки“ (логику, психологію, естественное и другія права, политическую экономію и „финансы“), Кайдановъ, преподававшій „историческія науки“ (исторію, географію и статистику), и Карцовъ, математикъ и физикъ,—были товарищами по педагогическому институту и, какъ лучшіе три воспитанника, были посланы за-границу на казенный счетъ, для приготовленія къ профессорскому званію, а по возвращеніи оттуда были прямо приглашены на три каѳедры во вновь учрежденный лицей. Съ благороднымъ рвеніемъ принялись они, каждый по своей части, за духовное развитіе порученныхъ имъ 30-ти будущихъ „государственныхъ людей“; но наиболѣе глубокое и благотворное вліяніе на лицеистовъ имѣлъ, несомнѣнно, Куницынъ, который и внѣ класса, въ оживленныхъ бесѣдахъ, старался усвоить имъ свой собственный, возвышенно-нравственный взглядъ на жизнь. Долго спустя, по выходѣ изъ лицея, бывшіе ученики его вспоминали о немъ съ искреннею благодарностью, ко-

торая, въ 1825 году, выразилась у Пушкина въ слѣдующихъ стихахъ:

„Куницину дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень.
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена...“

Что же касается лицейской Музы, имѣвшей такое рѣшительное значеніе въ послѣдующемъ развитіи Пушкинскаго генія, то первое пробужденіе ея должно быть отнесено всецѣло къ заслугамъ профессора латинской и „россійской“ словесности, Кошанскаго. Страстный любитель древней классической поэзіи, талантливый переводчикъ многихъ классическихъ произведеній, Кошанскій съ увлеченіемъ молодости старался втянуть и своихъ юныхъ слушателей въ этотъ, отошедшій уже въ вѣчность, но все еще чарующій міръ. А на урокахъ русскаго языка, рядомъ съ заучиваніемъ одъ Ломоносова и Державина, басенъ Хемницера и Крылова, онъ посвящалъ мальчугановъ и практически въ тайны стихосложенія. (О результатахъ этихъ первыхъ поэтическихъ опытовъ будетъ подробно изложено въ послѣдующихъ главахъ.)

Словесности, какъ русской, такъ, въ особенности, иностранной, вообще было отведено въ учебномъ курсѣ лицеистовъ первенствующее мѣсто. Ежедневно, не менѣе четырехъ часовъ, профессора иностранныхъ языковъ: нѣмецкаго—Гауеншильдъ и французскаго—де-Будри, по примѣру Кошанскаго, упражняли воспитанниковъ, сверхъ обычныхъ классныхъ работъ, въ декламаціи и чтеніи вслухъ театральныхъ пьесъ по ролямъ; а въ свободные часы обязывали ихъ говорить между собою то по-нѣмецки, то по-фран-

цузски. Успѣхи лицеистовъ въ томъ и другомъ языкѣ были, однако, далеко не одинаковы.

Нѣмецъ Гауеншильдъ, при всей своей научной подготовкѣ и несмотря на свои молодыя лѣта, не сумѣлъ заслужить любовь своихъ учениковъ, потому что, нервно-раздражительный и довольно черствый душой, онъ относился къ нимъ съ холоднымъ пренебреженіемъ, а нерѣдко былъ и несправедливъ. Они же свою антипатію къ преподавателю перенесли и на самый предметъ, такъ-что серьезно заниматься нѣмецкимъ языкомъ почиталось у нихъ чуть ли не позоромъ.

Зато старичекъ-французъ, мосье де-Будри, или, просто Давидъ Ивановичъ, какъ называли его лицеисты даже во французскомъ разговорѣ, былъ для нихъ, послѣ Куницына, самымъ милымъ человѣкомъ. Приземистый и круглый, какъ шаръ, въ напудренномъ парикѣ временъ Людовика XVI, въ замасляномъ пестромъ жилетѣ, съ неразлучною черепаховою табакеркой и краснымъ фуляромъ въ рукахъ,—онъ, по подвижности и энергіи, не уступалъ никому изъ своихъ молодыхъ собратій, а съ воспитанниками обходился какъ съ любимыми своими дѣтьми. Поэтому и мальчики, съ своей стороны, гдѣ бы онъ имъ ни попался,—въ коридорѣ, въ классѣ или въ паркѣ,—привѣтствовали его весело и непринужденно, какъ старшаго близкаго знакомаго, на родномъ его языкѣ:

— Здравствуйте, Давидъ Ивановичъ! Какъ ваше драгоцѣнное здоровье?

— Благодарю васъ, дѣти мои, слава Богу!—съ неизмѣннымъ добродушіемъ отвѣчалъ онъ, спасая только свою дорогую табакерку отъ напиравшихъ на него шалуновъ.

Дорожилъ онъ ею собственно потому, что на крышкѣ ея красовался потретъ прославившагося во французской исторіи своею кровожадностью Марата, приходившагося ему роднымъ братомъ. Немудрено, что эта табакерка сдѣлалась неистощимою темою для болтовни на французскихъ урокахъ, причемъ запѣвалой являлся всегда Пушкинъ, который, съ самаго пріемнаго экзамена, пользовался предпочтительнымъ расположеніемъ де-Будри. За обѣденнымъ столомъ лицеистовъ разсаживали по поведенію, въ классѣ—по отмѣткамъ; и хотя Пушкинъ, вообще не отличавшійся прилежаніемъ, сидѣлъ обыкновенно гдѣ-нибудь назади, но на урокъ у француза, какъ одинъ изъ первыхъ, пересаживался на переднюю скамейку. Завязавъ съ профессоромъ оживленный разговоръ, онъ незамѣтно похищалъ у него табакерку, которая тутъ-же переходила по всѣмъ скамьямъ, или же заводилъ рѣчь о табакеркѣ, чтобы прямо заполучить ее изъ собственныхъ рукъ де-Будри.

— А позвольте-ка еще разъ взглянуть на вашего знаменитато братца,—приступалъ онъ, бывало, къ профессору и, безъ дальнихъ околичностей, отбиралъ у него табакерку.—Вотъ вѣдь какой молодецъ изъ себя и совсѣмъ не страшный на видъ! Какъ это его угораздило тогда?.. Ахъ, разскажите, пожалуйста, мосье, какъ это было?

— Да я ужъ не разъ говорилъ вамъ...

— Ну, пожалуйста, дорогой Давидъ Иванычъ, разскажите еще разъ!—подхватывалъ хоромъ весь классъ.

И Давидъ Ивановичъ, не совсѣмъ довольный, но, тѣмъ не менѣе, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ повѣствовалъ опять о кровавыхъ дѣяніяхъ своего покойнаго брата.

— Такъ не потому ли вы и фамилію-то свою перемѣнили?—спрашивалъ Пушкинъ.

— Воля Государя Императора!—отвѣчалъ Маратъ-де-Будри, возводя очи къ потолку съ выраженіемъ покорности судьбѣ.

А табакерка съ кровопійцей Маратомъ, между тѣмъ, гуляла уже по скамьямъ изъ рукъ въ руки, и вдругъ всѣ 30 школьниковъ заразъ разражались неумолкаемымъ чиханьемъ и взаимными пожеланіями:

— Будь здоровъ!

— А тебѣ сто годовъ, нажить сто коровъ, лошадей табунъ, самому карачунъ!

— Брысь подъ печку!

Тутъ добрякъ французъ ужъ начиналъ терять терпѣніе и говорилъ:

— Но вѣдь вы, друзья мои, весь табакъ у меня вынюхаете!

— А мы вамъ новаго купимъ,—утѣшалъ Пушкинъ.—Господа, сдѣлаемте складчину и купимъ мосье куль табаку!

— Купимъ! завтра же купимъ!—весело соглашались остальные шалуны.

— Ну, будетъ, милые мои, довольно, натѣшились!—серьезно останавливалъ ихъ почтенный старичекъ и приступалъ къ уроку, не допуская затѣмъ уже никакихъ шутокъ.

За эту его незлобивость и обходительность, а еще болѣе за его многостороннія познанія и житейскую опытность, лицеисты скоро привыкли не только любить, но и уважать своего француза. У него былъ даръ—въ простой дружеской бесѣдѣ передавать воспитанникамъ всевозможныя научно-практическія свѣ-

дѣнія, собранныя имъ въ теченіе своей продолжительной и довольно бурной жизни. Такъ, благодаря ему, лицеисты не только стали вскорѣ бойко объясняться по-французски, но даже пріобрѣли болѣе широкій и болѣе ясный взглядъ на жизнь. Де-Будри и Куницынъ шли какъ бы объ-руку въ дѣлѣ ихъ развитія: тотъ носился съ ними въ заоблачныхъ высяхъ „нравственныхъ наукъ", а де-Будри любовно и бережно спускалъ ихъ опять на твердую житейскую почву.

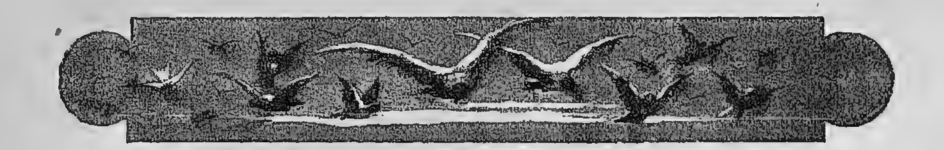
Если, такимъ образомъ, было сдѣлано все, что возможно, для правильнаго умственнаго роста лицеистовъ, то не менѣе было приложено заботъ и къ тѣлесному ихъ развитію. Обѣдъ ихъ состоялъ изъ трехъ сытныхъ, ужинъ—изъ двухъ легкихъ блюдъ. Въ праздники прибавлялось еще четвертое блюдо. Поваръ лицейскій, въ первые, по крайней мѣрѣ, годы, былъ мастеръ своего дѣла; даже такія заурядныя кушанья, какъ щи да каша, въ его образцовомъ приготовленіи представлялись лицеистамъ чуть ли не верхомъ кулинарнаго искусства.

Съ понедѣльника въ столовой вывѣшивалось уже росписаніе блюдъ (меню) на цѣлую недѣлю, такъ что мальчики могли напередъ мѣняться между собою порціями любимыхъ каждымъ изъ нихъ кушаній. Развитію въ нихъ аппетита немало также способствовали чередовавшіяся съ классными ихъ занятіями комнатныя игры и прогулки на воздухѣ, которыя, кстати замѣтить, никогда,—даже и въ дурную погоду,—не отмѣнялись: послѣ утренней молитвы и стакана чаю съ крупичатою булкой, воспитанники, просидѣвъ съ 7-ми до 9-ти часовъ въ классѣ, отправлялись гулять. Возвратившись къ 10-ти часамъ домой, они до 12-ти

отсиживали опять за урокама, потомъ до 2-хъ часовъ совершали вторую прогулку, обѣдали, а послѣ обѣда рѣзвились въ рекреаціонномъ залѣ. Съ 2-хъ до 3-хъ часовъ они какъ-бы отдыхали отъ моціона, занимаясь только чистописаніемъ или рисованіемъ, послѣ чего, до 5-ти часовъ, шли опять научные уроки. Этимъ заканчивалась ихъ обязательная классная работа. Въ 5 часовъ, напившись снова чаю съ полубулкой, они шли гулять въ третій разъ; затѣмъ должны были готовить уроки къ слѣдующему дню. Въ половинѣ 9-го звонокъ сзывалъ ихъ къ ужину, послѣ котораго, вплоть до 10-ти часовъ, имъ предоставлялось дѣлать что̀ угодно: читать, играть или болтать. День какъ начинался, такъ и заканчивался общей молитвой. Разойдясь по своимъ дортуарамъ, донельзя усталые отъ ученія и шалостей, мальчуганы засыпали тотчасъ, какъ убитые. А завтра опять то-же и въ томъ-же порядкѣ.

Да, это было своего рода сложное машинное колесо, которое, только благодаря постоянной, аккуратной смазкѣ и приставленнымъ къ нему опытнымъ механикамъ, могло вращаться изо дня въ день, изъ года въ годъ, безъ запинки. Кто могъ предвидѣть тѣ сцѣпленія обстоятельствъ, тѣ роковыя случайности, которыя засорили нѣкоторые зубцы, обломили нѣкоторыя спицы колеса и до такой степени нарушили его правильный ходъ, что оно едва-едва не соскочило съ оси?..

ГЛАВА XI.

Первая „проба пера“.

„Ну, женскіе и мужескіе слоги!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Равняйтеся, вытягивайте ноги
И по-три въ рядъ въ октаву заѣзжай!
Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги!“

(Домикъ въ Коломнѣ.)

Однажды, въ самомъ началѣ еще учебнаго курса, послѣобѣденный урокъ „россійской“ словесности у профессора Кошанскаго окончился минутъ за 20 до звонка. Профессоръ, довольный удачными отвѣтами учениковъ, сошелъ съ каѳедры и, съ лукавой улыбочкой потирая руки, объявилъ имъ:

— Ну-съ, государи мои, на сихъ дняхъ еще заставилъ я васъ въ особину занотовать себѣ стишокъ великаго нашего Гавріила Романовича *):

„Всѣмъ смертнымъ славолюбье сродно,
Различенъ путь лишь и предметъ:
И въ бочкѣ циникъ благородно
Велѣлъ царю не тмить свой свѣтъ.“

---

*) Имя и отчество Державина.

А вѣдомо ли вамъ, что̀ имѣлъ я симъ въ предметѣ? Навести васъ на то, въ чемъ всякому истинному любителю изящныхъ письменъ надлежитъ полагать высшее свое удовольствіе. Доселѣ версификацію познали вы лишь по образцамъ и примѣрамъ. Для вящшаго вашего въ ней усовершенствованія, не угодно ли вамъ теперь самимъ осѣдлать Парнасскаго коня, проще сказать— испробовать ваши перья?

— Намъ стихи писать, Николай Ѳедорычъ?—озадаченно переглядываясь, спрашивали лицеисты.

— А вы думаете, Державинъ не былъ развѣ такимъ же мальчишкой, да еще и моложе васъ? Вы же имѣете передъ нимъ тотъ великій шансъ, что его зрѣлая Муза можетъ служить вамъ неистощимымъ кладеземъ для почерпнутія потребныхъ вдохновенію вашему матерій.

— Да никто изъ насъ никогда еще не писалъ стиховъ...

— Я писалъ!—отозвался тутъ неожиданно одинъ изъ лицеистовъ, Илличевскій.

Илличевскій этотъ, сынъ томскаго губернатора, воспитывался до лицея въ единственной въ то время петербургской гимназіи (нынѣ 2-й, что̀ на Казанской). Примѣръ губернатора-отца и прирожденная смѣтливость развили въ немъ раннюю самостоятельность, а артистическія наклонности еще въ гимназіи побуждали его испытывать свои силы во всѣхъ искусствахъ. Попавъ въ лицей, онъ разомъ выдвинулся между лицеистами какъ хорошій чтецъ, рисовальщикъ, заправила всякихъ школьныхъ игръ. А теперь вдругъ онъ оказывался еще и поэтомъ!

Соревнованіе съ нимъ подзадорило тотчасъ двѣ другія поэтическія натуры.

— И я тоже пописывалъ стихи, хотя пока одни французскіе,—заявилъ Пушкинъ.

— А я нѣмецкіе!—подхватилъ Кюхельбекеръ.

— Ну, ужъ не ври, пожалуйста, — вмѣшался Гурьевъ:—вѣрно, чухонскіе?

— Я васъ, Гурьевъ, сію минуту выпровожу вонъ,— строго замѣтилъ профессоръ.—А вы, Кюхельбекеръ, на зубоскальство его и дурачество не обращайте вниманія. Буде въ васъ точно горитъ священный пламень, таковой превозможетъ и трудности чуждаго вамъ русскаго языка. Благо, представляется вамъ къ тому вожделѣнный случай. Итакъ, господа, на первый разъ опишите мнѣ стихами предметъ общеизвѣстный—цвѣтокъ розу.

Писаніе началось, перья заскрипѣли. Но первые стихи приходились лицеистамъ куда солоны. Скрипѣли перья не столько отъ сочиняемыхъ, сколько отъ зачеркиваемыхъ строкъ, и скрипъ ихъ прерывался только вздохами и перешептываніемъ совѣщавшихся между собой писакъ. Кошанскій, заложивъ за спину руки, ходилъ взадъ и впередъ между скамьями, оглядывая пишущихъ, направо и налѣво, съ самодовольно-снисходительной улыбкой.

— Что же, други милые, не осѣняетъ свыше? И вы, Илличевскій, даромъ, я вижу, похвалились?

— По заказу, Николай Ѳедорычъ, никакъ не возможно,—отговорился тотъ, почесывая себѣ переносицу бородкой пера.

— А я готовъ!—объявилъ Пушкинъ, вскакивая съ мѣста.

— Готовы-съ? На французскомъ діалектѣ-съ?

— Нѣтъ, по-русски.

— Скоренько, сударь мой. Есть у насъ пословица русская: „скоро, да не споро“. Ну, что-же-съ, послушаемъ ваше произведеньице. Прочитайте-ка вслухъ: заслужитъ одобреніе—порукоплещемъ; не заслужитъ— головы не снимемъ съ плечъ. Повѣсьте, господа, уши ваши на гвоздь вниманія!—какъ прекрасно сказано нѣкіимъ древнимъ мудрецомъ.

Зараженные насмѣшливостью профессора, лицеисты заранѣе уже пофыркивали. Казалось, Пушкину стòитъ только ротъ раскрыть, какъ слова его будутъ заглушены громогласнымъ хохотомъ. Покраснѣвъ и сердито косясь на сосѣдей, Пушкинъ съ чувствомъ прочелъ слѣдующее:

— „Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Такъ вянетъ младость!
Не говори:
Вотъ жизни радость!
Цвѣтку скажи:
Прости, жалѣю!
И на лилею
Намъ укажи.“

Чтò сталось съ шалунами-слушателями? Отчего же никто изъ нихъ не хохочетъ, отчего усмѣшка у каждаго такъ и застыла на губахъ?

Дельвигъ, всегда такой безучастный, холодный, первый выразилъ свое одобреніе:

— А, ей-богу, премило!

Онъ, видимо, выразилъ общее впечатлѣніе, потому что съ нимъ сейчасъ же согласились и другіе:

— И то, очень даже недурно. Ай-да французъ!

Всѣ взоры обратились на профессора, въ ожиданіи, что̀ онъ скажетъ. Но тотъ, насупясь, промычалъ только: „гмъ...“ и взялъ изъ рукъ Пушкина его тетрадь. Вполголоса перечтя стихи вторично, онъ пристально посмотрѣлъ на маленькаго автора.

— Скажите-ка по чистой совѣсти, Пушкинъ: у кого это вы позаимствовали?

Пушкинъ такъ и вспыхнулъ.

— Я, господинъ профессоръ, не сталъ бы выдавать чужихъ стиховъ за свои!

— Не распаляйтесь, любезнѣйшій. Амбиція здѣсь не у мѣста. Я спросилъ только потому... потому что... Гмъ... гмъ...

И Кошанскій, въ тактъ кивая головой, принялся перечитывать стихи въ третій разъ.

— Нѣтъ у васъ еще подобающей выспренности, да и идейка не совсѣмъ-то вытанцовалась,—наконецъ высказался онъ:—но для перваго дебюта стишки, право, хоть куда. Однако, дабы вы не слишкомъ о себѣ возмечтали, я возьму ихъ съ собой.

Онъ вырвалъ страницу изъ тетради и, сложивъ ее вчетверо, опустилъ въ боковой карманъ.

— Когда-нибудь, быть можетъ—какъ знать?.. вы станете нашимъ „великимъ національнымъ поэтомъ“,—добавилъ онъ, добродушно усмѣхаясь:—тогда я сочту долгомъ преподнести вамъ на серебряной тарелочкѣ, любопытства ради, сей первобытный вашъ поэтическій лепетъ.

Раздавшійся изъ коридора звонокъ прервалъ на этотъ разъ дальнѣйшія упражненія въ стихотворствѣ. Зато толки по поводу ихъ теперь только разгорѣлись; едва лишь Кошанскій скрылся за дверью, какъ вся

орава маленькихъ стихотворцевъ обступила Пушкина и со смѣхомъ принялась поздравлять его, какъ будущаго „великаго національнаго поэта".

— Дай приложиться къ тебѣ, душоночекъ ты мой! дай набраться отъ тебя этого „выспренняго" духа!—съ притворною нѣжностью говорилъ Гурьевъ и полѣзъ уже цѣловаться.

Пушкинъ грубо оттолкнулъ его.

— Терпѣть не могу лизаться!

Тотъ показалъ видъ, будто не обидѣлся, и даже сейчасъ предложилъ:

— Ну, такъ покачаемте его, братцы!

И не успѣлъ Пушкинъ очнуться, какъ, подхваченный разомъ десятками рукъ съ криками „ура!", очутился уже на воздухѣ.

— Ты, Гурьевъ, право, хоть кого выведешь изъ терпѣнія!—замѣтилъ онъ, когда наконецъ сталъ опять на ноги.

— Да вѣдь я только за ноженьку твою подержался, только за самый кончикъ сапога!—отшутился Гурьевъ.

— А ну его!—сказалъ Пушкину Дельвигъ и насильно увелъ его съ собой.—У меня, знаешь ли, есть до тебя большая просьба...

— Что такое?

— Продиктуй мнѣ, сдѣлай милость, свою „Розу".

— Ты, Дельвигъ, туда же, насмѣхаться вздумалъ надо мной?

— Нѣтъ, честное, благородное слово, стихи твои мнѣ такъ понравились, что я хотѣлъ бы хорошенько разъ-другой еще перечесть ихъ.

— Ты, значитъ, тоже охотникъ до стиховъ?

— Страстно люблю ихъ, и самъ даже...

— Самъ даже пишешь?

— Да, грѣшенъ...

А кравшійся слѣдомъ за ними Гурьевъ ужъ подслушалъ ихъ и громко захлопалъ въ ладоши:

— „Ха-ха-ха! хи-хи-хи!
И нашъ Дельвигъ пишетъ стихи!“

Ай-да я! Недаромъ, видно, за сапогъ подержался. Этакъ, чего добраго, скоро у насъ пол-лицея попадетъ на Парнасъ. Такъ вѣдь, кажется, Пушкинъ, прозывается наша будущая квартира?

Гурьевъ не подозрѣвалъ, конечно, что шутливое предсказаніе его вполнѣ сбудется. Стихотворные или, по выраженію Гурьева, „смѣхотворные“ уроки Кошанскаго съ тѣхъ поръ регулярно повторялись, и чѣмъ далѣе, тѣмъ глаже и звучнѣе выходили стихи, особенно у Пушкина. Но такъ-какъ Кошанскій придавалъ въ стихахъ наибольшее значеніе „выспренности“, и такъ-какъ Илличевскій въ этомъ отношеніи довольно удачно подражалъ Державину, то ему, Илличевскому, профессоръ долгое время отдавалъ предпочтеніе даже передъ Пушкинымъ, стихи котораго, по мнѣнію Кошанскаго, были черезчуръ „легки“. Впрочемъ, для обоихъ поэтиковъ стихотворство было пока еще простою забавой, „игрою въ риѳмы“; въ погонѣ за первенствомъ въ этой игрѣ они взялись разъ, уже внѣ класса, сочинить каждый по рыцарской балладѣ (въ ту пору баллады Жуковскаго вошли только-что въ моду). Но задача оказалась имъ еще не по силамъ, и ни тотъ, ни другой не довелъ своей баллады до конца.

Зато въ стихотворныхъ насмѣшкахъ надъ товарищами и воспитателями неопытная, но шаловливая Муза ихъ принесла, въ первое же время, обильные, хотя и

далеко недозрѣлые плоды. Такъ, съ особеннымъ увлеченіемъ всѣ лицеисты распѣвали сочиненный общими силами, на извѣстный современный мотивъ, длиннѣйшій романсъ, въ которомъ чуть ли не каждому обитателю лицея было отведено по куплету. Новые куплеты появлялись нежданно-негаданно, какъ грибы послѣ дождя, вслѣдъ за обстоятельствами, вызвавшими ихъ, и тутъ-же въ компаніи дополнялись, закруглялись, такъ что доискаться первоначальнаго автора ихъ затруднились бы и сами лицеисты.

Разъ профессоръ математики Карцовъ изловилъ Пушкина, во время урока, за чтеніемъ посторонней книги, и выпроводилъ его изъ класса. И вотъ, на слѣдующее же утро, это великое событіе увѣковѣчилось новымъ куплетомъ:

„А что̀ читаетъ Пушкинъ?—
Подайте-ка сюды!
Ступай изъ класса съ Богомъ,
Назадъ не приходи.“

Другой разъ, заучиваемыя лицеистами вдолбяжку правила ненавистной имъ нѣмецкой грамматики и плохой выговоръ столь же нелюбимаго преподавателя ея, Гауеншильда, послужили благодарною темой для слѣдующей стихотворной нелѣпицы:

„Скажите мнѣ шастицы,
Какъ напримѣръ: wenn so,
Je weniger und desto—
Die Sonne scheint also.“

Ознакомить съ этимъ перломъ лицейской Музы самого Гауеншильда озаботился бѣдовый Гурьевъ, который, не сочинивъ самъ на своемъ вѣку ни одной строки (кромѣ развѣ замѣчательнаго двустишія на

Дельвига), не обладая ни малѣйшимъ музыкальнымъ слухомъ, то и дѣло мурлыкалъ, однако, про себя наиболѣе задорные стихи, особенно въ присутствіи того именно лица, котораго они касались. Къ Гауеншильду онъ даже прямо подъѣхалъ съ вопросомъ:

— А слышали вы, г-нъ профессоръ, новый романсъ великаго земляка вашего Шиллера?

— Какой романсъ?—недоумѣвая, переспросилъ тотъ.

— О, прелесть, я вамъ доложу! Послушайте!

И, по обыкновенію фальшивя, школьникъ съ одушевленіемъ пропѣлъ вышеприведенный полу-нѣмецкій „романсъ".

— Какъ вы смѣете!..—напустился на него нѣмецъ.

— А развѣ это не Шиллера?—съ самой наивной миной выразилъ удивленіе Гурьевъ.—Какъ же Кюхельбекеръ клялся мнѣ всѣми германскими богами? Эй, Вильгельмъ Карлычъ, пожалуй-ка сюда на расправу!

Гурьевъ, какъ всѣмъ было извѣстно, пользовался особеннымъ благоволеніемъ надзирателя Пилецкаго, котораго онъ успѣлъ окрутить кругомъ своимъ притворнымъ смиреніемъ и заискивающею услужливостью. Поэтому Гауеншильдъ, пожавъ плечами, ограничился только тѣмъ, что обѣщалъ сбавить озорнику два балла въ поведеніи, но предупредилъ, что если услышитъ хоть разъ еще Шиллеровъ романсъ, то виновному уже не сдобровать. Вскорѣ ему, дѣйствительно, пришлось привести въ исполненіе угрозу; но ловкій Гурьевъ, какъ всегда, отвелъ ударъ съ своей больной головы на чужую, здоровую. Онъ побился объ закладъ съ Пушкинымъ на чайную булку, что тотъ не посмѣетъ при Гауеншильдѣ пропѣть знаменитой пѣсни. Подзадоренный Пушкинъ на слѣдующемъ же урокѣ нѣмец-

каго языка затянулъ ее вполголоса. Гауеншильдъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ кресла и окинулъ мальчиковъ съ каѳедры грознымъ взглядомъ.

— Это кто? Опять вы, Гурьевъ?

— Нѣтъ, не я.

— Конечно, вы. Нынче же вы будете на черной доскѣ!

— Вотъ вамъ Христосъ, г-нъ профессоръ, не я!— увѣрялъ Гурьевъ, крестясь, причемъ въ голосѣ его слышались слезы.—Если на то пошло, то я могу даже сказать—кто.

— Фискалъ!—презрительно замѣтилъ Пушкинъ и поднялся съ мѣста.—Это я, г-нъ профессоръ.

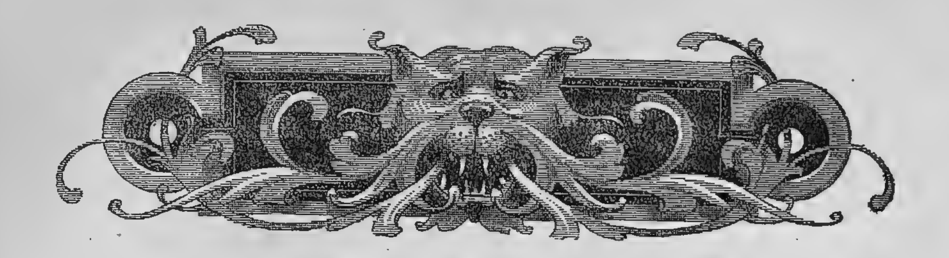
— Я такъ и зналъ: либо Гурьевъ, либо вы! Значитъ, на черной доскѣ будете вы, а теперь убирайтесь-ка оба вы съ Гурьевымъ вонъ изъ класса!

— Изыдите, изыдите, нечестивіи!—хоромъ загорланилъ весь классъ.

Профессоръ въ отчаяніи замахалъ руками и оставилъ всѣхъ безъ третьяго блюда, а имя Пушкина въ тотъ-же день было написано крупными буквами на такъ-называемой „черной доскѣ".

Всѣ наказанія лицеистовъ дѣлились на четыре степени: первою, легчайшею, считалось отдѣленіе провинившагося за особый, „черный" столъ въ классѣ; вторую—черная доска; третья заключалась въ оставленіи на хлѣбѣ и водѣ не долѣе двухъ дней; наконецъ, четвертая—въ „уединенномъ заключеніи", т.-е. въ карцерѣ.

Съ этимъ послѣднимъ наказаніемъ довелось ознакомиться на дѣлѣ и Пушкину, вмѣстѣ съ пятью другими лицеистами, на второй же мѣсяцъ пребыванія ихъ въ лицеѣ, и вотъ по какому случаю.

ГЛАВА XII.

Штрафной билетъ.

„Златые дни, уроки и забавы,
И черный столъ, и бунты вечеровъ...“

(19 октября.)

„Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую квартеру!“

(Гусаръ.)

Въ свободное отъ классныхъ занятій время, лицеисты, какъ уже упомянуто, обязаны были говорить между собой на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Но какъ было заставить ихъ исполнять это и тогда, когда никого изъ начальства не было по близости?

Разрѣшить такую мудреную задачу удалось, повидимому, все тому-же профессору Гауеншильду, а надзиратель Пилецкій успѣлъ склонить и директора Малиновскаго испробовать предложенную мѣру. Состояла она въ томъ, что одному изъ воспитанниковъ вручался штрафной билетъ, который онъ долженъ былъ передать товарищу, изобличенному имъ въ раз-

говорѣ по-русски; этотъ, въ свою очередь, тѣмъ же порядкомъ долженъ былъ сбыть билетъ третьему, третій—четвертому и т. д., пока билетъ не обойдетъ всѣхъ нарушителей запрета. Послѣдній, у кого подъ конецъ дня оказывался билетъ, въ искупленіе общей вины, подвергался опредѣленному наказанію.

Мѣра эта, однако, не всегда достигала цѣли. Иной разъ билетъ къ вечеру пропадалъ безслѣдно, и отыскать виновнаго въ пропажѣ было положительно невозможно. Тогда оставалось одно — привлечь къ отвѣтственности весь классъ, лишивъ его, напр., сладкаго блюда. Но, въ этихъ случаяхъ, наказанныхъ выручалъ всегда съ избыткомъ провіантмейстеръ Леонтій Кемерскій, который приносилъ, взамѣнъ недополученнаго казеннаго слоенаго пирожка или клюквеннаго киселя (разумѣется, за соотвѣтственное денежное вознагражденіе), какое-нибудь другое лакомство.

Но чаще случалось, что штрафной билетъ оставался преспокойно, вплоть до вечерняго чая, въ карманѣ того, кому онъ былъ данъ по-утру. Зато послѣ чая и послѣ третьей прогулки, между школьниками начиналась настоящая травля; билетъ въ нѣсколько минутъ переходилъ десятки рукъ и, въ концѣ концовъ, подсовывался тайкомъ какому-нибудь зѣвакѣ или, передъ самымъ ужиномъ, пришпиливался булавкой на спину неизмѣннаго козла отпущенія—Кюхельбекера. Когда же тотъ, по хохоту окружающихъ, догадывался, въ чемъ дѣло, и, отцѣпивъ своими длинными руками билетъ отъ спины, передавалъ его одному изъ тѣхъ, кто говорилъ въ эту минуту по-русски, то всѣ наотрѣзъ отказывались принять его.

— Нѣтъ, братъ Кюхля, шалишь! Но, чуръ, ни-гу-гу, не фискалить!

И добросовѣстный Кюхля, ворча только что-то себѣ подъ носъ по-нѣмецки, покорялся своей неизбѣжной участи

Однажды, въ день „французскій“, билетъ былъ врученъ по-утру „французу“-Пушкину. Каково же было удивленіе надзирателя Пилецкаго, когда, на вопросъ его за ужиномъ, у кого билетъ,— тотъ оказался у Пушкина.

— Это рѣшительно загадка для меня!—сказалъ, разводя рукаму, Пилецкій.—Вѣдь вы, Пушкинъ, болтаете по-французски чуть ли не лучше, чѣмъ на родномъ языкѣ?

— Да онъ, Мартынъ Степанычъ, никому и не передавалъ билета!—смѣясь, разрѣшилъ загадку Гурьевъ.

— Что?! Не передавалъ? Правда это?

— Правда,— подтвердилъ Пушкинъ.

— Это что̀ значитъ? Или вы никого не успѣли уличить въ русской рѣчи?

— Не то что не успѣлъ, но не считалъ нужнымъ.

— Какъ? Повторите!

— Очень просто: забылъ про билетъ, Мартынъ Степанычъ,—выступилъ теперь ужъ на защиту пріятеля Гурьевъ.

— У васъ, Гурьевъ, я знаю, сердце премягкое, какъ вотъ этотъ боберъ,—похвалилъ любимца своего Пилецкій, ласково проводя рукою по коротко-остриженнымъ, шелковистымъ его волосамъ.—Пушкинъ же, при всей своей строптивости, имѣетъ одно хорошее качество: онъ прямодушенъ, не умѣетъ лукавить. Поэтому, я увѣренъ, онъ самъ сейчасъ признается, точно ли за-

былъ про билетъ, или нарочно оставилъ его у себя.

— Нарочно, сознаюсь! — коротко отрѣзалъ Пушкинъ.

Тонкія губы надзирателя сложились въ знакомую уже лицеистамъ, не обѣщавшую ничего добраго, улыбку; въ маслянистыхъ глазахъ его загорѣлся зловѣщій огонекъ, а рѣзкій голосъ его принялъ неестественную нѣжность.

— Вы, миленькій мой, стало быть, нарочно не исполняете возложенной на васъ начальствомъ обязанности?—спросилъ онъ.

— Если обязанность моя — быть Іудою-предателемъ товарищей, то я не въ состояніи исполнить ея!— былъ гордый отвѣтъ.

— Браво, Пушкинъ!—раздалось тутъ съ другого конца стола.

Пилецкій круто обернулся: то былъ Пущинъ.

— Прокофьевъ!—холодно крикнулъ онъ дежурнаго дядьку:—этихъ двухъ молодцовъ ты сейчасъ же отведешь на сутки въ карцеръ.

— Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ дядька.—А ужина нельзя имъ докушать-съ?

— „Сейчасъ", сказано тебѣ. Не слышалъ, что ли? А вы, голубчики мои, перестаньте-ка кушать. Прокофьевъ ужо доставитъ вамъ вашъ заслуженный десертъ: хлѣбца краюху да ключевой водицы.

Два пріятеля, обмѣнявшись дружелюбнымъ взглядомъ, молча встали изъ-за стола, чтобы слѣдовать за дожидавшимся ихъ Прокофьевымъ. Но тутъ, совсѣмъ неожиданно, поднялся также одинъ изъ самыхъ скромныхъ и послушныхъ лицеистовъ, баронъ Дельвигъ,

и почтительно, какъ всегда, обратился къ надзирателю съ просьбой:

— Я, Мартынъ Степанычъ, одного съ ними мнѣнія на этотъ счетъ,—такъ позвольте ужъ и мнѣ идти съ ними.

Мартынъ Степановичъ былъ, видимо, пораженъ. Какъ поступить съ маленькимъ наивнымъ барономъ, который собственно ни въ чемъ вѣдь не провинился? Помолчавъ немного, онъ заговорилъ наставительно и кротко:

— Вы, милѣйшій баронъ, при малыхъ успѣхахъ въ наукахъ, отличались до сихъ поръ примѣрнымъ благонравіемъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что теперь вы повинуетесь только внушенію вашего добраго сердца...

— „О, дружба, это ты!“ — вмѣшался опять Гурьевъ.—Вѣдь они, Мартынъ Степанычъ, оба—поэты, ихъ и водой не разольешь.

Пилецкій потрепалъ шутника по пухлой щекѣ.

— Адъютантикъ мой!—и съ вызывающей усмѣшкой оглядѣлъ затѣмъ весь столъ.—Можетъ быть, между вами, господа, найдутся и другіе поэты?

— Да вотъ Кюхельбекеръ,—отрапортовалъ адъютантъ.

— Да, и я поэтъ!—не отрекся тотъ.

— И желали бы тоже посидѣть на хлѣбцѣ и водицѣ?

Гурьевъ отъ удовольствія даже заржалъ:

— Униженно васъ проситъ! Что, братъ, Вильгельмъ, влопался какъ куръ во щи?

— Экая вѣдь дрянь этотъ Гурьевъ!—подалъ теперь голосъ и Илличевскій.—Предлагаю, господа, не говорить съ нимъ до будущей недѣли.

— Это ужъ заговоръ какой-то!—воскликнулъ надзиратель.—Вы, Илличевскій, также отправитесь въ карцеръ.

Илличевскій съ сдержанной улыбкой отвѣсилъ поклонъ.

— Какъ прикажете. Вотъ Корсаковъ тоже просится въ компанію съ нами.

Пилецкій отъ изумленія даже ротъ разинулъ и остолбенѣлъ. Если Пущинъ и Дельвигъ примкнули къ Пушкину по какому-то ребяческому влеченію; если Кюхельбекеръ „влопался" по оплошности, то два послѣдніе заговорщика, очевидно, заразились только сію минуту заносчивостью Пушкина, потому что Илличевскій до сихъ поръ почитался образцомъ послушанія и вѣжливости, а Корсаковъ, кроткій и робкій, и воды никогда не замутилъ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы разразился справедливый гнѣвъ Пилецкаго, если бы въ эту минуту къ столу не подошелъ самъ директоръ лицея, Малиновскій, который съ порога столовой уже нѣсколько времени безмолвно слѣдилъ за описанною сейчасъ сценой.

— Вы, Корсаковъ, кажется, такъ же, какъ и Илличевскій, пишете стихи?—былъ первый вопросъ его.

Ни мало не угрожающій, а только огорченный, грустный тонъ неизмѣннаго въ своемъ добродушіи Василья Өедоровича произвелъ на всѣхъ лицеистовъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ тонкая язвительность надзирателя. Застѣнчивый же Корсаковъ совсѣмъ растерялся.

— Пишу-съ...—прошепталъ онъ, мѣняясь въ лицѣ.

— Значитъ, главною причиною ихъ ослушанія, Мартынъ Степанычъ, былъ не злой умыселъ, а, такъ-

сказать, созвучіе одинаково настроенныхъ душъ,—продолжалъ директоръ.—Отсидѣть въ карцерѣ положенныя вами сутки ослушникамъ, разумѣется, придется. А вы, Гурьевъ,—внезапно обернулся онъ къ „адъютантику“ надзирателя,—какъ оказывается, самый задорный изъ всѣхъ...

— О! онъ только рѣзовъ немножко, но преопослушный, преуслужливый мальчикъ,—заступился Пилецкій за своего любимца, у котораго съ перепугу навернулись даже на глазахъ слезы.

— Нѣтъ, Мартынъ Степанычъ, извините меня: вы насчетъ его нѣсколько ослѣплены. Если товарищи отворачиваются отъ мальчика, то это ужъ самая плохая для него аттестація, и я убѣжденъ, что не будь Гурьева, подбивающаго другихъ, не было бы и такого поголовнаго протеста. Онъ, во всякомъ случаѣ, достоинъ не меньшей кары, какъ и прочіе. Но чтобы не было новыхъ столкновеній, его можно запереть отдѣльно, напр., въ классной комнатѣ.

Гурьевъ уже не на шутку расхныкался.

— Помилуйте, простите!—молилъ онъ, сложа руки и захлебываясь отъ слезъ.—Не сажайте меня хотя одного...

— Онъ буки боится! — презрительно замѣтилъ Илличевскій.—Мы вамъ отъ души благодарны, Василій Ѳедорычъ, что вы избавляете насъ отъ него.

— Слышите, Гурьевъ? Гласъ народа—гласъ Божій. Но чтобы вамъ въ темнотѣ не было такъ страшно, Прокофьевъ можетъ не тушить у васъ огня. А вы, господа, захватите съ собой шинели: карцеръ, кажется, нынче не топленъ. Да не забудь, Прокофьевъ, отнести къ нимъ туда табуретовъ, сколько нужно.

Такая заботливость добряка-директора окончательно примирила обреченныхъ на наказанье съ ихъ участью. Когда они, подъ конвоемъ дядьки, гуськомъ спускались по лѣстницѣ въ нижній этажъ, гдѣ помѣщался карцеръ, навстрѣчу имъ попался сынъ директора, лицеистъ Малиновскій, который, ужиная и ночуя на квартирѣ отца, не присутствовалъ при разсказанномъ эпизодѣ въ лицейской столовой, а теперь возвращался въ лицей за забытой книгой.

— Куда такъ поздно, господа?—удивился онъ, введенный въ заблужденіе накинутыми на плечи товарищей шинелями. Узнавъ же въ чемъ дѣло, онъ воскликнулъ:— Ахъ, ужъ этотъ штрафной билетъ! Отецъ никогда не одобрялъ его.

— Не стойте, господа! Впередъ, маршъ!—скомандовалъ конвойный Прокофьевъ.

— Не унывайте, братцы, мы васъ выручимъ,—успокоилъ ихъ, съ своей стороны, Малиновскій.

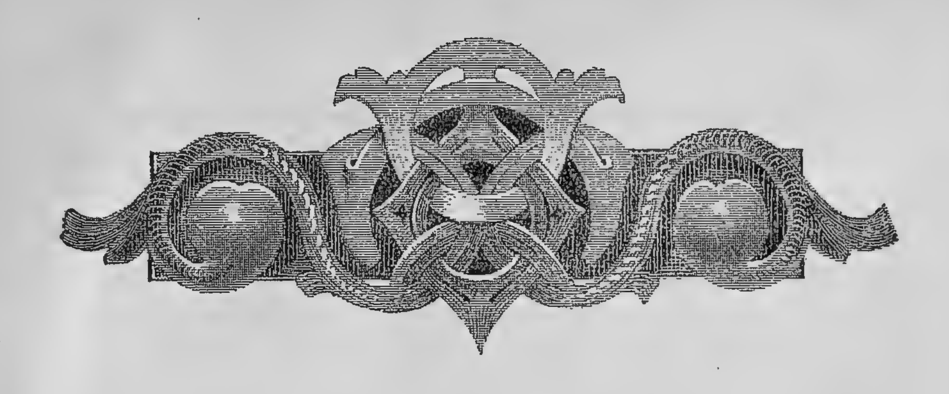
— Пожалуйста!

— По крайней мѣрѣ, постараюсь. До свиданья!

— До свиданья!

И процессія двинулась далѣе.

ГЛАВА XIII.

Правнукъ арапа Петра Великаго.

„У всякаго своя есть повѣсть.
Всякъ хвалитъ мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть,—
Она проснется въ черный день".

(Братья-разбойники.)

Отведя маленькихъ преступниковъ въ мѣсто ихъ заключенія—въ низкую и сырую каморку, всю мебель которой составлялъ единственный табуретъ, — стражъ-дядька, согласно наказу директора, принесъ еще нѣсколько табуретовъ, и затѣмъ, пожелавъ имъ на прощанье доброй ночи, удалился, тщательно замкнувъ на ключъ дверь и захвативъ съ собой и свѣчу. Оставшись одни въ непроглядномъ мракѣ ночи, наши шесть арестантовъ-лицеистовъ нѣсколько минутъ хранили молчаніе, точно каждому изъ нихъ сдавалось, что онъ заживо схороненъ подъ землей. Но на міру и смерть красна, говоритъ пословица. Одинъ тихо засмѣялся—и общая могила разомъ огласилась звонкимъ, неумолкаемымъ хохотомъ всѣхъ шести погребенныхъ.

— Что же, мы такъ всю ночь и простоимъ на ногахъ?—заговорилъ первый Пушкинъ.—Благо, сидѣть есть на чемъ, такъ покорнѣйше прошу, милостивые государи, садиться; будьте какъ дома.

„Милостивые государи“, смѣясь, послѣдовали приглашенію, причемъ, за кромѣшною тьмою, кто-то стукнулся головой съ Пушкинымъ и охнулъ.

— До свадьбы заживетъ!—утѣшилъ Пушкинъ.—Ну, что, сѣли, государи мои?

— Сѣли.

— Засѣданіе открывается; а такъ - какъ заснуть, сидя на табуретахъ, все равно не придется, то предлагаю коротать время разсказами. Согласны?

— Согласны.

— Кому же начинать?

— Ты, Пушкинъ, подалъ мысль,—такъ ты и начинай,—рѣшилъ Илличевскій.

— Могу. Дайте только подумать, что̀ бы такое разсказать... Да! слыхалъ кто-нибудь изъ васъ про Абрама Петровича Ганнибала?

— Я слышалъ,—отозвался Кюхельбекеръ,—а здѣсь, въ царскосельскомъ паркѣ, ему и памятникъ поставленъ: „Побѣдамъ Ганнибала“. Живя съ дѣтства въ Павловскѣ, я часто бывалъ тутъ...

— Нѣтъ, это памятникъ не Абрама Ганнибала, а сына его, Ивана Абрамовича, который прославилъ себя какъ побѣдитель турокъ при Наваринѣ, гдѣ сжегъ весь ихъ флотъ. Я говорю теперь объ отцѣ его—арапѣ Петра Великаго.

— Объ этомъ-то и я отъ отца моего слышалъ!—подхватилъ Илличевскій. — Онъ былъ вѣдь простой арапъ-невольникъ, а дослужился до генеральскаго чина?

— До генералъ-аншефа и Андреевской звѣзды!—поправилъ Пушкинъ.—Но былъ онъ не простой невольникъ, а царскаго рода, потомокъ знаменитаго африканскаго полководца Ганнибала. Еще въ глубокой старости, среди нашихъ сѣверныхъ снѣговъ, Абрамъ Петровичъ съ умиленіемъ вспоминалъ о своей знойной Африкѣ. Ихъ, чернокожихъ сыновей-принцевъ, было у отца его ни болѣе, ни менѣе, какъ 19 человѣкъ; но Абрамъ, какъ младшій, сдружился особенно съ малюткой-сестрицей своей Лаганью. Цѣлый день, бывало, рѣзвились они подъ тѣнистыми пальмами отцовскаго сада, плескаясь вмѣстѣ подъ брызгами фонтановъ. Но разъ, когда ему было еще только 8 лѣтъ, нагрянули къ нимъ, откуда ни возьмись, бѣлые дьяволы. Мы, люди бѣлаго племени, представляемъ себѣ дьявола чернымъ, а имъ, чернокожимъ, дьяволъ представляется бѣлымъ. И недаромъ! Дьяволы эти измѣннически напали на лагерь чернокожихъ, кого перебили, кого увели въ неволю. Въ числѣ послѣднихъ былъ и маленькій Ибрагимъ (по-нашему—Абрамъ). Связанный по рукамъ и ногамъ, онъ пластомъ лежалъ на палубѣ корабля и, сквозь дыру въ стѣнкѣ, безмолвно, съ замираніемъ сердца глядѣлъ на удаляющійся родной берегъ, глядѣлъ на дорогую подругу своихъ дѣтскихъ игръ, Лагань, которая, какъ вѣрная собаченка, плыла за кормою корабля. Но вотъ берегъ уже началъ скрываться въ голубой дали; вотъ и Лагань начала отставать и пропала, наконецъ, изъ виду. Что̀ сталось съ бѣдняжкой?—этого Ибрагимъ никогда такъ и не узналъ. Самого его продали въ султанскій сераль. Происходя отъ царской крови, онъ поражалъ своею благородною осанкой, своею рѣдкою для арапа

красотой, и нашъ русскій посланникъ при турецкомъ дворѣ, по словамъ однихъ, перекупилъ его у султана, по словамъ другихъ—просто выкралъ его изъ дворца. Какъ бы тамъ ни было, посланникъ отослалъ его въ Петербургъ, въ подарокъ государю своему, Петру Великому. Тому онъ также сразу приглянулся. Вмѣстѣ съ Польской королевой, государь окрестилъ арапчика и назвалъ его Петромъ. Но крестникъ никакъ не могъ свыкнуться съ новымъ христіанскимъ именемъ, плакалъ и умолялъ до тѣхъ поръ, пока государь не махнулъ рукой и не возвратилъ ему его прежнее имя. Зато маленькій Ибрагимъ, или Абрамъ Петровичъ (какъ стали звать его послѣ, по крестному отцу) просто выбивался изъ кожи, чтобы угодить государю, и своею природною смѣтливостью, своимъ рѣдкимъ умомъ такъ полюбился ему, что Петръ ни днемъ, ни ночью уже не отпускалъ его отъ себя. Арапъ спалъ рядомъ съ царскою спальней—въ токарнѣ, а во время похода—въ царской палаткѣ. Бывало, ночью царь его окликнетъ:

„— Арапъ!

„Тотъ мигомъ очнется и откликнется:

„— Чего изволите?

„— Подай-ка огня и доску!

„А аспидную доску царь требовалъ затѣмъ, что записывалъ на ней наскоро приходившія ему въ голову ночью мысли. Написавъ, что̀ требовалось, онъ возвращалъ арапу доску:

„— На, повѣсь и поди, спи!

„Впослѣдствіи, когда Абрамъ Петровичъ отъ самого царя научился грамотѣ, письму и ариѳметикѣ, онъ писалъ на доскѣ подъ диктовку царя, а царь уже

поутру перечитывалъ написанное, дополнялъ и заносилъ въ свою записную книжку.

„Петръ Великій, вѣроятно, никогда не разстался бы съ своимъ вѣрнымъ арапомъ, если бы Абрамъ Петровичъ не выказалъ особенно замѣчательныхъ способностей къ математикѣ. Петръ счелъ за грѣхъ оставить это безъ вниманія, и арапъ былъ отправленъ въ Парижъ—доучиваться въ тамошней инженерной школѣ. Но тутъ у французовъ разгорѣлась война съ Испаніей. Пылкій африканецъ не утерпѣлъ: не спросясь даже у своего государя, онъ записался въ армію тогдашняго регента французовъ, герцога Орлеанскаго, и пошелъ драться съ испанцами. Пробираясь разъ со своимъ отрядомъ потайнымъ ходомъ въ монастырь, въ которомъ засѣли испанцы, онъ наткнулся на враговъ. Послѣ жаркой схватки, арапа, съ разрубленною головой, товарищи замертво вынесли на воздухъ. Жизнь его висѣла на волоскѣ; съ транспортомъ раненыхъ его отвезли обратно въ Парижъ.

„Юноша во цвѣтѣ лѣтъ и геркулесъ по сложенію, онъ живо поправился и, разумѣется, сдѣлался героемъ дня: смертельно-раненый лейтенантъ „великой націи“, да еще изъ араповъ, да вдобавокъ и принцъ! Всѣ парижскіе салоны настежь раскрылись предъ нимъ, и его, какъ говорится, на рукахъ носили. Диво ли, что такіе успѣхи вскружили нашему африканцу его буйную голову? Напрасно благодѣтель его, русскій царь, писалъ ему письмо за письмомъ, требуя возвращенія въ Россію: арапъ не могъ оторваться отъ обласкавшаго его Парижа. Разъ, однако же, на выходѣ во дворцѣ, герцогъ Орлеанскій подозвалъ его къ себѣ и молча подалъ ему письмо,

которое только-что получилъ отъ Петра. Абрамъ Петровичъ перепугался не на шутку: онъ зналъ, что съ царемъ шутки плохи, и былъ увѣренъ, что тотъ требуетъ выслать его къ нему по этапу, Вмѣсто того, что̀ же оказалось? Петръ предоставлялъ ему на выборъ: возвратиться домой или поселиться въ Парижѣ, но обѣщалъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, не покидать его. Такая отеческая любовь крестнаго отца дотого тронула арапа, что онъ тутъ-же уложилъ свои пожитки и поскакалъ восвояси. На послѣдней станціи отъ Петербурга, въ Красномъ Селѣ, онъ, войдя въ избу, увидѣлъ за столомъ, у окошка, какого-то исполина въ зеленомъ кафтанѣ, который, куря трубку, читалъ нѣмецкую газету. А исполинъ также его замѣтилъ и радостно вскочилъ съ лавки.

„— Ба, арапъ! Здорово, крестникъ!

„Абрамъ Петровичъ теперь только узналъ своего благодѣтеля, и хотѣлъ повалиться ему въ ноги; но Петръ принялъ его въ свои объятія и поцѣловалъ въ голову.

„— Мнѣ дали знать, что ты ѣдешь,—сказалъ онъ,— и я поѣхалъ къ тебѣ навстрѣчу.

„Онъ благословилъ его образомъ апостоловъ Петра и Павла, и повезъ съ собой, въ собственной коляскѣ, въ Петербургъ. Здѣсь, на крыльцѣ дворца, ихъ встрѣтили императрица Екатерина и двѣ молодыя царевны. Петръ, улыбаясь, обратился къ старшей царевнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ:

„— Помнишь, Лиза, арапчика Ибрагима, что̀ кралъ для тебя когда-то въ Ораніенбаумѣ яблоки изъ моего сада? Такъ вотъ — рекомендую. Но это ужъ не тотъ простой арапъ, а Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, капитанъ-лейтенантъ моего Преображенскаго полка.

„Арапъ, при этой новой царской милости, бросился цѣловать руки Петра, а тотъ, гладя его по курчавой головѣ, продолжалъ:

„— И не забудь, Лиза: онъ мой любимый крестникъ. Если, волею Божьею, меня уже не станетъ на свѣтѣ, то тебѣ поручаю заботы о немъ.

„Послѣ этого, до конца жизни, царь уже не отпускалъ его отъ себя, а умирая, завѣщалъ ему 2,000 дукатовъ и снова повторилъ дочери, чтобы она не забывала его крестника. Но царевна Елисавета сама не скоро попала въ силу, а у Абрама Петровича, какъ у всякаго выдвинувшагося изъ ряда человѣка, были завистники-враги: сперва князь Меншиковъ, потомъ Биронъ. Подъ предлогомъ, что Абрамъ Петровичъ, какъ искусный инженеръ, лучше всякаго другого измѣритъ Китайскую стѣну (а для чего ее нужно было измѣрить—Господь одинъ знаетъ!), Меншиковъ усадилъ его въ кибитку, да и спровадилъ прямехонько въ Сибирь. Вскорѣ, однако, самого Меншикова отправили туда же, а арапъ вернулся назадъ, въ Петербургъ. Но и преемнику Меншикова, Бирону, выскочка-арапъ былъ сучкомъ въ глазу, и вотъ Абрама Петровича, подъ другимъ какимъ-то предлогомъ, во второй разъ послали за Уралъ. Съ помощью добрыхъ людей онъ, однако, и на этотъ разъ тихомолкомъ выбрался на волю и долгіе годы жилъ гдѣ-то около Ревеля. Здѣсь онъ женился на коренной нѣмкѣ, дочери капитана, Христинѣ Регинѣ фонъ-Шебергъ, а когда взошла, наконецъ, на престолъ Елисавета Петровна, явился ко Двору. Дочь Великаго Петра, хорошо помня завѣтъ покойнаго отца, приняла живое участіе въ судьбѣ арапа, и съ этого времени

онъ пошелъ быстро въ гору. Доживъ до 92 лѣтъ, онъ умеръ генералъ-аншефомъ и Андреевскимъ кавалеромъ, уважаемый всѣми, оплакиваемый своими дѣтьми, внуками и правнуками, изъ которыхъ одного, милостивые государи, вы видите теперь предъ собой" *).

— Какъ? Можетъ ли быть? Ты, Пушкинъ,—правнукъ арапа Петра Великаго?—посыпались на разсказчика со всѣхъ сторонъ вопросы.

— По прямой линіи,—отвѣчалъ онъ:—сынъ его и Христины Шебергъ, Осипъ Абрамовичъ Ганнибалъ, женился уже на русской—Пушкиной, а дочь ихъ, Надежда Осиповна Ганнибалъ („прекрасная креолка", какъ зовутъ ее въ Москвѣ), вышла также за Пушкина—отца моего, такъ что я, въ нѣкоторомъ родѣ, Пушкинъ въ квадратѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ,—немножко и нѣмецъ, и арапъ...

---

*) А. С. Пушкинъ всегда гордился своимъ прадѣдомъ Абрамомъ Ганнибаломъ и сыномъ его Иваномъ Абрамовичемъ, а когда, впослѣдствіи, одинъ изъ литературныхъ враговъ его, Ѳаддей Булгаринъ, позволилъ себѣ печатно поглумиться надъ его чернокожими предками, нашъ поэтъ отвѣчалъ ему слѣдующими блестящими стихами:

„Видокъ Фигляринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ Шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ родного корабля.
Сей Шкиперъ дѣду былъ доступенъ;
И сходно-купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ".

— Но царской крови! африканскій принцъ!—воскликнулъ Пущинъ. — Поздравляю, ваше высочество! Позвольте пожать вашу руку.

— И мнѣ позвольте! и мнѣ!—подхватили весело прочіе слушатели и, сталкиваясь въ темнотѣ другъ съ другомъ, наперерывъ жали руку вновь-объявленному принцу.

— То-то ты такой смуглый и курчавый,—заговорилъ опять Пущинъ.—Дядя твой Василій Львовичъ разсказалъ мнѣ съ три короба о вашемъ родѣ Пушкиныхъ, а о Ганнибалахъ хоть бы словомъ заикнулся.

— Потому что въ собственныхъ его жилахъ нѣтъ ни капли ихъ крови. Но Пушкины, дѣйствительно, тоже одна изъ древнѣйшихъ фамилій. Родоначальникъ нашъ Раджа, выходецъ изъ Пруссіи, прибылъ въ Россію еще при Александрѣ Невскомъ, и послѣ того Пушкины цѣлые вѣка состояли при русскихъ царяхъ въ разныхъ придворныхъ и другихъ высшихъ званіяхъ: боярами и думными дворянами, оружейничими и рындами, великими послами, воеводами и даже намѣстниками *).

На этомъ дальнѣйшая бесѣда о предкахъ Пушкина прервалась: съ коридора донеслись звуки чьихъ-то шаговъ, и всѣ въ карцерѣ насторожились. Ключъ въ замкѣ дважды щелкнулъ, дверь со скрипомъ растворилась—и узники невольно зажмурились, ослѣпленные, послѣ продолжительной темноты, внезапно хлынувшимъ къ нимъ свѣтомъ.

— Здравія желаемъ, ваши благородія!—раздался

*) Для большей наглядности, въ концѣ книги прилагается родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ, начиная со второй половины XVII вѣка.

знакомый старческій голосъ.—Каково тутъ живете-можете?

Загораживая своей плечистой, широкой фигурой узкій входъ карцера, на порогѣ его стоялъ, добродушно улыбаясь, оберъ-провіантмейстеръ лицейскій, Леонтій Кемерскій, съ подносомъ въ рукахъ; на подносѣ же, вокругъ горящей свѣчи, заманчиво дымилось шесть стакановъ чаю и горкою громоздились сладкіе сухари и булки.

— Вотъ за это спасибо! Ай-да умница! ай-да благодѣтель!—заликовали лицеисты, и мигомъ разобрали стаканы.

— Не меня благодарите, а пріятеля вашего, Малиновскаго: уломалъ батюшку своего, директора, согрѣть васъ чаемъ. Да и къ утру—я такъ смекаю—васъ ужъ вѣрно, отселѣ совсѣмъ вызволятъ.

— Да здравствуютъ же отецъ и сынъ!—возгласилъ Пушкинъ и хлебнулъ изъ стакана, но обжегся при этомъ и охнулъ:—ой, горячо!

— А я, господа, пью за Гурьева,—сказалъ Дельвигъ:—безъ него не состоялась бы наша веселая компанія.

— Ахъ, да, кстати, Леонтій,—спохватился Пушкинъ:—снеси-ка стаканъ и ему, бѣднягѣ. Чай, томится въ классѣ одинъ-одинехонекъ.

— Объ нихъ не безпокойтесь,—отвѣчалъ, пожимая плечами, Леонтій:—господинъ надзиратель ужъ съ часъ назадъ какъ ихъ выпустили.

— Ну, вотъ!—замѣтилъ, негодуя, Илличевскій,—А ты, Пушкинъ, еще пожалѣлъ о немъ! Конечно, въ семьѣ не безъ урода, но этотъ Гурьевъ просто невозможенъ. Съ виду сахарная кукла, вербный херувимчикъ, прифранченъ, надушенъ, за версту одеко-

лономъ пахнетъ. А въ душѣ черенъ—чернѣе трубочиста, право. Кто можетъ быть ему полезенъ,—тому отъ него отбою нѣтъ. Сперва лебезилъ все около Горчакова, а когда тотъ его раскусилъ, стряхнулъ съ себя,—онъ началъ льнуть теперь къ Брогліо, благо—графчикъ тоже. А ужъ передъ начальствомъ—какъ собачка на заднихъ лапкахъ ходитъ, юлитъ какъ...

— Какъ чортъ передъ своей бабушкой?—договорилъ Кюхельбекеръ, чтобы заявить и свое знаніе тонкостей русскаго языка.

— Передъ заутреней, хочешь ты сказать?—поправилъ его Илличевскій и продолжалъ:—а Пилецкому онъ такъ-таки змѣей въ самую душу влѣзъ. Я даже подозрѣваю, господа, что онъ наушничаетъ ему про насъ.

— И я тоже!—подхватилъ опять Кюхельбекеръ.

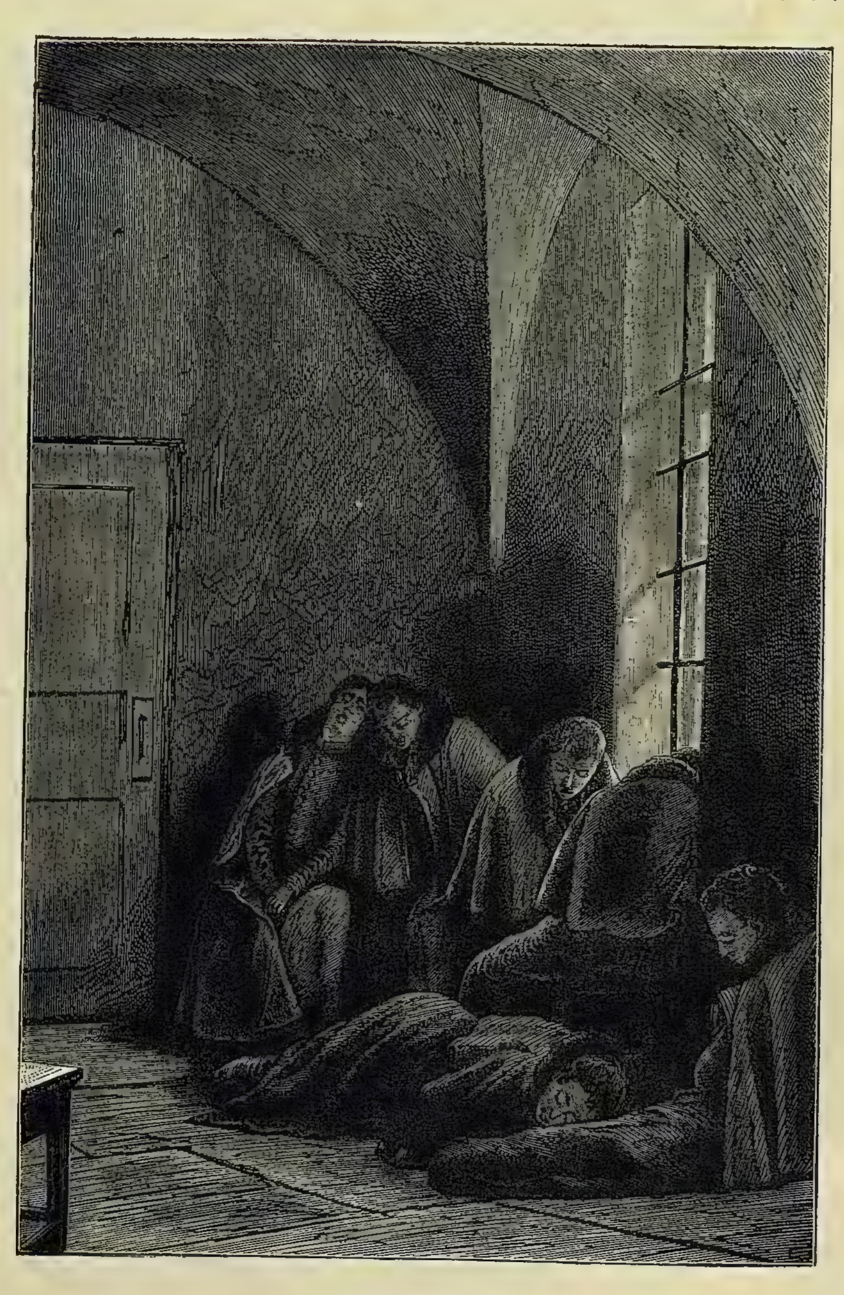
— И ты тоже наушничаешь?—разсмѣялся Пушкинъ.

— Да ну его, этого Гурьева, Богъ ему судья!—прервалъ Дельвигъ.—Если вамъ угодно, господа, я тоже теперь кое-что поразскажу изъ дѣйствительной жизни, и даже изъ своей собственной.

И молодой баронъ началъ разсказъ о походѣ 1807 года, въ которомъ онъ, будто-бы, случайно участвовалъ, сопровождая одного старшаго родственника. Разсказъ его былъ такъ ловко веденъ, обставленъ такими мелкими подробностями, что товарищи просто заслушались и почти готовы были ему вѣрить. Простодушный же дядька Кемерскій, дѣйствительный участникъ описываемаго похода, повѣрилъ всему безусловно и только поддакивалъ:

— Все это, какъ Богъ святъ, истинная правда!

Тутъ, увидавъ допитые стаканы, онъ съ досадой почесалъ въ затылкѣ.

Въ карцерѣ.

— Экая жалость, право! Надоть идти, а смерть какъ охотно бы еще послушалъ... Батюшка баронъ! сдѣлайте такую божескую милость, не досказывайте теперича: ужо, завтра, что ли, послѣзавтра доскажете, и меня, старика, позовите.

— Ладно, будь по твоему,—улыбнулся баронъ.— Чтò съ нимъ подѣлаешь, господа? Надо уважить старика. Разсказывай теперь кто-нибудь другой.

И разсказы возобновились. Но усталость взяла свое... Когда, на разсвѣтѣ, надзиратель Пилецкій заглянулъ въ карцеръ, то засталъ всѣхъ арестантовъ спящими въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Четверо держались еще кое-какъ на своихъ табуретахъ: Пущинъ и Дельвигъ, прислонясь—одинъ къ стѣнѣ, другой—къ окошку, Илличевскій и Корсаковъ—прислонясь другъ къ другу; двое же остальныхъ оказались на полу: Пушкинъ— прикурнувъ въ углу, вытянувъ одну ногу, а Кюхельбекеръ, припавъ щекою къ этой ногѣ, какъ къ подушкѣ, растянулся во весь ростъ и издавалъ здоровый храпъ. Пилецкому стоило немалаго труда растолкать и поднять ихъ на ноги; но, и стоя на ногахъ, они только хлопали посоловѣвшими глазами и зѣвали во весь ротъ, врядъ ли хорошо понимая смыслъ назидательнаго поученія надзирателя, что такимъ сокращеніемъ своего ареста они обязаны-де исключительно особой снисходительности директора, Василья Ѳедоровича.

— Да и моей уступчивости,—добавилъ онъ.—А какъ вы, милые мои, время проводили? До меня дошли слухи, будто въ разсказахъ.

— А развѣ и этого нельзя?—ощетинился Илличевскій, прежде другихъ очнувшійся отъ сна.

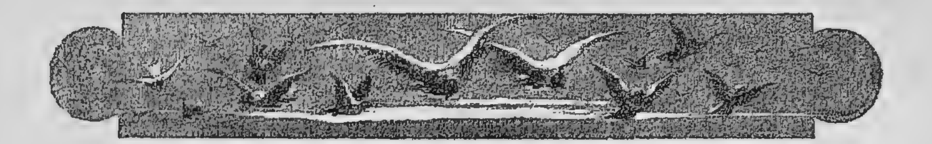
— Напротивъ, дорогой мой, занятіе прекрасное, которое я, съ своей стороны, совѣтовалъ бы вамъ и впредь продолжать, замѣсто разныхъ дурачествъ. А еще лучше было бы, ежели бы вы дали себѣ трудъ записывать ваши разсказы. Вы могли бы, такимъ образомъ, составить нѣкое литературное общество, члены коего обязаны были бы представлять каждый на судъ собратьевъ по одной письменной работѣ въ недѣлю, что ли, въ двѣ недѣли... Да вы, я вижу, спите еще, друзья мои, не слышите меня! Ступайте-ка, сперва умойтесь, освѣжитесь, а тамъ опять потолкуемъ.

Этимъ и окончилась исторія перваго ареста лицеистовъ. Одного Дельвига только директоръ Малиновскій потребовалъ днемъ къ себѣ и заставилъ пересказать свои воинскіе подвиги, о которыхъ ему, какъ и Пилецкому, отрапортовалъ съ наивнымъ энтузіазмомъ дядька Кемерскій. Дельвигъ почти дословно передалъ свой вчерашній разсказъ.

— И все это въ самомъ дѣлѣ было?—усомнился Малиновскій.

— Было, — отвѣчалъ хладнокровно Дельвигъ, не моргнувъ и глазомъ.

Послѣ того, нѣсколько вечеровъ подрядъ, около него собиралась кучка товарищей и инвалидовъ-дядекъ, подъ главенствомъ „набольшаго", Леонтья, которые всѣ горѣли нетерпѣніемъ услышать продолженіе удивительныхъ приключеній молодого барона. Ужъ долго спустя послѣ того, Дельвигъ признался, наконецъ, что все разсказанное имъ было не болѣе, какъ плодъ его фантазіи, но что ему совѣстно было повиниться въ этомъ слушавшему его съ такимъ вниманіемъ уважаемому директору.

ГЛАВА XIV.

Первый расцвѣтъ лицейской Музы.

„Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ Музъ;
Единый пламень ихъ волнуетъ.“
(Посланіе къ Языкову.)

Заключеніе въ карцерѣ имѣло для лицеистовъ два важныя послѣдствія: во-первыхъ, штрафной билетъ былъ навѣки отмѣненъ; во-вторыхъ, высказанная Пилецкимъ мысль, чтобы лицеисты основали изъ среды своей литературное общество, дѣйствительно была осуществлена ими; причемъ, однако, новое общество вскорѣ получило такое развитіе и приняло такое направленіе, какихъ, конечно, не предвидѣлъ и не могъ желать самъ надзиратель. Въ первые дни все ограничивалось устными разсказами собиравшихся въ кружокъ лицеистовъ, слушавшихъ особенно охотно Дельвига. Въ молодомъ баронѣ точно было два отдѣльныхъ существа: обязательныя занятія были для него мукой; онъ постоянно просы-

палъ первый урокъ, засыпалъ даже во время класса; въ играхъ товарищей никогда не участвовалъ,—словомъ, былъ олицетвореніемъ неподвижности и лѣни; а между тѣмъ, давъ разъ волю своей фантазіи, онъ увлекался дотого, что могъ, какъ никто другой, сочинить самую замысловатую, таинственную исторію и, въ концѣ-концовъ, распутать всѣ узлы и узелки ея такъ искусно, что любо-дорого было слушать. Помѣряться съ нимъ по этой части могъ развѣ одинъ Пушкинъ; но разсказы послѣдняго, напротивъ, поражали своею классическою простотой и естественностью. Такъ, лицеистамъ тогда же довелось услышать отъ него два разсказа „Мятель“ и „Выстрѣлъ“, которые, только 20 лѣтъ спустя, сдѣлались достояніемъ всей читающей публики, въ числѣ такъ-называемыхъ „Повѣстей Бѣлкина“.

Для разнообразія устраивалась мальчиками иногда и общая литературная игра, немало ихъ забавлявшая и состоявшая въ томъ, что каждый изъ нихъ долженъ былъ, поочереди, продолжать вымышленную исторію съ того мѣста, гдѣ оборвалъ ее его предшественникъ. Само собою разумѣется, что выходившіе изъ этой литературной кухни блины были недоквашены, недопечены или перепечены, но самимъ поварамъ они приходились какъ нельзя болѣе по вкусу, подобно тѣмъ незатѣйливымъ блинчикамъ, что̀ мѣсятъ и пекутъ на своей игрушечной кухнѣ маленькія дѣти изъ полученныхъ отъ матери горсточекъ муки, сахара и коринокъ.

Наконецъ, въ первыхъ числахъ декабря того-же 1811 года, приступили и къ письменнымъ опытамъ. Начало было сдѣлано Илличевскимъ, представившимъ на судъ товарищей стихотвореніе свое: „Сила вре-

мени". Авторъ не мало надъ нимъ потрудился, и оно, дѣйствительно, вышло настолько удачно, что невзыскательными судьями было признано единогласно превосходнымъ.

— Хоть сейчасъ въ печать!—говорили они.—Что бы тебѣ, Илличевскій, въ самомъ дѣлѣ, въ какой-нибудь журналъ послать?

— Идея, господа! — воскликнулъ тутъ Корсаковъ, ближайшій другъ Илличевскаго, ради компаніи съ которымъ онъ также просидѣлъ намедни въ карцерѣ.— Да отчего бы и намъ самимъ не издавать журнала? Первою статьею такъ и помѣстили бы „Силу времени" Олосеньки (Олосенькой называли лицеисты Илличевскаго, вмѣсто Алексѣй).

Отъ маленькаго и тщедушнаго, застѣнчиваго и неразговорчиваго Корсакова, не обращавшаго на себя до сихъ поръ ничьего вниманія, никто не ожидалъ такой прыти.

— И то, господа,—покровительственно поддержалъ его польщенный Илличевскій:—идея вовсе не дурная. Только моихъ стиховъ, конечно, нечего ставить на первый планъ. Скорѣе разсказъ Дельвига о его военныхъ похожденіяхъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, не дождешься,—лѣниво улыбнулся въ отвѣтъ Дельвигъ:—писать для меня каторга.

— Голубчикъ, Тосенька, умоляю тебя!—присталъ къ нему Корсаковъ, хватая его нервно за обѣ руки.— Вѣдь все ужъ у тебя въ головѣ; стóитъ тебѣ только взять перо...

— Легко сказать: взять перо! Возьмешь его,—такъ и води по бумагѣ, вырисовывай каждую букву, да

еще обдумывай каждую фразу, каждое выраженіе, чтобы слова лишняго не сказать. Нѣтъ, братцы, меня ужъ, сдѣлайте милость, увольте. Вотъ Пушкинъ— другое дѣло: за словомъ въ карманъ не полѣзетъ; ему и книги въ руки; онъ вамъ мигомъ накатаетъ исторію своего прадѣда, арапа Петра Великаго.

— Исторія арапа для меня слишкомъ дорога, чтобы писать ее какъ-нибудь, сплеча,—отозвался Пушкинъ:—я храню ее для крупнаго романа, который, можетъ быть, и сочиню когда-нибудь, когда выросту...

— И когда выростетъ и талантъ твой?—досказалъ Дельвигъ.—Это, вѣрно, слишкомъ драгоцѣнная тема!

— Ахъ, ты, Господи!—вздыхалъ Корсаковъ.—А я такъ ужъ радовался, что журналъ мой состоится... Ну, дай хоть свой „Выстрѣлъ“ или Мятель“.

— Если успѣю,—съ удовольствіемъ.

— А я дамъ тебѣ лучшій кусочекъ изъ моей „Грозы С-тъ Ламберта“,—вызвался тутъ самъ Кюхельбекеръ.

— Ужъ если Виленька дастъ свой „лучшій кусочекъ“, то дѣло въ шляпѣ!—подтрунилъ зубоскалъ Гурьевъ.

— Не смѣй называть меня Виленькой!—огрызнулся на него Кюхельбекеръ.—Я не разъ ужъ просилъ тебя...

— Экой чудакъ, право! Вѣдь мамаша твоя тебя такъ называетъ...

— То мамаша, а то ты!

— Да вѣдь вотъ другіе же за такія клички не обижаются: Илличевскій—за „Олосеньку“, Дельвигъ— за „Тосеньку“...

— Ну, полноте, господа, перестаньте, прошу васъ!— вмѣшался умоляющимъ тономъ Корсаковъ. — Твой вкладъ, Кюхельбекеръ, я съ благодарностью принимаю. А на васъ обоихъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Пушкину и Дельвигу,—я положительно разсчитываю.

Разсчета его они, однако, не оправдали. Какъ онъ ни торопилъ ихъ, наши лѣнивцы все отнѣкивались, а отложить выпускъ разъ задуманнаго изданія не позволяла Корсакову его издательская лихорадка. И вотъ, 11-е число того же декабря ознаменовалось выходомъ перваго лицейскаго рукописнаго журнала.

На заглавной страницѣ было выведено съ калиграфическими выкрутасами названіе журнала:

„ВѢСТНИКЪ“.

Подъ заголовкомъ, столь же старательно, но болѣе мелкимъ шрифтомъ, было изображено:

„издаваемый Николаемъ Корсаковымъ“.

По скромности Илличевскаго, его „Сила времени“ такъ и не украсила первыхъ страницъ журнала; онѣ были отведены фельетону, посвященному разнымъ мелочамъ лицейскаго быта: штрафному билету, пари изъ-за булки, продѣлкамъ и ссорамъ Гурьева и т. п. За фельетономъ шелъ отдѣлъ, почему-то названный „Смѣсью“, хотя онъ весь состоялъ изъ двухъ только стихотворныхъ пьесъ: вышеупомянутаго стихотворенія Илличевскаго и обѣщаннаго Кюхельбекеромъ „кусочка“ перевода его „Грозы С-тъ Ламберта“. Насколько вѣренъ и грамотенъ былъ этотъ переводъ,—можно судить уже по тому, что про-

фессоръ Кошанскій (которому, какъ первому вдохновителю лицейской Музы, былъ обязательно поднесенъ Корсаковскій „Вѣстникъ“) впослѣдствіи не разъ прочитывалъ эти образцовыя въ своемъ родѣ вирши, чтобы указать, „какъ *не* слѣдуетъ писать“.

Третій и послѣдній отдѣлъ перваго нумера журнала составляли „Разныя извѣстія“, гдѣ, между прочимъ, говорилось и о предложеніи надзирателя Мартына Степановича Урбановича-Пилецкаго учредить лицейское литературное общество.

Переходившій изъ рукъ въ руки „Вѣстникъ“ былъ только „предвѣстникомъ“ дальнѣйшей журнальной дѣятельности лицеистовъ. Каждый, кому удалось связать мало-мальски складно пару фразъ, а тѣмъ болѣе—стиховъ, чаялъ теперь въ себѣ назрѣвающій талантъ и порывался если и не издавать также свой самостоятельный óрганъ, то хотя принести въ чужой журналъ свою посильную лепту. Изъ среды этихъ вновь народившихся литераторовъ выдвигались Илличевскій и Пушкинъ,—эти „лицейскіе Державинъ и Дмитріевъ“, какъ величали ихъ съ какою-то благоговѣйною шутливостью ихъ собратья по перу. У того и другого были свои поклонники, которые сгруппировались около нихъ еще плотнѣе, когда, въ началѣ 1812 года, оба они также стали издавать журналы. Журналъ Илличевскаго получилъ названіе: „Для удовольствія и пользы“, журналъ Пушкина—„Неопытное перо“. Въ первомъ нумерѣ своего журнала Пушкинъ помѣстилъ свое первое же стихотвореніе „Роза“, положившее начало его литературной славѣ. Нечего и говорить, что самымъ вѣрнымъ сотрудникомъ его былъ баронъ Дельвигъ, который,

ради поддержки журнала, усиленно боролся съ одолѣвавшей его лѣнью. И Кюхельбекеръ тоже мечталъ-было принять участіе въ журналѣ, но Пушкинъ каждый разъ окачивалъ его поэтическіе порывы ключевой водой.

— Писалъ бы ты, Кюхля, лучше по-своему, по-нѣмецки,—совѣтовалъ онъ ему.

— Да я такой же русскій, какъ и ты!—обижался „Кюхля“.—Я родился въ Россіи, здѣсь, въ Павловскѣ, гдѣ покойный отецъ мой былъ комендантомъ, и сердце въ груди у меня чисто русское...

— Да языкъ-то у тебя во рту нѣмецкій, суконный. Право, братъ, послушайся меня: по-нѣмецки ты, можетъ быть, написалъ бы что-нибудь и дѣльное...

— У нѣмцевъ и безъ меня довольно своихъ поэтовъ, а русскимъ и я принесу крупицу пользы.

— Но когда, спрашивается? Вѣдь если стихи твои— извини, братъ!—и принимаются въ наши лицейскіе журналы, то больше для потѣхи.

— А! вотъ какъ!.. Буду знать...

И, съ этой минуты, Пушкинъ лишился своего „потѣшнаго“ сотрудника, который перекочевалъ въ лагерь болѣе снисходительнаго Илличевскаго. Но такая потеря ни мало не огорчила Пушкина, который въ Дельвигѣ нашелъ и самаго преданнаго друга, и усерднаго сотрудника.

Поэтъ, по понятіямъ того времени, долженъ былъ быть сколь возможно лѣнивъ и безпеченъ. Этими двумя отрицательными качествами оба друга наши обладали вполнѣ. Разница между ними была только въ томъ, что Дельвигъ, считавшійся однимъ изъ послѣднихъ учениковъ въ классѣ, и за стихи принимался

нехотя и вяло, тогда какъ Пушкинъ, по необычайной своей даровитости, на урокахъ схватывалъ все на-лету и опережалъ болѣе прилежныхъ товарищей; въ писанiи же стиховъ выказывалъ замѣчательную усидчивость: отдѣлывалъ, оттачивалъ, какъ токарь, каждый стишокъ, пока не оставался совершенно доволенъ имъ.

— Въ тебѣ нѣмецкая кровь прабабки твоей фонъ-Шебергъ,—замѣчалъ Дельвигъ.—Во мнѣ же кровь эта вся выдохлась: осталась одна родная, святая славянская лѣнь.

И, точно, своею „святою“ лѣнью онъ какъ-бы даже гордился, рисовался, неоднократно воспѣвалъ ее, и еще въ лицеѣ написалъ себѣ такую надгробную надпись:

„Прохожiй! здѣсь лежитъ философъ-человѣкъ:
Онъ проспалъ цѣлый вѣкъ.“

Пушкинъ хотя такъ-же тяготился связывающимъ, обязательнымъ трудомъ, но не „просыпалъ“ своего вѣка: былъ игривъ и пылокъ, а насидѣвшись въ классѣ, набѣгавшись до-упаду съ прочими шалунами, охотнѣе всего искалъ отдохновенiя въ бесѣдѣ съ спокойнымъ и разсудительнымъ Дельвигомъ, который, въ свободные часы, лежалъ обыкновенно у себя въ камерѣ на кровати съ книжкой или же, просто, дремалъ. Но оба они были мечтатели, ярые поклонники классической поэзiи и миѳологiи, и располагали поэтому неистощимой темой для дружескихъ излiянiй; по разнородности же своихъ темпераментовъ, они какъ-бы дополняли одинъ другого и, поэтому, безотчетно все сильнѣе тяготѣли другъ къ другу.

А тутъ подошла и весна—эта лучшая союзница всѣхъ сочувственныхъ душъ. Въ то самое время, какъ прочіе товарищи, рѣзвясь, бѣгали взапуски по оголеннымъ аллеямъ дворцоваго парка, по его топкимъ полянкамъ, покрытымъ еще ко-гдѣ тонкой пеленой обледенѣвшаго снѣга, — Дельвигъ бралъ подъ-руку Пушкина, порывавшагося бѣжать вслѣдъ за товарищами, и насильно усаживалъ его рядомъ съ собой на скамейку.

— Ну, посидимъ тутъ! Охота тебѣ бѣгать! Вишь, какъ славно солнышко уже грѣетъ!

И, молча, нѣжились они вдвоемъ подъ первыми теплыми лучами весенняго солнца, вдыхали полною грудью слегка нагрѣтый, но еще свѣжій воздухъ, пропитанный запахомъ оттаивающей земли и прошлогоднихъ листьевъ.

— Слышишь, какъ журчитъ гдѣ-то? — говорилъ, бывало, разслабленнымъ отъ блаженства голосомъ Дельвигъ, щурясь сквозь темныя очки и не шевелясь съ мѣста.—Это мать-земля просыпается и въ полуснѣ лепечетъ.

А живчикъ Пушкинъ съ любопытствомъ всматривался въ ту сторону, откуда доносилось мелодичное журчанье снѣгового ручья, и вдругъ замѣчалъ, какъ изъ-подъ прибитаго къ землѣ полуистлѣвшаго листа начинаетъ выглядывать острою зеленою иглой молоденькая травка.

— Смотри, Тося, смотри!—въ безотчетномъ восторгѣ восклицалъ онъ:—я вижу, какъ трава растетъ...

— Ну, этого ты не увидишь,—возражалъ болѣе хладнокровный Дельвигъ.—Вѣроятно, вѣтромъ какъ-нибудь листъ немножко сдунуло.

Пушкинъ въ досадѣ вскакивалъ на ноги.

— Да нѣтъ же! Говорю тебѣ: на моихъ глазахъ сама травка свернула его въ сторону.

— Ну, ладно, не кипятись, садись, пожалуйста,— соглашался миролюбивый другъ.

— Нѣтъ, смотри самъ...

— Я вѣдь близорукъ и вѣрю тебѣ на-слово.

А волшебница-весна все болѣе вступала въ свои права: одѣла уже оголенныя вѣтви деревъ зеленымъ пухомъ, а тамъ и глянцовитою, густою листвой, вызвала изъ южныхъ странъ цѣлые хоры пернатыхъ пѣвчихъ. Сторожа-инвалиды, въ угоду ей, смели вездѣ опавшіе осенью листья. Песочныя дорожки живо пообсохли. Въ нѣсколько дней, пустой, запущенный паркъ сдѣлался неузнаваемъ: пріубрался, принарядился, огласился птичьимъ гамомъ и свистомъ.

Не разъ друзья-поэты садились теперь у подножія памятника знаменитаго предка Пушкина—Наваринскаго героя Ивана Абрамовича Ганнибала, и Пушкинъ посвящалъ своего новаго друга во всѣ подробности своей семейной хроники. Но любимымъ мѣстомъ отдохновенія ихъ былъ полуостровокъ большого пруда. Здѣсь, въ виду зеркальной водяной глади, отражавшей въ себѣ и береговую зелень, и молочныя облака въ вышинѣ, и длинношейныхъ красавцевъ-лебедей, гордо плававшихъ взадъ и впередъ,—они, растянувшись въ мягкой муравѣ, по часамъ зачитывались стихами русскихъ и французскихъ поэтовъ и обдумывали вмѣстѣ темы для собственныхъ своихъ будущихъ твореній, изъ которыхъ бо́льшая часть, конечно, такъ и осталась ненаписанной. По временамъ только оба вздрогнутъ, бывало, когда какой-нибудь шальной лебедь

пронзительно загогочетъ во все свое лебединое горло, а вся стая лебедей тутъ-же подхватитъ его крикъ и стремительно понесется надъ стекляною гладью пруда, съ плескомъ разбивая ее взмахами своихъ широкихъ крыльевъ. Вздрогнутъ они—и улыбнутся другъ другу; потомъ вдругъ, какъ по уговору, въ одинъ голосъ начнутъ декламировать элегію Батюшкова:

„Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ...“

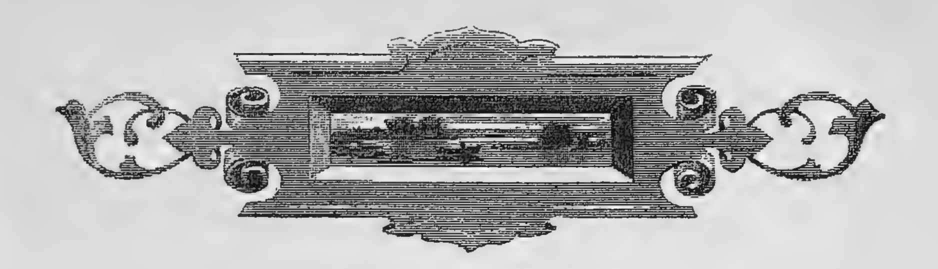
Товарищи-лицеисты, особенно въ первое время, немало подтрунивали надъ вновь объявленными друзьями, называя ихъ то діоскурами Касторомъ и Поллуксомъ, то Орестомъ и Пиладомъ, или сравнивая ихъ то съ Донъ-Кихотомъ и вѣрнымъ его оруженосцемъ Санхо-Пансой, то съ человѣкомъ и его неразлучною тѣнью, то съ нашею земною планетой и ея спутницей—луной. Сравненія эти, впрочемъ, были довольно мѣтки: Пушкинъ стоялъ всегда горой за своего молчаливаго оруженосца, за свою тѣнь и луну—Дельвига, превозносся, даже преувеличивая талантъ его; Дельвигъ же, съ своей стороны, былъ самымъ пламеннымъ поклонникомъ нарождающагося генія своего рыцаря-властелина, и искренно благоговѣлъ предъ каждою мыслью, предъ каждымъ стихомъ его.

А какъ-же относился къ „измѣнѣ“ Пушкина Пущинъ, этотъ первый его другъ лицейскій?

Тотъ словно и не замѣчалъ его измѣны, потому-что, въ дѣйствительности, измѣны и не было. Новому другу, Дельвигу, Пушкинъ отвелъ въ своемъ сердцѣ только одинъ сокровенный уголокъ, маленькую поэтическую кумирню, куда не допускалъ уже ни одного

непосвященнаго; всю-же остальную часть своего обширнаго сердца онъ по-прежнему оставилъ открытою настежь для своего перваго друга, Пущина. И теперь, какъ въ былое время, между двумя жильцами сосѣднихъ №№, 13 и 14, часто происходилъ, на сонъ грядущій, откровенный обмѣнъ волновавшихъ ихъ мыслей и чувствъ по поводу разныхъ мелочныхъ обстоятельствъ лицейскаго быта; часто приходилось Пущину задушевною, дружескою рѣчью успокоивать бурю, возбужденную въ черезчуръ пылкомъ и самолюбивомъ Пушкинѣ столкновеніями съ тѣмъ или другимъ изъ шалуновъ-товарищей.

ГЛАВА XV.

Война 1812 года.

(ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ).

„Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились.“

(Лицейская годовщина).

Ничто, казалось, не могло нарушить идиллической тишины лицейской. И вдругъ — тишина эта огласилась призывными воинскими трубами и барабаннымъ боемъ, отдаленнымъ гуломъ орудій и стонами умирающихъ. Наступило лѣто рокового 1812 года.

Нѣкоторое время уже въ лицей проникли смутные слухи о разрывѣ между Императоромъ Александромъ I и Наполеономъ. Разъ, въ половинѣ іюня, лицейскій докторъ Пешель, который, какъ ходячая газета, раз-

носилъ аккуратно каждый день по Царскому Селу самыя свѣжія вѣсти обо всемъ, совершающемся на бѣломъ свѣтѣ,—ворвался впопыхахъ въ лицейскую столовую и разразился надъ обѣдавшими воспитанниками громоносною новостью:

— Ну, господа, поздравляю: каша заварилась!

Давно со страхомъ ожидавшіе этого извѣстія, лицеисты гурьбой обступили доктора.

— Война?

— Да, даже и безъ формальнаго объявленія! Наполеонъ, какъ ни въ чемъ не бывало, перешелъ нашу границу. Государь глубоко оскорбленъ и объявилъ, что до тѣхъ поръ не положитъ оружія, пока хоть одинъ французъ останется на землѣ русской.

Наслышавшись отъ профессора де-Будри восторженныхъ розсказней о „безсмертныхъ" подвигахъ „новаго Цесаря"—Наполеона, лицеисты не иначе представляли себѣ его, какъ какимъ-то баснословнымъ героемъ, окруженнымъ сіяющимъ ореоломъ. Теперь-же, когда грозовыя тучи, постоянно висѣвшія надъ Европой, надвинулись и на Россію, обаятельный образъ этого героя мгновенно померкъ и превратился въ какое-то страшное, многоголовое чудовище, готовое пожрать и ихъ, вмѣстѣ съ другими. Ко времени прихода газетъ, лицейская библіотека была теперь биткомъ набита. На урокахъ у лицеистовъ съ профессорами только и разговоровъ было, что о войнѣ. Съ сдержаннымъ негодованіемъ передавали они другъ другу повторявшуюся изо дня въ день неутѣшительную вѣсть съ поля дѣйствій: что войска наши хотя и отбиваются геройски, но отступаютъ шагъ за шагомъ; что арміи нашей, доходившей едва до 250,000

человѣкъ, не по силамъ было опрокинуть полумилліонную армію прекрасно обученныхъ и избалованныхъ побѣдами французовъ; никто изъ нихъ не могъ этого понять, какъ не понимала того даже и бо́льшая часть взрослыхъ патріотовъ. Профессоръ-же Кошанскій, прочитывавшій обыкновенно во всеуслышаніе въ классѣ всѣ послѣднія реляціи нашего главнокомандующаго, военнаго министра Барклая-де-Толли, началъ вскорѣ открыто возмущаться:

— Истый Кунктаторъ! Проклятый нѣмецъ! рыбья кровь! ни капли патріотизма!

По примѣру его, понятно, стали громко роптать и лицеисты. Ободрялъ ихъ только молодцоватый видъ проходившихъ съ музыкой и пѣснями черезъ Царское Село солдатъ, особенно ополченцевъ — „жертвенниковъ" (какъ называлъ ихъ народъ), въ смурыхъ полукафтанахъ, съ золотымъ крестомъ на шапкѣ, съ ружьями, пиками и съ небритой бородой. Изъ-за рѣшетки лицейскаго сада мальчики восторженными криками привѣтствовали бравыхъ воиновъ; а когда среди этихъ загорѣлыхъ, запыленныхъ лицъ попадался еще какой-нибудь знакомый или даже родственникъ одного изъ лицеистовъ, то они гурьбой высыпали за рѣшетку на улицу и со слезами обнимали идущихъ почти на вѣрную смерть.

— Возьмите и насъ съ собой!—восклицали они и, вздыхая, глядѣли имъ вслѣдъ.

Каждый день приносилъ вѣсти изъ арміи о чудесахъ храбрости нашихъ, отступающихъ противъ собственной воли, войскъ. Особенно-же сильное впечатлѣніе на лицеистовъ произвелъ подвигъ Раевскихъ. Командовавшій нашею 2-ю Западною арміею, князь

Багратіонъ, желая соединиться подъ Смоленскомъ съ 1-ю Западною арміей Барклая-де-Толли, поручилъ генералу Раевскому задержать на время авангардъ французовъ. Корпусъ Раевскаго состоялъ всего изъ 10,000 человѣкъ. Отбросивъ передовой отрядъ непріятеля на семь верстъ, Раевскій у деревни Салтановки наткнулся на 5 дивизій маршала Мортье, въ 40,000 человѣкъ. Французы были защищены лѣсомъ и рѣкой; русскимъ же приходилось идти большой дорогой, совершенно открытой для непріятельскихъ выстрѣловъ. Не думая долго, Раевскій со всѣмъ своимъ штабомъ и съ двумя малолѣтними сыновьями — Александромъ, 16-ти лѣтъ, и Николаемъ, 11-ти, спѣшился, сталъ во главѣ передового, Смоленскаго пѣхотнаго полка, взялъ за руки обоихъ сыновей и бросился впередъ съ крикомъ:

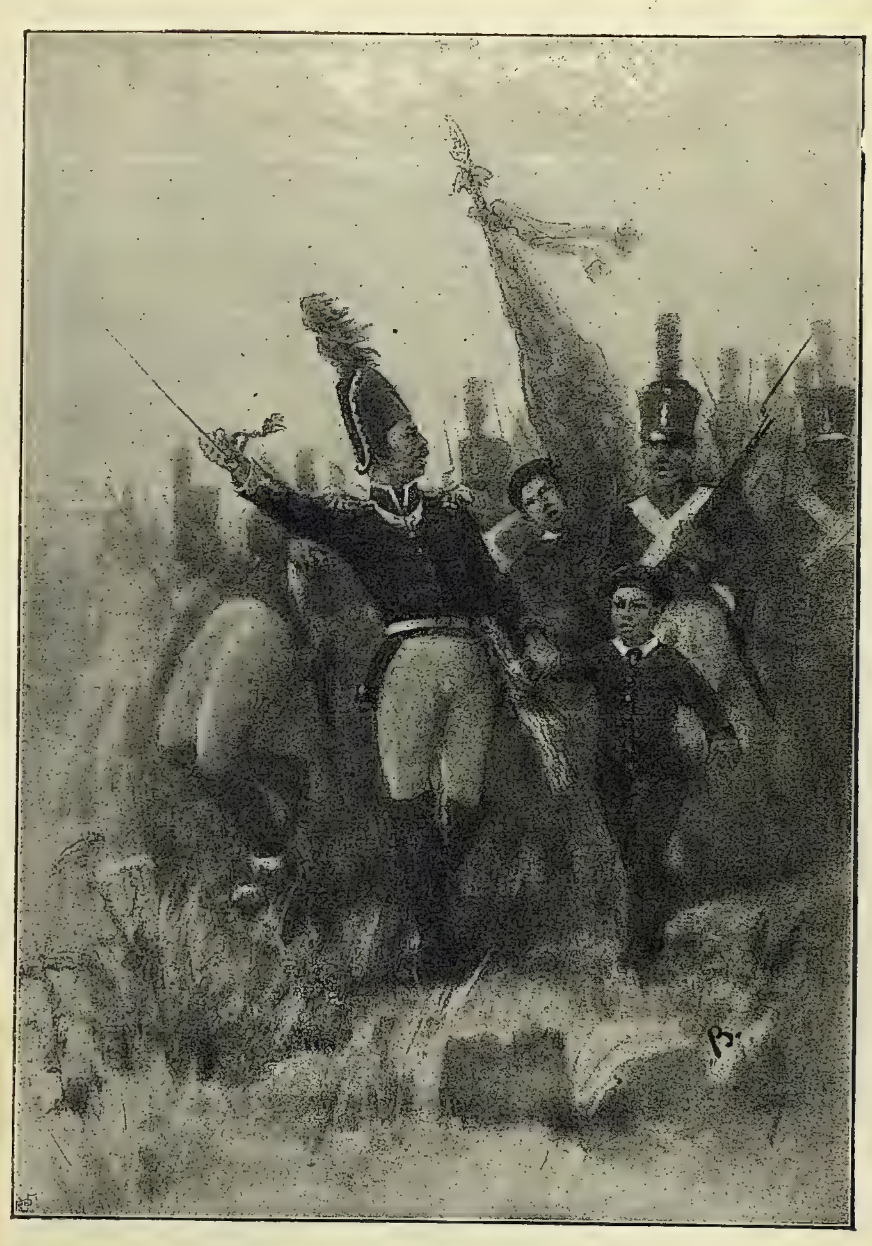
— За мной, ребята! Я и дѣти мои откроемъ вамъ путь!

Подъ градомъ пуль и картечи фанцузскихъ батарей, солдаты ринулись за своимъ любимымъ командиромъ. Смерть острою косой врывалась въ ряды ихъ; но ряды смыкались и смѣло продолжали двигаться впередъ. Молоденькій подпрапорщикъ, ровесникъ и другъ старшаго изъ братьевъ Раевскихъ, со знаменемъ въ рукѣ, бѣжалъ впереди колонны.

— Дай мнѣ нести знамя!—кричалъ вслѣдъ ему товарищъ.

— Я самъ сумѣю умереть!—былъ отвѣтъ, и, въ то-же мгновеніе, пораженный вражескою пулей въ самое сердце, знаменщикъ, не издавъ ни звука, упалъ ничкомъ на свое знамя.

Александръ Раевскій мигомъ высвободилъ изъ-подъ убитаго друга знамя и, высоко поднявъ его, побѣжалъ

Герои 1812 года.

далѣе съ крикомъ: „ура!“ Отецъ, держа за руку младшаго сына, обернулся къ солдатамъ:

— Въ штыки, ребята!

Съ неудержимымъ натискомъ солдаты ударили въ штыки; вражескія орудія смолкли, Мортье былъ отброшенъ—и задача выполнена: князь Багратіонъ могъ теперь соединиться съ Барклаемъ-де-Толли.

Самъ Раевскій-отецъ былъ контуженъ въ грудь; младшему же сыну его, Николаю, предательская пуля прорвала платье, не причинивъ ему, однако, никакого вреда.

— Знаешь ли, Коля, зачѣмъ я водилъ тебя съ собой въ дѣло?—спросилъ его отецъ по окончаніи боя.

— Знаю, — просто отвѣтилъ мальчикъ: — затѣмъ, чтобы намъ вмѣстѣ умереть.

Нашихъ лицеистовъ такое геройство воспламенило какъ порохъ. Пушкинъ волновался, конечно, не менѣе другихъ. Думалъ ли онъ, что ему суждено подружиться впослѣдствіи съ этимъ маленькимъ героемъ, Николаемъ Раевскимъ, что онъ посвятитъ ему даже свою поэму „Кавказскій плѣнникъ“?

Теперь же, подобно товарищамъ, онъ только завидовалъ и жаловался на свою судьбу:

— Другіе умираютъ, а мы тутъ сиди себѣ, сложа руки! Не пустятъ по доброй волѣ, такъ вырвемся силой!

Директору и профессорамъ стоило немалаго труда умѣрить ихъ пылъ обѣщаніемъ, что, въ случаѣ крайности, будетъ испрошено разрѣшеніе министра образовать изъ нихъ особый легіонъ добровольцевъ. И вотъ, казалось, начальство намѣрено было сдержать свое обѣщаніе; лицейскій дядька-портной Малыгинъ

принялся готовить для воспитанниковъ китайчатые тулупы на овечьемъ мѣху.

— Наконецъ-то!—заликовали мальчуганы, и еще съ бо́льшимъ жаромъ предались военнымъ играмъ, въ которыхъ званіе́мъ полководца, „генерала отъ инфантеріи“, былъ ими единодушно пожалованъ Илличевскій. Но скоро имъ пришлось горько разочароваться. Оказалась, что ихъ снаряжали въ походъ не противъ, а отъ непріятеля, потому что въ Петербургѣ было получено приказаніе Государя: не медля вывезти оттуда всѣ присутственныя мѣста, учебныя заведенія, архивы, разныя драгоцѣнности и коллекціи Эрмитажа, даже конную статую Петра Великаго, что̀ на Сенатской площади.

Кое-что, дѣйствительно, было вывезено. Но монументъ остался на своемъ мѣстѣ, благодаря вотъ какому любопытному случаю. Тогдашнему почтъ-директору Булгакову, не менѣе другихъ взбудораженному грозившею столицѣ опасностью, приснился вдругъ вѣщій сонъ: будто за нимъ, за Булгаковымъ, скачетъ самъ Петръ на своемъ бронзовомъ конѣ; а когда навстрѣчу скачущему на Каменноостровскомъ проспектѣ попался Императоръ Александръ Павловичъ, Петръ съ коня возвѣстилъ ему:

— Великое бѣдствіе грозитъ тебѣ! Но за Петербургъ не бойся: я постою за него, и доколѣ я здѣсь—городъ мой безопасенъ.

Министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, человѣкъ крайне религіозный и суевѣрный, услышавъ отъ Булгакова о дивномъ его снѣ, не посмѣлъ лишить столицу ея хранителя, и вотъ, такимъ-то образомъ, монумента не тронули. Впослѣдствіи, Пушкинъ на эту

тему написалъ одну изъ лучшихъ своихъ поэмъ: „**Мѣдный Всадникъ**“ *).

На самомъ дѣлѣ, Петербургъ спасся отъ непріятельскаго нашествія только благодаря графу Витгенштейну. Направивъ главныя свои силы противъ нашихъ двухъ Западныхъ армій и преслѣдуя ихъ до Москвы, Наполеонъ поручилъ маршалу Удино́ идти на Невскую столицу. Но Витгенштейнъ, имѣя въ своемъ распоряженіи всего одинъ корпусъ войскъ, въ теченіе трехъ недѣль (съ 17-го іюля по 10-е августа) задерживалъ три корпуса Удино́, и нанесъ ему при этомъ такой уронъ, что императоръ французовъ былъ вынужденъ отказаться отъ своего за-

---

*) Герой поэмы, Евгеній, обезумѣвъ отъ горя, что любимая имъ дѣвушка погибла во время петербургскаго наводненія 1824 года, выходитъ ночью на Петровскую площадь:

…„Въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ…
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?..“
„Безумецъ бѣдный обошелъ
Кругомъ скалы съ тоскою дикой
И надпись яркую прочелъ,
И сердце скорбію великой
Стѣснилось въ немъ…“
…„Но вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось…
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой
Какъ-будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой—
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ;
И во всю ночь безумецъ бѣдный,
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.“

мысла—взять Петербургъ—и отозвалъ маршала. Витгенштейнъ же сдѣлался кумиромъ петербуржцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и царскосельской лицейской молодежи, которая, подобно другимъ, съ энтузіазмомъ распѣвала во славу Витгенштейна пѣсню, оканчивавшуюся словами:

„Хвала, хвала тебѣ, герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой!“

Тѣмъ временемъ, дѣла нашей главной арміи приняли дурной оборотъ. Между двумя начальниками ея, Барклаемъ-де-Толли и княземъ Багратіономъ, возникли серьезныя несогласія, отзывавшіяся на самомъ ходѣ военныхъ дѣйствій. И войско, и вся страна стали уже громко роптать противъ хладнокровнаго, осторожнаго Барклая, сдерживавшаго черезчуръ горячаго Багратіона:

— Долой этого нѣмца! Дайте намъ русскаго полководца!

И Государь внялъ голосу своего народа: 8-го августа, славный сподвижникъ Суворова, Кутузовъ, возведенный за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ званіе свѣтлѣйшаго князя, былъ назначенъ главнокомандующимъ, вмѣсто Барклая. 11-го августа, когда онъ проѣзжалъ черезъ Царское Село въ армію, лицеисты имѣли счастіе увидѣть его лично. Старчески-тучный, съ прострѣленнымъ въ Турецкой войнѣ глазомъ, Кутузовъ милостиво кивалъ головой направо и налѣво толпившимся по обѣимъ сторонамъ дороги горожанамъ и крестьянамъ, прикладывая руку къ своей бѣлой кавалергардской фуражкѣ. Но вотъ экипажъ его долженъ былъ остановиться: подошло ду-

ховенство съ иконами, затѣмъ городскіе жители съ хлѣбомъ-солью. Народъ хлынулъ со всѣхъ сторонъ къ коляскѣ съ криками:

— Спаси насъ! побей супостата!

Когда же кучеръ хотѣлъ тронуться далѣе, толпа выпрягла лошадей и повезла экипажъ на себѣ.

— Ура! ура! ура!—гремѣло безъ умолку. Плачущія женщины, съ дѣтьми на рукахъ, бѣжали за народомъ. Старики падали на-земь и цѣловали слѣды колесъ удаляющагося экипажа.

Нѣсколько дней спустя, лицеисты прочли въ газетахъ, съ какимъ восторгомъ армія встрѣтила новаго главнокомандующаго.

— Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ!—говорили солдаты, которыхъ особенно поразило слѣдующее необычайное знаменіе: когда старый полководецъ сталъ объѣзжать лагерь, надъ нимъ внезапно, откуда ни возьмись, взвился, какъ-бы предвѣстникомъ будущихъ его побѣдъ, громадный орелъ. Кутузовъ обнажилъ голову, а весь лагерь огласился нескончаемымъ „ура!“

Старикъ-поэтъ Державинъ написалъ тотчасъ же по этому поводу стихотвореніе „На пареніе орла“, которое Кошанскій не преминулъ прочесть въ классѣ лицеистамъ.

Надежды, возлагавшіяся всею Россіей на князя Кутузова, оправдались. Съ войскомъ въ 113 тысячъ, онъ сразился подъ Бородинымъ (въ 112-ти верстахъ отъ Москвы) съ 170 тысячами французовъ. Самъ Наполеонъ признавался потомъ, что такого презрѣнія къ смерти, какое выказали русскіе въ этомъ небывало-кровопролитномъ дѣлѣ, онъ еще не встрѣчалъ. До тѣхъ поръ ни одно сраженіе у него не длилось

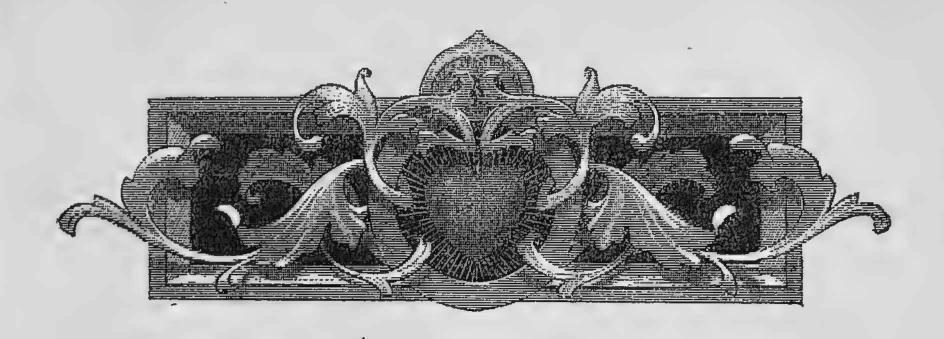
долѣе 2-хъ—3-хъ часовъ, послѣ чего непріятель всегда бѣжалъ съ поля битвы въ полномъ безпорядкѣ. При Бородинѣ же, несмотря на численное превосходство французовъ, бой затянулся съ ранняго утра до поздняго вечера, и ни съ одной позиціи русскіе не были сбиты. Каждая изъ сторонъ приписывала побѣду себѣ. Въ дѣйствительности же оба войска прекратили бой потому, что совершенно обезсилѣли: какъ у насъ, такъ и у французовъ, выбыло изъ строя по 60 тысячъ человѣкъ. Мы, стало быть, потеряли половину, а французы третью часть арміи; но побѣду все-таки слѣдуетъ признать за нами—побѣду нравственную, потому что, устоявъ на этотъ разъ противъ грознаго, непобѣдимаго дотолѣ завоевателя, русское войско перестало его бояться; французы уже утратили вѣру въ свою непобѣдимость.

Въ Царскомъ Селѣ извѣстіе о Бородинской битвѣ было получено двумя часами ранѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, такъ-какъ записной лицейскій вѣстникъ, докторъ Пешель, успѣлъ перехватить драгоцѣнную вѣсточку у мчавшагося мимо курьера.

Нечего и говорить, что лицеисты были опять первыми, которыхъ онъ обрадовалъ этою новостью.

— Французы на-голову разбиты! Ай-да Кутузовъ!— кричали другъ другу мальчики, бѣгая вприпрыжку по всему зданію лицея и на-бѣгу обнимаясь и цѣлуясь.

ГЛАВА XVI.

Гувернеръ-театралъ.

„Конюшій дряхлаго Пегаса,
Служитель старенькій Парнаса...“
(Моему Аристарху.)

„ . . . . О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!“
(Скупой Рыцарь.)

Вѣсть о Бородинской побѣдѣ пришла какъ нельзя болѣе кстати: въ самый день Царскихъ имянинъ, 30-го августа; и когда вечеромъ этого дня Государь (возвратившійся, между тѣмъ, изъ арміи въ Петербургъ) посѣтилъ Александринскій театръ, ликованію публики, сверху донизу наполнявшей театральную залу, не было конца. И самая пьеса, которая давалась въ этотъ вечеръ: „Ополченіе“, Висковатова, точно была приноровлена къ чрезвычайному случаю. Главную роль—старика-инвалида временъ Румянцева и Суворова—игралъ извѣстнѣйшій въ то время актеръ Дмитревскій. Когда онъ снялъ съ груди своей двойной рядъ медалей и крестовъ со сло-

вами: „Что̀ дано мнѣ за старую службу, то отдаю для новой службы за отечество“, и затѣмъ сталъ благословлять своего внука на войну,—Государь не могъ удержаться отъ слезъ, и весь театръ заплакалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Въ тотъ-же вечеръ, та-же пьеса „Ополченіе“ давалась и въ царскосельскомъ лицеѣ. Хотя играли одни лицеисты, но они были настолько подготовлены своимъ режиссеромъ, внукомъ того-же знаменитаго Дмитревскаго, что пьеса, нѣтъ сомнѣнія, имѣла-бы полный успѣхъ, если бы... если бы не непредвидѣнный случай, внезапно прервавшій представленіе въ самомъ разгарѣ. Но прежде, чѣмъ разсказать этотъ злосчастный случай, мы должны познакомить читателей съ личностью виновника какъ самаго спектакля, такъ и его провала.

Этотъ внукъ Дмитревскаго былъ ни кто иной, какъ одинъ изъ лицейскихъ гувернеровъ, Иконниковъ, лѣтами еще не старый, но крайне болѣзненный, нервный и рѣдкій чудакъ. Сверхъ того, онъ не въ мѣру вѣрилъ въ цѣлебныя свойства „гофманскихъ капель“, которыя, по его словамъ, только и поддерживали его разстроенный житейскими невзгодами организмъ, но которыя, понятно, еще болѣе возбуждали общее ненормальное состояніе его духа. Недостатки эти, однако, значительно искупались его душевной добротой и тлѣвшимся въ немъ священнымъ огнемъ; онъ пописывалъ и стихи, и драматическія пьесы, и не менѣе, быть можетъ, самого профессора Кошанскаго способствовалъ очищенію литературнаго вкуса поэтовъ-лицеистовъ, съ доброжелательною откровенностью критикуя ихъ скороспѣлыя произведенія.

— Это у васъ, батенька, просто-таки глупо, а это вотъ низко и отнюдь не достойно воспѣванія, — объявлялъ онъ, не обинуясь, каждому въ лицо.

Зато мало-мальски сносные стихи онъ хвалилъ такъ-же чистосердечно, а за всякій особенно звучный стихъ, особенно удачное сравненіе, съ умиленіемъ заключалъ юнаго автора въ объятія и производилъ его чуть ли не въ геніи.

Хотя лицеисты исподтишка и подсмѣивались надъ его эксцентричными выходками и чрезмѣрною чувствительностью, но въ то-же время жалѣли его, любили за прямоту и мягкость, какъ больного старшаго брата, и охотно навѣщали чудака въ его убогой комнаткѣ, расположенной въ томъ-же коридорѣ, какъ и ихъ собственныя камеры.

Недѣли за три до 30-го августа, наиболѣе излюбленные Иконниковымъ мальчуганы (Илличевскій, Пушкинъ, Пущинъ, Горчаковъ и еще человѣка два-три) были приглашены имъ къ себѣ на особое совѣщаніе. Молча принявъ гостей, онъ торжественнымъ движеніемъ руки предложилъ имъ усѣсться, а самъ зашагалъ по комнатѣ.

Молоденькіе гости, не смѣя прервать его размышленій, слѣдили за нимъ глазами и тихонько перешептывались. Сухопарый и длинный, какъ жердь, съ развѣвающимися около тоненькихъ пѣтушиныхъ ногъ полами сюртука, съ обмотаннымъ вокругъ шеи чернымъ шарфомъ, съ безпорядочно-всклокоченными волосами, блѣднымъ, впалымъ лицомъ и лихорадочно-вспыхивающимъ взоромъ, — Иконниковъ, ни дать, ни взять, напоминалъ какого-то средневѣковаго звѣздочета или алхимика, погруженнаго всецѣло въ таинства

своей науки и забывшаго окружающій его міръ. Хожденіе его длилось, однако, слишкомъ долго, такъ что одинъ изъ мальчиковъ рѣшился наконецъ громко напомнить хозяину объ ихъ присутствіи:

— Александръ Николаичъ! а, Александръ Николаичъ!

Тотъ остановился, какъ вкопанный, и дико оглядѣлся кругомъ.

— А? что? кто это звалъ меня?

— Мы всѣ ждемъ, зачѣмъ вы насъ созвали.

— Я созвалъ? Вотъ вздоръ! галиматья!

Лицеисты, уже не стѣсняясь, захихикали.

— Да вы никакъ ослѣпли, Александръ Николаичъ,—не видите насъ?

Онъ усиленно похлопалъ глазами, и, въ самомъ дѣлѣ, теперь только, казалось, сталъ различать отдѣльныя лица. Мрачныя черты его, какъ облитыя внезапно-выглянувшимъ солнцемъ, разомъ прояснились, судорожно-сжатыя губы расплылись въ умильную улыбку.

— И то, други мои, словно слѣпота нашла. Это со мной бываетъ. Разбитый человѣкъ — не взыщите. А гдѣ же моя табакерка?

Комната огласилась еще пущимъ смѣхомъ:

— Да вонъ она,—у васъ же въ рукахъ!

И точно, служившую ему табакеркой коробку изъ-подъ конфектъ онъ все время держалъ въ конвульсивно-сжатыхъ пальцахъ. Добродушно улыбнувшись своей разсѣянности, онъ высыпалъ изъ коробки въ кулакъ здоровую понюшку табаку и, прямо изъ кулака, съ видимымъ наслажденіемъ втянулъ его въ носъ.

— А! теперь совсѣмъ прозрѣлъ. Вы, я вижу, горите нетерпѣніемъ узнать, въ чемъ дѣло. Не буду то-

мить васъ. Угодно вамъ въ царскій день, 30-го числа, сыграть подобающую комедь? Да или нѣтъ?

— Да!—былъ единодушный, восторженный отвѣтъ.

— Если такъ, то приступимъ, не медля, къ выбору пьесы.

Мальчики, горячась и перебивая другъ друга, предлагали каждый то, что̀ случилось самимъ имъ читать или видѣть. Иконниковъ стоялъ передъ ними, широко разставивъ ноги, и терпѣливо слушалъ, переводя глаза съ одного на другого; потомъ, убѣдившись, что толку не будетъ, мановеніемъ руки прекратилъ дальнѣйшія пререканія.

— Минутку вниманія, други мои,—сказалъ онъ.— Есть въ нашемъ драматическомъ репертуарѣ, какъ въ царскомъ вѣнцѣ, единый крупный алмазъ, — Озеровскій „Эдипъ въ Аѳинахъ“. Какъ сейчасъ помню великаго дѣда моего Дмитревскаго въ коронной роли...

И, перекинувъ правою рукой воображаемую тогу черезъ лѣвое плечо, взъерошивъ волосы на макушкѣ, гувернеръ-театралъ съ мольбой протянулъ впередъ обѣ ладони и задекламировалъ:

„Зри руки ты мои, прощеньемъ утомленны,
Ты зри главу мою, лишенную волосъ!
Ихъ изсушила скорбь и вѣтеръ ихъ разнесъ“.

Говорилъ онъ съ такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, съ такимъ увлекательнымъ паѳосомъ, унаслѣдованнымъ, видно, отъ дѣда-актера, что юнымъ слушателямъ, въ самомъ дѣлѣ, сдавалось, будто волоса на „главѣ“ его шевелятся отъ вѣтра. Всѣ дружно захлопали въ ладоши:

— Браво! Браво!

— Вы-то, Александръ Николаичъ, понятно, въ грязь лицомъ не ударите, сыграете Эдипа на-славу,— замѣтилъ въ минорномъ тонѣ Илличевскій. — Но гдѣ же намъ, прочимъ, за вами угоняться? Кому исполнить, напримѣръ, роль Антигоны?

— Антигоны? — переспросилъ Александръ Николаичъ и отчески положилъ руку свою на голову миловиднаго Горчакова:—такой смазливой Антигонушки, какъ нашъ красавчикъ князь, на двадцать верстъ кругомъ съ фонаремъ не сыскать.

Горчаковъ зардѣлся какъ маковъ цвѣтъ и оторопѣлъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Александръ Николаичъ... я не буду играть...

— Какъ есть красная дѣвица! еще краше сталъ, какъ зарумянился! Такую-то намъ и нужно.

— Нѣтъ, прошу васъ, увольте... — бормоталъ маленькій князь.

— Онъ боится, что замужъ сейчасъ выдадимъ,— подтрунилъ Пушкинъ.

Злая шутка возбудила взрывъ хохота, а Горчаковъ, со слезами на глазахъ, съ укоромъ взглянулъ на шутника и, молча, отвернулся.

— Какъ тебѣ, братъ, не стыдно?—шепнулъ Пушкину Пущинъ, потомъ замѣтилъ вслухъ:—нѣтъ, право, Александръ Николаичъ, намъ „Эдипъ“ не по силамъ. Мало-ли есть легонькихъ пьесъ...

— Напримѣръ, у Коцебу,—вставилъ Илличевскій.

Иконниковъ, какъ отъ комара, отмахнулся рукой.

— Только съ коцебятиной этой отъ меня подальше! Это—профанація чистаго искусства.

Тутъ, совершенно неожиданно, подалъ голосъ оправившійся уже отъ обиды Горчаковъ:

— А почему бы намъ не выбрать, ради царскаго праздника, какую-нибудь патріотическую пьесу? Вѣдь вотъ, на Александринской сценѣ въ Петербургѣ, я слышалъ, ставится къ тому дню новая пьеса: „Ополченіе“...

Иконниковъ ударилъ себя по лбу.

— Экій вѣдь старый баранъ! Самъ же давеча думалъ объ этомъ, а теперь, вишь, изъ ума вонъ. Спасибо вамъ, милый вы мой, дорогой мой! Дозвольте въ головку поцѣловать...

И, въ порывѣ нѣжности, онъ взялъ въ обѣ руки голову князя, бережно приложился губами къ приглаженному пробору его золотисто-бѣлокурыхъ волосъ и затѣмъ прибавилъ:

— Завтра же, съ первыми пѣтухами, пѣшешествую въ Питеръ, чтобы списать пьесу.

(Кромѣ своего ограниченнаго гувернерскаго жалованья, уходившаго почти сполна на нюхательный табакъ, „гофманскія капли“ и другія лѣкарства, Иконниковъ не имѣлъ никакихъ денежныхъ средствъ, и потому, когда ему нужно было побывать въ Петербургѣ, онъ почти всегда „пѣшешествовалъ“, т.-е. ходилъ пѣшкомъ туда и обратно.)

На этомъ пока и порѣшили. Пушкинъ, еще малымъ ребенкомъ игравшій „въ театръ“ съ сестрицей своей Олей, словно былъ наэлектризованъ мыслью о предстоящемъ спектаклѣ, вьюномъ вился около гувернера-театрала и закидивалъ его вопросами: гдѣ да какъ устроится сцена, будутъ ли настоящія декораціи, рампа, суфлерская будка, занавѣсъ.

— Много будете знать — скоро состаритесь,—съ улыбкой отвѣтилъ Иконниковъ.—Если въ васъ, другъ

мой, столько же сценическаго дара, сколько любительскаго огня, то изъ васъ выйдетъ первый нашъ лицедѣй. По поводу же вашихъ вопросовъ замѣчу только, что дѣло не въ обстановкѣ, а въ исполненіи. Для примѣра приведу то, что̀ я видѣлъ своими глазами. Прошлымъ лѣтомъ мнѣ удалось, благодаря дѣду, подсмотрѣть нѣкій дѣтскій спектакль, что̀ устроила у себя въ Павловскѣ Императрица Марія Ѳеодоровна: замѣсто всякихъ кулисъ служили трельяжи, увитые зеленью, а на заднемъ фонѣ, изъ-за зелени и цвѣтовъ, бѣлѣлъ бюстъ самой Государыни. И дивно вышло, я вамъ доложу!—такая прелесть, что пальчики расцѣловать! Отчего бы и намъ не сдѣлать что-нибудь въ томъ-же родѣ? И дешево, и сердито. Но какъ бы то ни было, а гостей на пищѣ святаго Антонія оставить едва ли будетъ удобно. Какъ вы полагаете, господа?

— Еще бы! разумѣется!—согласились лицеисты.— Вѣдь и дамы, и дѣвицы будутъ?

— Надѣюсь. Разошлемъ, по крайней мѣрѣ, пригласительныя повѣстки всей здѣшней знати. Такъ вотъ, изволите видѣть, потребуются нѣкоторые расходы. Не учинить ли намъ для сей цѣли добровольную складчину?

Послѣднее предложеніе было принято точно такъ-же единодушно; только одинъ Пушкинъ промолчалъ и даже нахмурился. Когда же члены совѣщанія, радостно болтая, стали расходиться, онъ одинъ поплелся къ себѣ, повѣся носъ.

— Что это ты, будто въ воду опущенный?—замѣтилъ ему съ порога своей камеры другъ и сосѣдъ его Пущинъ.

Пушкинъ пробурчалъ только что-то непонятное и захлопнулъ за собою дверь.

Полчаса спустя, когда Пущинъ улегся уже въ постель и началъ читать на сонъ грядущій какой-то новый журналъ, до слуха его вдругъ донеслись изъ-за тонкой стѣнки сосѣдней камеры всхлипыванья и вздохи. Въ изумленіи онъ опустилъ книжку и сталъ прислушиваться. Не было сомнѣнія: Пушкинъ плакалъ навзрыдъ.

— О чемъ это, Пушкинъ?—съ участіемъ спросилъ онъ.

Отвѣта не было, но всхлипыванья стали тише и глуше, какъ-будто рыдавшій уткнулся лицомъ въ подушку.

— Кто тебя опять обидѣлъ?—не отставалъ съ своимъ допросомъ Пущинъ.

— Никто... замолчи, пожалуйста... услышатъ...—донеслся, наконецъ, раздраженный отвѣтъ.

— Ума не приложу!—продолжалъ Пущинъ.—Только-что вѣдь радовался, какъ ребенокъ, что будешь „лицедѣйствовать“, а теперь...

— А теперь не буду, ни за что не буду!

— Да почему же? Ага! понимаю, все та-же исторія: тебѣ вѣдь изъ дому въ послѣдній разъ деньги прислали только къ Пасхѣ, и у тебя ужъ ни гроша для складчины не осталось?

— Можетъ быть...

— Не „можетъ быть“, а навѣрное такъ. У меня самого кошелекъ теперь то же, какъ есть, пустыня Сахара. Придется попризанять у кого-нибудь. Почему бы и тебѣ не занять?

— Нѣтъ, я и то ужъ долженъ тебѣ...

— Да Горчаковъ, напр., сколько угодно будетъ ждать; онъ всегда такъ радъ помочь...

— Нѣтъ, у Горчакова-то я ужъ ни за что ни гроша не возьму!

— Вотъ-те на! Что̀ онъ тебѣ сдѣлалъ?

— Ни-ни! Онъ на меня дуется.

— За что?

— За то, что я давеча хотѣлъ его замужъ выдать.

Пущинъ разсмѣялся.

— Пустяки! Ты, братъ, судишь по себѣ. Онъ добрѣйшій малый...

— А я злющій? Благодарю за комплиментъ!

— Да ужъ что грѣха таить: ты черезчуръ... не знаю, какъ деликатнѣе выразиться... не то гордъ, не то злопамятенъ...

— И прекрасно! и не связывайся тогда со мной!..

— Вотъ и обидѣлся опять!

— Ни слова больше! Не мѣшай мнѣ спать!

— И то правда, проспись, душа моя: утро вечера мудренѣе. А я—повѣрь моему дружескому слову—такъ ли, сякъ ли, а улажу дѣло.

На слѣдующее утро Пущинъ, дѣйствительно, „уладилъ"-было дѣло. Когда Пушкинъ явился къ Иконникову и объявилъ о своемъ рѣшеніи не участвовать въ спектаклѣ, то, къ великому удивленію своему, услышалъ, что за него внесена уже Пущинымъ довольно крупная сумма. Очевидно, тотъ занялъ ее для него! Повторивъ еще разъ свой отказъ, Пушкинъ побѣжалъ распушить своего коварнаго друга.

— Кто тебя поставилъ нянькой надо мной?—напалъ онъ на него:—кто далъ тебѣ право вмѣшиваться въ мои дѣла?

— Дружба наша,—съ сердечною искренностью отвѣчалъ Пущинъ.—Я занялъ у Горчакова лично для себя...

— Какъ? у Горчакова?—закипятился еще пуще упрямецъ. — Послѣ того, какъ я тебѣ сказалъ, что отъ него-то именно и не приму никакого одолженія, ты насильно дѣлаешь меня его должникомъ! Такъ вотъ она какова, твоя дружба?

— Клянусь тебѣ, какъ передъ Богомъ, что я и не заикнулся о тебѣ. Я взялъ у него деньги только для себя, а ты ужъ бери ихъ у меня.

— А кто тебѣ сказалъ, что я у тебя возьму? Я и такъ по горло у тебя въ долгу, Пущинъ.

— О долгахъ между нами не можетъ быть и рѣчи: что̀ мое—твое.

— Вотъ какъ! На твою долю, значитъ, долги, а на мою — деньги? И ты думаешь, я такъ и приму эту милостыню?

— Ты ужасно упрямъ, Пушкинъ...

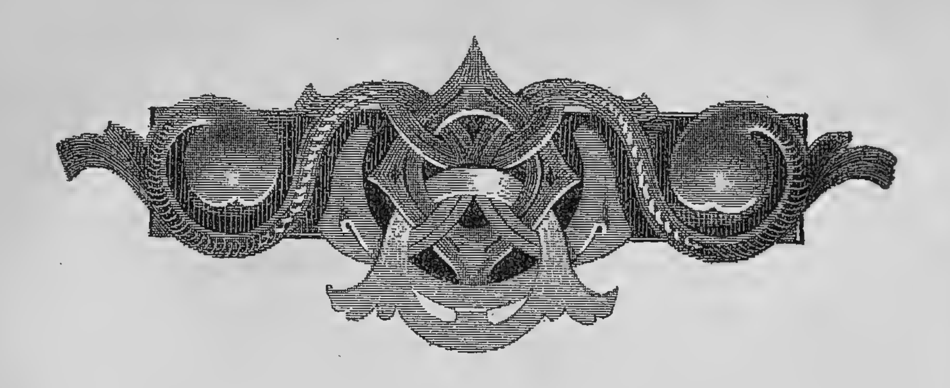
— Да, упрямъ! И ты могъ бы, кажется, это знать. Прежній долгъ мой тебѣ я при первыхъ же деньгахъ возвращу, а въ театрѣ все-таки не приму участія.

— Но почему?

— Потому что, разъ отказавшись, отъ слова своего ужъ не отступлю. Довольно, не мучь меня!

И точно, какъ Пушкина ни убѣждали послѣ того товарищи, онъ настоялъ-таки на своемъ: не принялъ никакого участія въ спектаклѣ.

ГЛАВА XVII.

Театральная горячка и роковой исходъ ея.

„Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда—не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
„Правѣй!..“—и на земь упадаю“.

(Гусаръ.)

А приготовленія къ спектаклю, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ. Директоръ Малиновскій тотчасъ же далъ свое согласіе на эту затѣю. Надзиратель Пилецкій замѣтилъ-было, что не мѣшало бы, на всякій случай, заручиться формальнымъ разрѣшеніемъ министра, который Богъ-вѣсть еще какъ взглянетъ на дѣло; но, всегда уступчивый, Василій Ѳедоровичъ на этотъ разъ коротко отвѣтилъ, что цѣль здѣсь вполнѣ оправдываетъ средства, и что всю отвѣтственность онъ беретъ на себя.

— Я умываю руки!—отозвался Пилецкій и былъ, какъ оказалось впослѣдствіи, правъ.

Гувернеръ-режиссеръ, какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ: на слѣдующее же утро прогулялся пѣшкомъ въ

Петербургъ и, безъ особенныхъ затрудненій, благодаря своему дѣду, актеру Дмитревскому, добылъ тамъ списокъ съ новой пьесы Висковатова, „Ополченіе“. Вернувшись назадъ въ Царское, онъ, первымъ дѣломъ, прочиталъ вслухъ пьесу намѣченнымъ имъ актерамъ, затѣмъ, по взаимному соглашенію, распредѣлилъ между ними роли и, наконецъ, поручилъ каждому изъ нихъ списать себѣ свою роль. Но такъ-какъ пьеса эта не пополнила бы цѣлаго вечера, то послѣ ней должна была идти другая, собственнаго издѣлія Иконникова: „Роза безъ шиповъ“, а для финала всѣ дѣйствующія лица должны были пропѣть его же сочиненія патріотическій гимнъ.

Все время, вплоть до 30-го августа, прошло у лицеистовъ въ лихорадочныхъ хлопотахъ. Съ утра до поздняго вечера, по лѣстницамъ, коридорамъ и переходамъ лицейскимъ шла непрерывная болтовня и бѣготня, носился запахъ столярнаго клея и масляныхъ красокъ, ежеминутно напоминавшій о готовящемся торжествѣ и поддерживавшій тѣмъ общее возвышенное настроеніе. Одною изъ труднѣйшихъ задачъ былъ вопросъ о приличной обстановкѣ пьесъ. Но Иконниковъ, еще живо помня то отрадное впечатлѣніе, которое онъ вынесъ отъ безъискусственной обстановки видѣннаго имъ въ прошломъ году дѣтскаго спектакля въ Павловскомъ дворцѣ, разрубилъ однимъ взмахомъ Гордіевъ узелъ. Занавѣсъ, рампу, кулисы и все прочее должны были, просто-на-просто, замѣнить размалеванныя раздвижныя ширмы; а для костюмовъ самымъ удобнымъ и дешевымъ матеріаломъ могли служить казенныя шинели. Деревянныя рамы для ширмъ сооружалъ въ своей каморкѣ лицейскій стояръ (онъ же одинъ

изъ сторожей-инвалидовъ), а расписываніе ширмъ красками было поручено записному живописцу—лицеисту Илличевскому, который, будучи не мало польщенъ такою честью, видимо щеголялъ своими перепачканными въ краскахъ руками и платьемъ. Все приспособленіе казенныхъ шинелей къ требовавшейся для первой пьесы ополченской формѣ заключалось въ томъ, что шинели были выворочены наизнанку и обшиты лицейскимъ портнымъ на живую нитку кумачемъ да фольгой. Неудивительно, что около этихъ трехъ мастеровъ всегда толпилась кучка зрителей-лицеистовъ. Самъ режиссеръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ приспѣшниковъ изъ нихъ же, то и дѣло бѣгалъ въ Гостиный дворъ за разными бутафорскими принадлежностями и распоряжался всѣми мелочами для предстоящаго празднества. Болѣе всего, однако, занимали всѣхъ ежедневныя репетиціи. Сколько было тутъ смѣху и шутокъ! Зато, подъ конецъ дня, расходясь по своимъ угламъ, каждый еле волочилъ ноги и валился на постель счастливый и довольный.

Единственнымъ исключеніемъ являлся Пушкинъ. Наскоро опорожнивъ свой стаканъ утренняго чаю, онъ убѣгалъ, съ книгою подъ мышкой, куда-нибудь подальше отъ общей кутерьмы, въ самую глушь парка. Изъ всѣхъ товарищей только Пущинъ понималъ его душевное состояніе и не докучалъ ему разспросами. Дельвигу и другимъ онъ отвѣчалъ одно:

— Какъ это у васъ самихъ хватаетъ терпѣнія заниматься такимъ ребячествомъ?

Наконецъ, наступилъ и день спектакля. Покончивъ съ генеральной репетиціей, молодые актеры, полные внутренней счастливой тревоги, усѣлись только-

что за обѣдъ, какъ докторъ Пешель ворвался къ нимъ съ вѣстью о Бородинской побѣдѣ. Какъ уже разсказано выше, вѣсть эта была принята всѣми лицеистами съ особеннымъ энтузіазмомъ, актеровъ же такъ ободрила, что они нисколько не сомнѣвались теперь въ блестящемъ успѣхѣ вечерняго ихъ дебюта.

Треть лицейскаго актоваго зала была отгорожена ширмами для сцены; остальное пространство было заставлено креслами и стульями. Сторы въ окнахъ были спущены, и безчисленныя восковыя свѣчи въ люстрахъ и канделябрахъ обливали своимъ свѣтомъ стекавшуюся сюда празднично-разряженную публику. За полчаса до назначеннаго для спектакля времени всѣ рѣшительно мѣста были уже заняты. Неучаствовавшіе въ представленіи лицеисты и бо́льшая часть начальствующихъ лицъ слонялись около стѣнъ и колоннъ. Становилось жарко, какъ въ биткомъ-набитомъ ульѣ; отъ смѣшаннаго говора присутствующихъ въ воздухѣ слышалось неумолкаемое, словно пчелиное, жужжанье, а изъ-за размалеванныхъ ширмъ доносились звуки передвигаемой мебели и молодыхъ голосовъ, покрываемыхъ иногда густымъ, осиплымъ басомъ гувернера-режиссера.

Но вотъ шумъ на невидимой сценѣ умолкъ; раздался тонкій звонъ серебрянаго колокольчика — и ширмы раздвинулись. Дельвигъ, не игравшій ни въ одной изъ пьесъ, стоялъ, въ числѣ другихъ товарищей-зрителей, прислонясь къ противоположной стѣнѣ, и только теперь замѣтилъ, что Пушкина все еще нѣтъ съ ними. Утромъ онъ поздравилъ его съ днемъ ангела, и тотъ съ благодарностью, молча, пожалъ ему руку, а потомъ, по обыкновенію, ушелъ. Къ обѣду

онъ хотя и явился, но затѣмъ опять какъ въ воду канулъ.

Дельвигъ протѣснился къ выходной двери и отправился отыскивать отсутствующаго. Но напрасно обѣжалъ онъ все зданіе лицея, окликая друга-поэта: отклика не было; никто изъ дядекъ и сторожей также не видѣлъ пропавшаго, и Дельвигъ поневолѣ долженъ былъ бросить свои поиски. Когда онъ вернулся въ зрительную залу, половина первой пьесы была уже сыграна.

Вполнѣ понятная и простительная робость юныхъ „лицедѣевъ“ въ началѣ представленія вскорѣ уступила мѣсто одушевленной развязности. Недаромъ опытный режиссеръ заставлялъ каждаго изъ нихъ на репетиціяхъ повторять по нѣскольку разъ наиболѣе бьющія въ глаза движенія, наиболѣе поражающія слухъ фразы. А Илличевскій, на котораго была возложена самая выдающаяся роль—дѣда-ветерана, исполнялъ ее съ такимъ одушевленіемъ, что оживлялъ и другихъ исполнителей.

— Ай-да молодецъ-мужчина! хоть бы самому дѣду моему Дмитревскому подъ-стать!—похвалилъ его въ антрактѣ Иконниковъ, отъ удовольствія то и дѣло похлебывая изъ стклянočки свои „гофманскія капли“.— За твое здоровье, голубчикъ! Поди сюда, я тебя расцѣлую!

Болѣе другихъ актеровъ конфузился князь Горчаковъ, потому конечно также, что былъ въ женскомъ платьи. Но это какъ-разъ подходило къ его роли—молоденькой, застѣнчивой невѣсты; а хрустально-звучный альтъ, которымъ пропѣлъ онъ заключительный дуэтъ съ своимъ суженымъ, довершилъ производимое

имъ обаяніе и привлекъ ему окончательно симпатіи зрителей. Когда задвинулись опять ширмы и начались безконечные вызовы актеровъ, имя маленькаго князя выкрикивалось даже громче, чѣмъ имя славнаго Дмитревскаго-Илличевскаго, а расчувствовавшійся Иконниковъ заключилъ его такъ крѣпко въ свои объятія въ гардеробной, что бѣдняжка даже пискнулъ отъ боли.

Вызовы только тогда утихли, когда оберъ-провіантмейстеръ, Леонтій Кемерскій, съ своими оффиціантами-сторожами, сталъ протискиваться между рядами стульевъ съ чайными подносами.

— А Пушкина все нѣтъ какъ нѣтъ!—безпокоился Дельвигъ, и обратился къ проходившему мимо Леонтью:—не видалъ ли ты, братецъ, Пушкина?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе. Я такъ смекаю, не съ ахтерами ли они? Да вонъ, спросите-ка всего лучше у Сазонова, а мнѣ, батюшка, ей-ей, некогда.

Сазоновъ былъ младшій изъ дядекъ, котораго приставили къ ширмамъ, чтобы раздвигать и сдвигать ихъ. Въ эту минуту безбородое лицо его съ клювообразнымъ, острымъ носомъ только-что промелькнуло изъ-за края одной ширмы. Дельвигъ пробрался кое-какъ за колоннами къ сценѣ и тихонько кликнулъ Сазонова. Птичій носъ высунулся оттуда.

— Чего изволите?

— Не видѣлъ ли ты Пушкина?

Сазоновъ только усмѣхнулся, покосился назадъ и подмигнулъ однимъ глазомъ.

— Такъ онъ тамъ, за тобой, что-ли?

Дядька молча поднесъ палецъ къ губамъ и скрылся за ширмой.

„Что бы это значило?“ недоумѣвалъ Дельвигъ: „къ чему эта таинственность?“

А дѣло было въ томъ, что когда прекратились вызовы актеровъ, и тѣ удалились въ гардеробную, чтобы перемѣнить костюмы для слѣдующей пьесы, Сазоновъ, перестанавливая придвинутый къ колоннѣ диванъ, увидалъ спрятавшагося за нимъ Пушкина. Въ первую минуту дядька разинулъ даже ротъ отъ удивленія, но, вслѣдъ затѣмъ, такъ и прыснулъ со смѣху и приложилъ съ комической почтительностью два пальца къ правому виску:

— Здравія желаемъ, ваше благородіе! Хорошо ли все видѣли, слышали?

— Чш-ш-ш!.. пригрозилъ, вскакивая, Пушкинъ.

— Не выдавать, стало? Не выдадимъ-съ, не безпокойтесь. Только куда бы намъ вашу милость теперь схоронить? За диваномъ-то, вишь, какъ пыльно! Позвольте маленько спинку отряхнуть. А вотъ, сударь, пожалуйте сюда, за ширму; мы васъ еще стуломъ позадвинемъ: никто не запримѣтитъ.

Въ эту-то самую минуту заботливаго дядьку и окликнулъ Дельвигъ; но онъ скрылъ отъ него, гдѣ спрятался Пушкинъ.

Вторая пьеса—„Роза безъ шиповъ“—началась едва ли не удачнѣе еще первой. Но вдругъ, какъ на грѣхъ, у одного изъ лицеистовъ-актеровъ, Маслова, отъ внутренняго волненія, должно быть, пошла носомъ кровь, и онъ, прижавъ къ лицу платокъ, бросился опрометью со сцены. Прочіе исполнители дотого растерялись отъ такой неожиданности, что стали заикаться, сбиваться. Заправило-гувернеръ, зоркимъ глазомъ наблюдавшій изъ-за дверей гардеробной за свои-

ми подчиненными, буркнулъ что-то, выскочилъ на сцену и продолжалъ роль сбѣжавшаго актера съ той самой фразы, на которой тотъ оборвалъ ее. Но, впопыхахъ и по обычной своей разсѣянности, онъ не сообразилъ, что онъ ни гриммированъ, ни костюмированъ, и что поэтому не только публика, но и остальные актеры не догадаются, кого онъ изображаетъ. Послѣдніе совсѣмъ стали втупикъ и не пикнули уже ни слова; а такъ-какъ молчать значило—сразу провалить пьесу, то Иконниковъ продолжалъ говорить, все болѣе и болѣе увлекаясь своимъ собственнымъ неистощимымъ краснорѣчіемъ.

По зрительной залѣ пробѣжалъ сперва сдержанный шопотъ; но когда режиссеръ-актеръ уже высказалъ все содержаніе пьесы и загородилъ явный вздоръ,—тамъ и сямъ послышался веселый смѣхъ, а изъ заднихъ рядовъ раздалось чье-то довольно громкое ироническое замѣчаніе:

— Зарапортовался!

Это ужасное слово безповоротно рѣшило судьбу спектакля. Иконниковъ, до слуха котораго оно также донеслось, не только не сконфузился, но даже произнесъ самоувѣреннымъ тономъ:

— Да-съ, государи и государыни мои, вѣрно-съ: зарапортовался! Но не забудьте, прошу васъ: экспромтомъ-съ!

Затѣмъ, подбоченясь одною рукою, онъ другою взъерошилъ себѣ вихоръ на макушкѣ и окинулъ сидѣвшую передъ нимъ, посмѣивавшуюся толпу вызывающимъ взглядомъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы еще разразился онъ, если бы спрятанный за сценой Пушкинъ не вмѣшался въ дѣло. Выскочивъ изъ засады, онъ

живо взялъ Иконникова подъ руку и насильно увелъ со сцены.

— Вы нездоровы, Александръ Николаичъ, пойдемте!—уговаривалъ онъ его и крикнулъ въ дверяхъ Сазонову:—задвигай ширмы!

Въ гардеробной бѣдный режиссеръ со стономъ повалился на стулъ. Пушкинъ поспѣшилъ налить ему стаканъ воды; тотъ выпилъ его залпомъ, и, задыхаясь, пропыхтѣлъ только:

— Еще...

Опорожнивъ и второй стаканъ, онъ молча протянулъ его опять Пушкину, и только послѣ третьяго стакана, едва переводя духъ, поднялъ на ухаживавшаго за нимъ мальчика полные слезъ глаза и заговорилъ совершенно упавшимъ голосомъ:

— Вотъ тебѣ и „Роза безъ шиповъ“! А шипъ-то въ самое сердце пронзилъ, убилъ наповалъ! Я, право, кажется, помѣшаюсь...

— Вы, просто, нездоровы, Александръ Николаичъ...

— Нѣтъ, дружечекъ, не то... Все, видно, эти проклятыя „гофманскія капли“... А гости-то наши—Боже праведный! что они подумаютъ? Вона, гамъ какой, хохотъ, скрежетъ зубовный! Милый мой: Бѣгите, Христа ради, скажите имъ что-нибудь, успокойте...

Пушкинъ побѣжалъ на сцену, выступилъ за ширмы, вѣжливо и ловко шаркнулъ ножкой и обратился къ волнующимся зрителямъ по-французски съ такими словами:

— Не взыщите, милостивые государыни и государи, за невольный перерывъ: у одного изъ нашихъ актеровъ, Маслова, пошла носомъ кровь; режиссеръ нашъ хотѣлъ-было его замѣстить, но вдругъ почувствовалъ

Зарапортовался!

себя дурно. Такимъ образомъ, къ крайнему нашему прискорбію, пьеса эта не можетъ быть доиграна. Третья же и послѣдняя часть программы—хоровое пѣніе—во всякомъ случаѣ будетъ исполнена.

Отвѣсивъ опять глубокій поклонъ, онъ отретировался за ширмы. Находчивость мальчика и его бойкая французская рѣчь вызвали дружныя рукоплесканія. Еще болѣе сгладилось дурное впечатлѣніе, когда лицейскіе оффиціанты начали разносить новое угощеніе—фрукты и „студенческій овесъ" (Studentenhafer), т.-е. миндаль и изюмъ, чтобы заткнуть поскорѣе крикливыя глотки. Когда же опять раздвинулись ширмы и хоръ молодыхъ актеровъ, уже въ своей лицейской формѣ, согласно пропѣлъ финальный гимнъ,—слушатели, повидимому, окончательно примирились со спектаклемъ и, какъ послѣ первой пьесы, стали громко вызывать всѣхъ исполнителей.

— Дирижера!—крикнулъ насмѣшливо чей-то голосъ.

Но голосъ этотъ не нашелъ отклика. Да злосчастнаго дирижера и не докликались бы. Онъ сидѣлъ все на томъ же стулѣ въ гардеробной и, припавъ головой къ столу, рыдалъ, какъ малое дитя. Напрасно старались успокоить страдальца обступившіе его актеры.

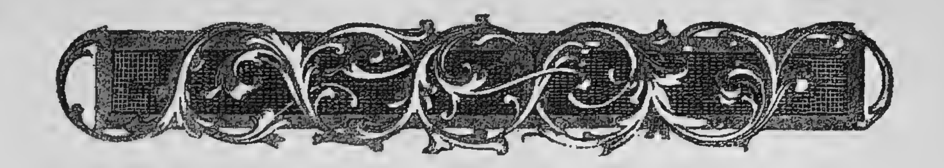
— И таковъ-то конецъ моего любимаго духовнаго дѣтища, моей коронной пьесы!—не слушая ихъ, причитывалъ злополучный авторъ „Розы безъ шиповъ".—Погибъ, какъ есть, погибъ.

Онъ говорилъ о гибели своей авторской славы. Но его ожидала и другая гибель — служебная. Министръ, графъ Разумовскій, до котораго вскорѣ дошелъ слухъ о неудачномъ исходѣ лицейскаго спектакля, строго-на-строго воспретилъ на будущее время всякія подоб-

ныя зрѣлища, а виновнику всей бѣды, гувернеру-режиссеру, приказалъ немедля подать въ отставку.

Прощаніе лицеистовъ съ чудакомъ-гувернеромъ, котораго они полюбили какъ своего брата-лицеиста, было самое задушевное. Самъ Иконниковъ, впрочемъ, былъ еще болѣе ихъ растроганъ. Въ знакъ неизмѣнной памяти и любви къ нимъ, онъ оставилъ имъ цѣлый пукъ своихъ собственныхъ стиховъ и театральныхъ пьесъ для лицейскихъ журналовъ, и просилъ только, какъ милости,—принять его въ число постоянныхъ ихъ сотрудниковъ-корреспондентовъ.

ГЛАВА XVIII.

Война 1812 года.

(ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.)

„Пылай, великая Москва!
Благослови Москву, Россія!“
(Наполеонъ.)

„О, поле, поле! кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?“
(Русланъ и Людмила.)

Вслѣдъ за окончаніемъ Бородинской битвы, когда не успѣли еще опредѣлить потери нашей арміи, главнокомандующій, князь Кутузовъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ одержаннаго успѣха, издалъ приказъ о новомъ наступленіи, чтобы окончательно разгромить вражьи полчища. Но къ утру слѣдующаго же дня выяснилось, что цѣлой половины нашей арміи не существуетъ, а другая половина дотого измучена и разстроена, что о немедленномъ наступленіи не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ, Наполеонъ, встрѣтивъ такой упорной отпоръ, навѣрно не станетъ ждать, пока войска наши опра

вятся, а пойдетъ напроломъ, чтобы, во что бы то ни стало, завладѣть Москвой. Такимъ образомъ, вопросъ сводился къ тому, что принести въ жертву: остатки ли нашей арміи, или Москву?

Послѣ продолжительнаго совѣщанія со своими генералами въ деревнѣ Филяхъ, Кутузовъ, видя, что соглашенія между ними не состоится, рѣшилъ принять отвѣтственность на себя и приказалъ отступать. Всю ночь послѣ того старикъ-фельдмаршалъ скорбѣлъ душой и не смыкалъ глазъ; приближенные его слышали, какъ онъ вплоть до зари то стоналъ, то плакалъ.

Но подробностей этихъ никто въ Россіи не зналъ, и потому громовая вѣсть о томъ, что Москва безъ выстрѣла отдана французамъ, смертельнымъ воплемъ пронеслась по всему лицу Земли Русской.

— Москва взята!—съ горечью твердили и лицеисты.—Ну, теперь конецъ...

Да, то былъ конецъ, но конецъ не величію Россіи, а счастливой звѣздѣ Наполеона, начавшей меркнуть уже подъ Бородинымъ.

2-го сентября непріятели вступили въ нашу древнюю столицу, а вечеромъ того же дня въ нѣсколькихъ мѣстахъ ея вспыхнуло пламя, которое, все разростаясь, особенно вслѣдствіе поднявшейся въ ночь съ 3-го на 4-е число страшной бури, разлилось, наконецъ, по всему городу.

— Москва горитъ! — съ ужасомъ поторялось теперь, какъ вездѣ, и въ отдаленномъ лицеѣ.

Но вскорѣ ужасъ смѣнился совершеннно понятнымъ, торжествующимъ злорадствомъ, когда стало извѣстно, что городъ былъ подожженъ самими жите-

лями. Профессоръ Кошанскій не преминулъ по этому поводу разсказать въ классѣ о такой-же самоотверженности древнихъ грековъ, которые, при нашествіи Ксеркса, сами сожгли свои Аѳины.

О томъ, что̀ происходило въ сожженной Москвѣ, свѣдѣнія были очень сбивчивы и отрывочны, такъ какъ они получались, по большей части, только отъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ. Въ одномъ, однако, всѣ показанія сходились: что цѣлые кварталы Бѣлокаменкой обратились въ груды развалинъ и пепла, и что вся она не сгорѣла только благодаря проливному дождю, шедшему непрерывно почти двое сутокъ и залившему пламя. Далѣе передавалось, что самъ Наполеонъ со своимъ штабомъ едва спасся отъ смерти, когда, между двумя рядами пылающихъ домовъ, подъ огненнымъ дождемъ искръ и головней, по раскаленнымъ кирпичамъ и горящимъ балкамъ, онъ сталъ пробираться изъ Кремля за городъ, въ Петровскій за̀мокъ, и что, переселясь по прекращеніи пожаровъ, 8-го сентября, опять въ Кремль, онъ не узналъ своей прежней образцовой арміи: она превратилась въ безначальную шайку грабителей-мародеровъ, или „міродеровъ“, какъ перекрестилъ ихъ нашъ народъ. Посылавшіеся же за городъ за жизненными припасами французскіе фуражиры или возвращались ни съ чѣмъ, или вовсе не возвращались, потому что перехватывались русскими. Въ это именно время стали формироваться изъ помѣщиковъ, отставныхъ военныхъ, а особенно изъ крестьянъ, партіи новаго типа добровольцевъ—„партизановъ“, которые нападали на врага всегда изъ засады, врасплохъ. Кто не слыхалъ о самомъ удаломъ партизанѣ Денисѣ Давыдовѣ? Но, кромѣ

него, немалую извѣстность заслужили себѣ и нѣкій отчаянно-храбрый дьячекъ, и старостиха Василиса, забравшая въ плѣнъ цѣлую партію французовъ.

— Слышали, господа, — разсказалъ лицеистамъ докторъ Пешель, — что Напольонишка уже второго гонца въ Питеръ прислалъ: не желаетъ ли Государь нашъ помириться?

— Ага! знаетъ кошка, чье мясо съѣла!—говорили лицеисты.—А что же Государь?

— Государь по-прежнему отвѣчаетъ ему гордымъ молчаніемъ.

— Господа! новая басня Крылова: „Волкъ на псарнѣ",—возгласилъ разъ съ каѳедры Кошанскій:— вчера самъ Крыловъ читалъ ее въ Павловскѣ Императрицѣ, а нынче мнѣ оттуда прислали списокъ съ нея. Слушайте внимательно. Поймете ли вы, въ чемъ тутъ соль, кто оный „волкъ на псарнѣ"?

Ни одна басня нашего великаго баснописца, понятно, не произвела до сихъ поръ на мальчиковъ такого смѣхотворнаго дѣйствія, какъ эта, особенно, когда они узнали впослѣдствіи о томъ, какъ читалась она въ арміи Кутузовымъ, въ присутствіи прибывшаго къ нему Наполеонова гонца. Не получая никакого отвѣта изъ Петербурга, императоръ французовъ рѣшился наконецъ обратиться съ запросомъ и къ нашему главнокомандующему: „Не пора ли кончить войну?"

Отвѣтъ на сей разъ хотя и послѣдовалъ, но самый странный: „Война еще не начиналась—она впереди".

Тогда былъ посланъ уже ближайшій адъютантъ Наполеона съ дополнительными инструкціями. Но

тутъ какъ-разъ подоспѣла изъ Петербурга эта новая Крыловская басня. Терпѣливо выслушавъ парламентера, старикъ-фельдмаршалъ нашъ многозначительно переглянулся съ окружающими и прочелъ наизусть ту часть басни, гдѣ ведутся мирные переговоры волка, попавшаго, вмѣсто овчарни, на псарню:

—„Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный другъ и кумъ!
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры.
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону вашихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...“
—„Послушай-ка, сосѣдъ“,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ...“

При этихъ словахъ, Кутузовъ, тонко улыбаясь, снялъ фуражку и указалъ на свои серебристыя сѣдины.

Свита не дала ему кончить и разразилась единодушнымъ „ура“, которое тутъ же было подхвачено незнавшими даже, въ чемъ дѣло, часовыми и громогласно прокатилось по всему лагерю.

— Слышите?—обратился фельдмаршалъ къ посланному Наполеона: — при такомъ настроеніи войска, можно ли думать о мирѣ? Такъ и передайте вашему императору.

А вскорѣ послѣ того, подъ Тарутинымъ, русскіе, перейдя уже въ наступленіе, разбили въ пухъ и прахъ лучшій изъ отрядовъ французскихъ—корпусъ Неаполитанскаго короля Мюрата—и захватили весь обозъ его.

Что оставалось тутъ дѣлать волку — Наполеону? Оставалось одно: выбраться со псарни по-добру, по-здорову и бѣжать, бѣжать безъ оглядки.

6-го октября изъ московскихъ заставъ потянулись первые обозы французовъ, нагруженные награбленнымъ добромъ и похожіе скорѣе на цыганскій таборъ, чѣмъ на прежнюю красу и гордость „великой націи"—Наполеонову армію.

Въ Царское Село извѣстіе о бѣгствѣ непріятеля пришло не ранѣе 19-го октября, въ самый день годовщины открытія лицея, и было привезено никѣмъ инымъ, какъ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Пушкинъ, не видавшій никого изъ родныхъ и прежнихъ знакомыхъ чуть ли не цѣлый годъ, побѣжалъ на-встрѣчу дорогому гостю съ распростертыми объятіями. Но, не добѣжавъ пяти шаговъ, онъ вдругъ устыдился своей дѣтской радости, опустилъ руки и остановился какъ вкопанный.

— Ну, что же?—спрашивалъ Тургеневъ, съ сіяющей улыбкой, самъ раскрывая ему объятія:—поди, прижмись!

Мальчикъ порывисто припалъ къ нему на грудь.

— О, какъ я соскучился!.. Никто-то мнѣ изъ дому не пишетъ... Не знаю даже, живы-ли, выбрались-ли изъ Москвы...

— Живы, живы, дружокъ, успокойся. А что не пишутъ — мудренаго тутъ ничего нѣтъ: правильной почты до сихъ поръ не было. Только теперь, когда французы оставили Москву...

— Французы оставили Москву?! — прервалъ, не вѣря ушамъ, Пушкинъ.

— Да, и бѣгутъ, какъ травленный звѣрь. Теперь, говорю я, пути сообщенія опять возстановились.

Вчера еще я получилъ вѣсточку отъ князя Вяземскаго о твоихъ родителяхъ...

— Ну, что? гдѣ они?

— Они съ весны еще гостятъ въ Остафьевѣ, у Вяземскихъ, и почти все добро свое успѣли заблаговременно вывезти изъ Москвы. Вотъ дядѣ твоему Василью Львовичу менѣе посчастливилось. Вяземскій выслалъ мнѣ два подлинныя письма, полученныя имъ изъ Нижняго. На̀ вотъ, прочти самъ.

Пушкинъ съ лихорадочною поспѣшностью пробѣжалъ сперва одно письмо, потомъ другое. Первое было отъ поэта Батюшкова, помѣченное 3-мъ октября.

„Здѣсь я нашелъ всю Москву", писалъ Батюшковъ: „Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ *) плачетъ неутѣшно: онъ все потерялъ, кромѣ жены и дѣтей; Василій Львовичъ забылъ въ Москвѣ книги и сына; книги сожжены, а сына вынесъ на рукахъ его слуга. Отъ печали Пушкинъ лишился памяти и насилу могъ прочитать Архаровымъ **) басню о „Соловьѣ". Вотъ до чего онъ и мы дожили! У Архаровыхъ собирается вся Москва или, лучше сказать, всѣ бѣдняки: кто безъ дома, кто безъ деревни, кто безъ куска хлѣба, и я хожу къ нимъ учиться терпѣнію. Вездѣ слышу вздохи, вижу слезы—и вездѣ глупость. Всѣ жалуются

---

*) Дальній родственникъ нашего поэта, извѣстный переводчикъ Мольера.

**) Иванъ Петровичъ Архаровъ—извѣстный московскій богачъ и хлѣбосолъ, котораго князь Вяземскій въ своей „Записной книжкѣ" называетъ „послѣднимъ бургграфомъ московскаго барства и гостепріимства, сгорѣвшихъ, вмѣстѣ съ Москвою, въ 1812 году".

и бранятъ французовъ по-французски, а патріотизмъ заключается въ словахъ: „point de paix!“.

Второе письмо къ князю Вяземскому отъ самого Василья Львовича Пушкина гласило:

„...Другой Москвы не будетъ... Я потерялъ въ ней все движимое мое имѣніе. Новая моя карета, дрожки, мебель и драгоцѣнная моя библіотека—все сгорѣло. Я ничего вывезти не могъ; денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности...

„Ты спрашиваешь, что̀ я дѣлаю въ Нижнемъ-Новгородѣ? Совсѣмъ ничего. Живу въ избѣ и хожу по морозу безъ шубы, а денегъ нѣтъ ни гроша. Вотъ завидное состояніе, въ которомъ я теперь нахожусь! Алексѣй Михайловичъ, однофамилецъ мой, кричитъ громче и куритъ табакъ болѣе прежняго...

„Посылаю тебѣ стихи мои къ жителямъ Нижняго Новгорода“.

Улыбаясь сквозь слезы, прочелъ племянникъ бѣднаго погорѣльца оба письма, прочелъ и приложенное къ послѣднему стихотвореніе, каждый куплетъ котораго начинался тяжеловѣснымъ двустишіемъ:

„Примите насъ подъ свой покровъ,
О, Волжскихъ жители бреговъ!“

— Стихи съ голодухи, какъ видишь, тоже хромаютъ,—замѣтилъ Тургеневъ.—Другъ нашъ Дмитріевъ по поводу ихъ сострилъ довольно зло, что милѣйшій Василій Львовичъ похожъ на колодника, который подъ окномъ христарадничаетъ, а самъ съ бранью оборачивается къ уличнымъ мальчишкамъ (т.-е. къ французамъ), что̀ дразнятъ его.

— И вамъ, Александръ Иванычъ, не жаль дяди?—укорилъ Пушкинъ.

— Сердечно жаль,—былъ искренній отвѣтъ. — А все-же много другихъ несчастнѣе его. И знаешь ли, Александръ, кто, быть можетъ, заслуживаетъ наибольшаго сожалѣнія?

— Кто?

— Наши враги, французы.

— Эти изверги!

— Другъ мой, не забывай, что Спаситель простилъ и великую грѣшницу, и разбойника на крестѣ за ихъ чистосердечное покаяніе. А французы, повѣрь мнѣ, каются теперь какъ никто. И виноваты ли они? Могли ли они не слѣдовать за своимъ государемъ, за своимъ кумиромъ, въ котораго вѣрили слѣпо, какъ въ божество? И вдругъ—неожиданное паденіе его съ высоты! Вмѣсто новыхъ побѣдъ, онъ постыдно бѣжитъ, а по его слѣдамъ, какъ стадо барановъ, сломя голову, бѣгутъ и они, чтобы хоть жизнь-то свою спасти.

— Но Москва...

— Москва, какъ фениксъ, возникнетъ изъ пепла, и зарево ея освѣтитъ нашъ путь къ Парижу.

Какъ вѣрно предугадалъ будущее дальнозоркій Тургеневъ,—въ этомъ Пушкинъ ежедневно все болѣе и болѣе убѣждался и, въ то-же время, не могъ преодолѣть въ себѣ тайнаго сочувствія къ несчастному „стаду барановъ“, преслѣдуемому нашимъ войскомъ.

Тщетно Наполеонъ пытался пробиться въ наши хлѣбородныя губерніи: каждый разъ его отбивали съ урономъ, и, волей-неволей, онъ долженъ былъ возвращаться на старый смоленскій путь, въ мѣста, уже прежде разоренныя имъ самимъ. Казаки неотступно кружили около бѣгущихъ, отбивали у нихъ обозъ за

обозомъ. Крестьяне-партизаны, съ топорами, вилами, косами, среди густой лѣсной чащи нападали на нихъ врасплохъ, перебивали ихъ по-одиночкѣ.

А тутъ, во второй половинѣ октября, повалилъ густой снѣгъ, затрещали настоящіе русскіе морозы. Ни тулуповъ, ни обуви для солдатъ своихъ Наполеонъ не догадался во-время припасти,—и вотъ имъ пришлось кутаться отъ холода во что попало: и въ дорогія шелковыя ткани, захваченныя съ собой изъ московскаго Гостинаго двора, и въ золотыя ризы, похищенныя изъ православныхъ храмовъ, или, просто, въ какое-нибудь ваточное одѣяло съ прорѣзанною для головы дырой; ноги же они обматывали лохмотьями истасканныхъ казенныхъ мундировъ.

Лошади, не различая дороги за сугробами снѣга, падали въ канавы, причемъ увлекали за собой и экипажи, и орудія; изнуренныя до-нельзя безкормицею, онѣ падали и умирали, а обезумѣвшіе отъ голода вожатые тутъ-же накидывались на падаль, рвали ее и пожирали, не давая себѣ даже труда хорошенько прожарить мясо. Наскоро насытясь, эти полулюди-полузвѣри плелись далѣе, но недолго: въ изнеможеніи они падали въ снѣгъ, а вьюга заживо еще заносила ихъ своимъ бѣлымъ саваномъ. На привалахъ французовъ, вокругъ тлѣющихъ еще костровъ, наши войска находили груды окоченѣвшихъ труповъ, отъ которыхъ, при приближеніи ихъ, живыхъ людей, отлетали съ карканьемъ вóроны, отбѣгали съ ворчаньемъ одичалые псы, слѣдовавшіе по пятамъ за гибнувшей арміей отъ самыхъ воротъ Москвы.

Она таяла, эта армія, таяла со дня на день, дѣлалась жертвой стихій и непредусмотрительности ея

надменнаго вождя. А самъ этотъ вождь, этотъ полубогъ—что̀ сталось теперь съ нимъ! Онъ, какъ истуканъ, рухнулъ съ своей высоты! Никто уже не слушался его; окружающіе только стерегли, какъ бы онъ не ускользнулъ впередъ; а когда онъ, чтобы не быть узнаннымъ, вздумалъ назваться Коленкуромъ, свита исподтишка трунила надъ нимъ, называя его: „Colin qui court“ *).

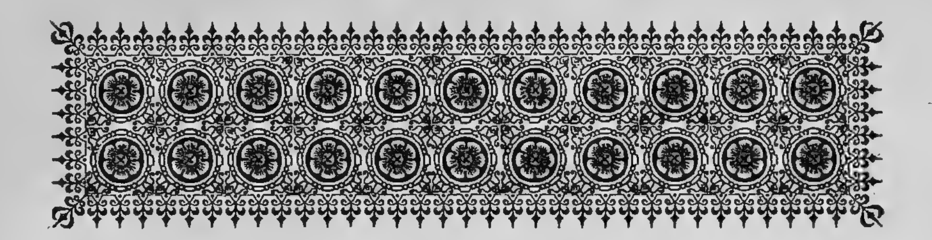
Лицейскому профессору-французу де-Будри, который за время войны совсѣмъ стушевался и сталъ тише воды, ниже травы, пришлось тоже услышать этотъ каламбуръ и, конечно, не отъ кого иного, какъ отъ неисправимаго школьника Гурьева. Старикъ поблѣднѣлъ какъ полотно, крупная слеза скатилась по его морщинистой щекѣ; но онъ не вымолвилъ ни слова, а только вышелъ изъ класса. Зато насмѣшнику досталось-таки отъ Пушкина и прочихъ товарищей!

Они перестали ликовать по-прежнему, когда чаша страданій бѣгущаго непріятеля переполнилась, когда, подъ убійственнымъ огнемъ нашихъ орудій, послѣдніе воины побѣдоносной „великой арміи“ нашли могилу въ ледяныхъ волнахъ Березины, и изъ полумилліоннаго полчища, побѣдоносно перешедшаго за полгода передъ тѣмъ границу русскую, перебралось обратно за нее не болѣе одной тысячи калѣкъ-мародеровъ.

Теперь Пушкинъ уже не могъ сомнѣваться въ вѣрности предсказанія Тургенева о вступленіи нашихъ войскъ въ Парижъ, что̀, дѣйствительно, и совершилось спустя годъ съ небольшимъ—19-го марта 1814 года.

---

*) Коленъ, который бѣжитъ.

ГЛАВА XIX.

Стихотворныя шалости.

„О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я завострю,
Летучей риѳмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согнувъ въ дугу,
А тамъ пошлю наудалую—
И горе нашему врагу!“

(Прозаикъ и поэтъ).

Боевая гроза прошла, громы орудій смолкли. Взбудораженная извнѣ лицейская жизнь попала опять въ старое русло и потекла попрежнему—ровно, невозмутимо, журча лишь слегка, по временамъ, отъ встрѣчныхъ небольшихъ подводныхъ камней или отъ налетнаго утренняго вѣтра.

Такъ, между прочимъ, оживленію однообразія школьнаго быта не мало способствовало открытіе, въ 1813 году, профессоромъ Гауеншильдомъ приготовительнаго заведенія къ лицею. Въ первое время заведеніе это помѣщалось въ наемномъ домѣ, въ предмѣстьи Царскаго Села — Софіи; но вскорѣ оно было пере-

именовано въ „благородный лицейскій пансіонъ“ и переведено въ казенный домъ, рядомъ съ лицеемъ, послѣ чего лицеисты съ пансіонерами видѣлись ежедневно. Въ числѣ пансіонеровъ, въ томъ-же 1813 году, былъ принятъ и младшій братъ Пушкина, Левъ. Совсѣмъ оторванный до тѣхъ поръ отъ родной семьи, Александръ, понятно, былъ не мало радъ этому; но, подобно другимъ лицеистамъ, находилъ нужнымъ относиться къ „мальчишкамъ“-пансіонерамъ, въ томъ числѣ и къ младшему своему брату, съ покровительственнымъ снисхожденіемъ. Вѣдь тѣ и двухъ строкъ-то риѳмованныхъ связать не умѣли!

А поэтическіе опыты самихъ лицеистовъ все продолжались. Къ тому же возбужденная въ нихъ отечественною войной восторженная любовь къ родинѣ сблизила ихъ еще болѣе, какъ-бы сроднила между собой, и въ новомъ лицейскомъ журналѣ „Юные пловцы“ уже мирно уживались прежніе литературные соперники: Илличевскій и Пушкинъ. Впрочемъ, первому изъ нихъ по-прежнему отдавалась пальма первенства какъ товарищами, такъ и профессоромъ Кошанскимъ. Въ стихотворствѣ на заданныя темы, гдѣ требовалось не столько вдохновенія, сколько запаса риѳмъ, онъ, дѣйствительно, опережалъ Пушкина, и упроченію его славы по этой части не мало способствовалъ еще слѣдующій случай.

Однажды, на урокѣ „стихотворныхъ упражненій“, лицеисты должны были описать „Восходъ солнца“. Самый простоватый и малоспособный изъ нихъ, Мясоѣдовъ, перещеголявшій товарищей развѣ только въ одномъ—въ обжорствѣ, чѣмъ заслужилъ себѣ кличку „Мясожоровъ“, обратился шопотомъ къ общепри-

знанному уже поэту Иллическому, сидѣвшему впереди него:

— Будь другъ, Олосенька, выручи! Одну-то, первую строчку я сочинилъ, но дальше, хоть убей, ни съ мѣста...

Тотъ принялъ отъ него изъ-подъ лавки тетрадь, прочелъ написанное, минутку подумалъ, усмѣхнулся и живо дописалъ четверостишіе.

— На, получи! Но, чуръ, не пенять.

— Спасибо, голубчикъ!—искренно поблагодарилъ „Мясожоровъ“ и, въ радости своей, что такъ скоро устроилъ дѣло, не далъ себѣ даже труда перечесть приписку, а съ торжествующимъ видомъ замахалъ по воздуху тетрадкой.

— Николай Өедорычъ, и я настрочилъ-съ!

— И вы?—изумился Кошанскій.—Вы, Мясоѣдовъ, сирый и убогій, туда же возсѣли на крылатаго Пегаса?

— А что-же-съ? Отчего бы и мнѣ на немъ хоть разъ не прокатиться?

— Правильно: бываетъ, что и блоха закашляетъ, что и курица пѣтухомъ запоетъ. Лишь бы не выпасть вамъ изъ сѣдла. Покажьте-ка сюда.

Профессоръ только взглянулъ на тетрадку, какъ закусилъ губу, чтобы не выдать своей веселости; прочитавъ же еще разъ, остановилъ на минутку глаза на Илличевскомъ и обратился затѣмъ опять къ самозванному автору стиховъ:

— Итакъ, эти стихи, Мясоѣдовъ, говорите вы, вашего собственнаго издѣлія?

— Собственнаго-съ!—былъ самодовольный отвѣтъ.

— И мысль, въ нихъ выраженная, такъ-же ваша?

— А то какъ же-съ?

— Поздравляю! До сей поры, государи мои, весь міръ ученыхъ былъ того мнѣнія, изволите видѣть, что солнце можетъ восходить съ одной лишь стороны свѣта—съ востока. А нынѣ оказывается, что мнѣніе это превратно. Достойному нашему молодому ученому, синьору Мясоѣдову, принадлежитъ честь открытія сего великаго феномена:

„Грядетъ съ заката царь природы...“

Весь классъ залился смѣхомъ, а наивный Мясоѣдовъ, лишь теперь смекнувшій, что опростоволосился, покраснѣлъ, но не только не упалъ духомъ, а напротивъ—до ушей осклабился и оглядѣлся кругомъ.

— А что, не остро развѣ?

— Остро, но обоюдоостро,—осадилъ его тутъ-же профессоръ: — стихъ этотъ вы, просто-на-просто украли.

— Укралъ?

— Да, синьоръ, у синьоры Буниной, доморощенной тоже поэтессы, у коей одна элегія начинается точно такъ же:

„Блеснулъ на западѣ румяный царь природы...“ *).

— Значитъ, все-же не совсѣмъ такъ, какъ у меня!—обрадовался уличенный поэтъ-воришка.—А остальныя три строки зато ужъ какъ есть мои.

— Такъ ли?

— Чтобы мнѣ провалиться на этомъ мѣстѣ!..

— Ой, прова́литесь... Читать дальше или нѣтъ?

---

*) Сборникъ стихотвореній А. П. Буниной вышелъ въ 1809 году, подъ заглавіемъ: *„Неопытная Муза“*.

— Читайте.

— Сама себя раба бьетъ, что нечисто жнетъ. Я умываю руки. Итакъ:

„Грядетъ съ заката царь природы,
И изумленные народы
Не знаютъ, что начать:
Ложиться спать или вставать?“

Теперь стекла въ окнахъ задребезжали отъ громогласнаго хохота молодыхъ слушателей.

— Ай-да Мясожоровъ! отличился!

Самодовольная улыбка на губахъ „Мясожорова“ такъ и застыла въ видѣ кислосладкой гримасы.

— Вотъ это, точно, остро,—заговорилъ опять Кошанскій.—Недаромъ соученики ваши загрохотали. Но въ сей послѣдней остротѣ вы неповинны, яко младенецъ новорожденный. Виденъ соколъ по полету. Прибавка оная ваша вѣдь, Илличевскій, а?

— Моя, каюсь,—не безъ тайной гордости сознался подлинный авторъ.

— За поведеніе надлежало бы вамъ баллика два сбавить. Ну, да экспромтъ вашъ былъ столь изряденъ, что на сей разъ грѣхъ вамъ отпущается: грядите съ миромъ.

Такой успѣхъ случайной шутки дотого поощрилъ Илличевскаго, что онъ, съ этого времени, сталъ преимущественно упражняться въ подобнаго рода стихотворныхъ шалостяхъ; а Мясоѣдовъ, съ своей стороны, позаботился дать ему для того еще новую пищу. Желая отплатить насмѣшникамъ-товарищамъ и доказать имъ, что онъ можетъ, коли захочетъ, и самъ сложить пару-другую риѳмованныхъ строкъ, Мясоѣдовъ написалъ цѣлую басню „Ослы“. Но басня эта, про-

читанная имъ вслухъ въ классѣ Кошанскаго, вызвала со стороны послѣдняго, вмѣсто похвалы, только слѣдующую нелестную цитату изъ Державина:

„Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.“

Съ этихъ поръ, чуть только, бывало, Мясоѣдовъ разинетъ ротъ, чтобы высказать что-нибудь,—его перебивали словами:

„Оселъ останется осломъ!..“

А Илличевскій, успѣвшій, какъ уже сказано, заявить себя искуснымъ рисовальщикомъ, „въ ближайшемъ же нумерѣ новаго лицейскаго журнала „Лицейскій Мудрецъ“ нарисовалъ карикатуру, изображавшую Мясоѣдова въ дурацкомъ колпакѣ съ ослиными ушами, и съ слѣдующей подписью внизу:

„О чемъ не сочинитъ, бывало,
Марушкинъ, борзый стихотворъ,
То вѣрь, что не солжешь ни мало,
Когда заранѣ скажешь: вздоръ!
Марушкинъ объ ослахъ вдругъ басню сочиняетъ,
И басня хоть куда! Но страненъ ли успѣхъ?
Свой своего всѣхъ лучше знаетъ,
И слѣдственно опишетъ лучше всѣхъ.“

„Марушкинъ-Мясожоровъ“, однако, вкусивъ разъ отъ древа поэзіи, не думалъ еще сложить оружіе и, знай, продолжалъ кропать басню за басней. Когда же и эти не нашли себѣ хвалителей, и издатели „Лицейскаго Мудреца“ наотрѣзъ отказали ему принять ихъ въ свой журналъ, непризнанный поэтъ тща-

тельно перебѣлилъ свои писанія въ особую, нарядную тетрадь, которую озаглавилъ:

„ХОТЬ ХУДО, НО СВОЕ“.

Илличевскій и тутъ не далъ ему покоя, и въ слѣдующемъ нумерѣ „Мудреца“ появилась такая эпиграмма:

„Ты выбралъ къ басенкамъ заглавіе простое:
Ходь худо, но свое.
И этакъ хорошо, но этакъ лучше вдвое:
Что худо—то твое,
Что хорошо—чужое.“

И прочіе лицейскіе сочинители пустились теперь взапуски съ Илличевскимъ строчить эпиграммы; но только Пушкинъ одинъ могъ соперничать съ нимъ; стихотворныя шутки его были нерѣдко еще болѣе тонки и колки, чѣмъ у Илличевскаго.

Къ сожалѣнію, дѣло не ограничилось эпиграммами. На мотивъ облетѣвшей, въ 1812 году, всю Россію патріотической пѣсни Жуковскаго „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, лицеисты стали распѣвать новую, собственнаго сочиненія „національную пѣсню“, въ которую, само собою разумѣется, угодилъ опять-таки профессоръ-нѣмецъ Гауеншильдъ, Онъ вошелъ однажды въ классъ, вмѣстѣ съ директоромъ, въ ту самую минуту, когда шалуны, подъ управленіемъ Гурьева, распѣвали хоромъ сатирическіе куплеты, сочиненные ими на его счетъ. Гурьевъ, стоя на каѳедрѣ, махалъ въ тактъ руками, какъ дирижерской палочкой.

— Вы сами теперь изволите слышать, ваше превосходительство! Чтò прикажете дѣлать съ этими сорванцами? — обратился Гауеншильдъ по-нѣмецки къ

директору, трясясь отъ негодованія, какъ въ лихорадкѣ.

Малиновскій окинулъ школьниковъ печальнымъ взглядомъ и объявилъ затѣмъ:

— Какъ мнѣ ни прискорбно, господа, воспретить вамъ заниматься поэзіей, тѣмъб олѣе, что между вами, какъ увѣряетъ Николай Ѳедорычъ, есть недюжинные таланты (взоры его скользнули при этомъ по Илличевскому и Пушкину),—но я вижу, что ничего иного не остается. Впрочемъ, окончательное рѣшеніе вопроса будетъ зависѣть отъ конференціи.

— И только-то, ваше превосходительство?—возразилъ Гауеншильдъ.

— Безусловное воспрещеніе писать стихи и издавать журналы, повѣрьте мнѣ, господинъ профессоръ, будетъ имъ чувствительнѣе лишенія всякихъ сладкихъ блюдъ. А теперь вы, Гурьевъ, пожалуйте-ка сюда на расправу.

Спрятавшійся за каѳедрой, Гурьевъ вообразилъ-было, что про него забыли, и съ самымъ смиреннымъ видомъ выползъ теперь на свѣтъ Божій.

— Сколько разъ я васъ предупреждалъ, Гурьевъ; но васъ, видно, какъ кривое дерево, не выпрямишь.

— Да что же я такое сдѣлалъ, Василій Ѳедорычъ? Помилуйте!—плаксиво отозвался Гурьевъ.

— Какъ, что̀ вы сдѣлали? Вы стояли на каѳедрѣ и въ тактъ размахивали руками!

— Размахивалъ, потому что упрашивалъ товарищей не пѣть этихъ дерзкихъ куплетовъ...

— Вотъ что̀ я вамъ скажу, Гурьевъ: шалить въ вашемъ возрастѣ извинительно, но лицемѣрить, лгать старшимъ въ лицо и сваливать еще вину свою на дру-

гихъ — безстыдно и достойно примѣрнаго наказанія. Вы, въ настоящемъ случаѣ, явно были первымъ зачинщикомъ, и поступокъ вашъ также будетъ переданъ на судъ конференціи.

Такая непривычная со стороны добряка Малиновскаго строгость совсѣмъ ошеломила Гурьева; онъ вдругъ разрыдался и готовъ былъ обнять ноги директора, чтобы только вымолить прощеніе.

— Мы всѣ вѣдь виноваты, Василій Өедорычъ! — вступился тутъ Пушкинъ. — Простите и его на этотъ разъ.

— Простите его!—подхватили прочіе.

— Хорошо, такъ и быть, въ послѣдній разъ,—смягчился, по обыкновенію, Малиновскій. — Но повторяю вамъ, Гурьевъ: берегитесь впередъ!

Конференція, по обсужденіи предложенія директора—воспретить впредь лицеистамъ писать стихи и издавать журналы, — почти единогласно утвердила это предложеніе. Двое только—Кошанскій и Куницынъ—старались выгородить поэтовъ, но, въ концѣ концовъ, остались при „особомъ мнѣніи". Имъ же лицеисты были обязаны, что къ осени 1813 года строгая мѣра была негласно отмѣнена. Тогда же былъ снятъ запретъ и со спектаклей. Въ первомъ изъ нихъ, устроенномъ въ день лицейской годовщины, 19-го октября 1813 года, приняли участіе какъ Дельвигъ, такъ и Пушкинъ.

ГЛАВА XX.

Литературныя розы и терніи.

„Мараетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ“...
(Исторія стихотворца.)

„Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ не даромъ вспомнилъ я.“
(Евгеній Онѣгинъ.)

А что же дѣлала, въ теченіе запретнаго времени, Пушкинская Муза?

Она по-неволѣ смирилась, но не бездѣйствовала. Съ наступленіемъ весны 1813 года, прежнія прогулки двухъ друзей-поэтовъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ царскосельскаго парка возобновились, а съ ними и нескончаемыя бесѣды о поэзіи древней и современной. Одно время къ нимъ примкнулъ-было или, вѣрнѣе, навязался еще и третій стихотворецъ, Кюхельбекеръ. Восторженный почитатель романтизма, процвѣтавшаго тогда въ Германіи, онъ успѣлъ уломать Дельвига—сообща съ нимъ перечесть

идилліи Гесснера, баллады, оды и элегіи Гёте. Но когда они приступили къ „Мессіадѣ“ Клопштока и имѣли неосторожность пригласить къ участію въ чтеніи и Пушкина, искусственная напыщенность творца „Мессіады“ дала Пушкину такой богатый матеріалъ для колкихъ замѣчаній, что Дельвигъ самъ заразился его насмѣшливостью, а Кюхельбекеръ съ негодованіемъ махнулъ на обоихъ рукой.

Пушкину, впрочемъ, было теперь вообще не до чужихъ писаній. Отъ забившей его разъ писательской лихорадки у него, какъ говорится, руки зудѣли: ему непремѣнно надо было сочинять во что бы то ни стало, но только не какія-нибудь эпиграммы или бывшія тогда въ модѣ „посланія“.

— Я чувствую въ себѣ какую-то сверхъестественную силу!—сознавался онъ, въ минуты откровенія, Дельвигу. — Знаешь, вотъ какъ этотъ древній богатырь русскій, Святогоръ, который хотѣлъ укрѣпить въ небѣ кольцо на желѣзной цѣпи, чтобы за цѣпь ту перевернуть всю землю,—такъ точно и мнѣ хотѣлось бы создать что-нибудь такое, чтобы весь міръ ахнулъ! Трехтомный романъ, что-ли, пятиактную ли драму... Вотъ что, братъ баронъ: напишемъ-ка что-нибудь въ компаніи.

— Что ты, Господь съ тобой!—испугался Дельвигъ.— И безъ меня найдешь себѣ немало компаньоновъ. Вотъ Яковлевъ, напримѣръ, говорилъ мнѣ какъ-то, что смерть хотѣлось бы сочинять вмѣстѣ съ тобой, но что не знаетъ, какъ къ тебѣ подступиться, потому что ты слишкомъ гордъ...

— Съ чего онъ взялъ? Такъ ты, Тося, напрямикъ отказываешься?

— Да, ужъ избавь меня, душа моя, а Яковлеву ты доставишь большое удовольствіе.

— Ну, нечего дѣлать, попытаюсь хоть съ нимъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ по рукамъ лицеистовъ стала ходить новая комедія „Такъ водится въ свѣтѣ“, сочиненная компаніей „Пушкинъ и Яковлевъ“, а осенью, въ одинъ изъ царскихъ праздниковъ, она уже была разыграна на лицейской сценѣ.

Между тѣмъ, Пушкинъ готовилъ товарищамъ новый сюрпризъ. Съ какимъ-то фанатическимъ усердіемъ перелистывалъ онъ по цѣлымъ часамъ имѣвшіяся въ лицейской библіотекѣ нравоописательныя и философскія сочиненія, и нерѣдко поражалъ пріятелей то любопытными подробностями о бытѣ кочующихъ народовъ, то кудреватыми учеными фразами.

— Откуда это у тебя?—недоумѣвали тѣ.

Онъ только таинственно улыбался и отвѣчалъ коротко:

— Когда-нибудь да узнаете.

— Пушкинъ что-то грандіозное затѣваетъ,—шопотомъ передавали другъ другу лицеисты.

„Грандіозное“, дѣйствительно, назрѣвало, и докторъ Пешель первый удостоился проникнуть въ тайну. Пушкинъ встрѣтился съ Пешелемъ съ-глазу на-глазъ въ коридорѣ и обратился къ нему съ убѣдительной просьбой отослать его въ лазаретъ. Докторъ пощупалъ у него пульсъ, потомъ взялъ его голову въ руки и повернулъ лицомъ къ свѣту.

— Гмъ... Пульсъ какъ-будто лихорадочный, глаза тоже... Покажите-ка языкъ.

Мальчикъ едва не фыркнулъ ему въ лицо.

— Да нѣтъ же, докторъ...

— Покажите языкъ, говорю я вамъ!

Пушкинъ на вершокъ высунулъ языкъ: весь онъ былъ точно вымазанъ черной краской или сажей. Отъ такой неожиданности докторъ даже отскочилъ назадъ.

— Что это вы ѣли? — спросилъ онъ: — чернику, что ли?

— Ахъ, нѣтъ, это отъ чернилъ! — расхохотался Пушкинъ.

— Экій вѣдь школьникъ! Чернила пить далеко не безвредно.

— Ну, вотъ, я и отравился ими. Положите меня въ лазаретъ.

— Да вы вправду больны?

— Ужасно боленъ! Ой-ой, какъ въ боку сейчасъ закололо!

— А мы налѣпимъ вамъ здоровую шпанскую мушку, пропишемъ двѣ порціи касторки...

— Нѣтъ, ужъ увольте, докторъ! Въ лазаретѣ я и безъ того живо поправлюсь.

— Понимаю теперь вашу болѣзнь: „febris pritvoralis“? отъ уроковъ отлыниваете?

— Нѣтъ „febris poëtica“.

— Ну, отъ той вѣрнѣйшее средство — уши надрать.

— Можете, если мой „Цыганъ“ не удастся.

— Вашъ цыганъ?

— Ахъ, проболтался! Ну, да все равно, ужъ повѣдаю вамъ, по секрету. Никто еще объ этомъ не знаетъ. „Цыганъ“ — крестное имя моего будущаго литературнаго дѣтища — романа, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ трехъ частяхъ!

— Что такъ много?

— „Мало“, хотите вы сказать? Я дотого, знаете, теперь начитался этихъ серьезныхъ книгъ, дотого набилъ себѣ голову умными мыслями, что онѣ, просто, оттуда вонъ выпираютъ, такъ и рвутся вылиться на бумагу. А гдѣ время взять, когда эти противные уроки да и прогулки покою не даютъ! Смилуйтесь, докторъ! Я за васъ весь вѣкъ буду Богу молиться. Нарочно приглашу васъ на крестины моего дѣтища...

И смилостивился добрякъ-докторъ, отправилъ его въ лазаретъ. Здѣсь навѣщавшіе мнимаго больного пріятели хотя и заставали его, какъ слѣдуетъ, въ больничномъ халатѣ и полулежащимъ на кровати, но всегда съ бумагой около изголовья и съ перомъ въ рукахъ. Напрасно допытывались они, что̀ онъ пишетъ.

— Вотъ ужò, на Рождествѣ, когда будетъ Иконниковъ, какъ-разъ кончу и прочту вамъ,—былъ всегда одинъ отвѣтъ.

Но Илличевскій, особенно заинтригованный таинственною работой опередившаго его соперника по перу, украдкой утащилъ у него изъ-подъ изголовья ворохъ исписанныхъ листковъ, и къ вечеру того-же дня, когда Пушкинъ только-что хватился пропажи, вернулъ ему ихъ съ самымъ лестнымъ отзывомъ о глубинѣ идей, проводимыхъ въ романѣ.

— Изъ тебя, право, выйдетъ новый Вальтеръ-Скоттъ,—заключилъ онъ свой панегирикъ.

— Ну, ужъ и Вальтеръ-Скоттъ!—усмѣхнулся въ отвѣтъ Пушкинъ, готовый-было напуститься на черезчуръ любопытнаго пріятеля, но обезоруженный теперь его искреннею похвалой.—Ты, Илличевскій, прочелъ пока одну первую часть; вотъ, погоди, что̀ скажешь дальше...

Послѣ этого вдохновеніе начинающаго романиста еще болѣе окрылилось, и вторую часть онъ набросалъ въ какіе-нибудь три дня. Повидимому, она удалась ему еще лучше первой. Сначала онъ задумалъ написать три части; но третью можно было скомкать, для ускоренія дѣла, въ видѣ эпилога, а съ эпилогомъ легко справиться и между дѣломъ.

И вотъ, юный романистъ нашъ выписался изъ лазарета. Къ Рождеству, когда эксъ-гувернеръ Иконниковъ, съ самомъ дѣлѣ, навѣстилъ опять своихъ любимцевъ-лицеистовъ, романъ украсился не только эпилогомъ, но и прологомъ.

Въ первый же вечеръ, въ камеру автора на „крестины" были приглашены избранные свидѣтели: изъ взрослыхъ—Иконниковъ да Пешель, изъ товарищей—четверо самыхъ близкихъ—Пущинъ, Дельвигъ, Илличевскій и Корсаковъ. На столѣ горѣли двѣ свѣчи; между ними заманчиво красовался подносъ съ незатѣйливыми сластями: яблоками, леденцами, орѣхами и стручками. Въ печкѣ трещалъ веселый огонь.

— Что печь затопили—хвалю,—говорилъ Иконниковъ, становясь, съ раздвинутыми фалдами, спиной къ грѣющему пламени.—Имѣлъ глупость нынче не пѣхтурой, а конницей изъ Питера притащиться, ну, и перемерзъ, что̀ ледяная сосулька, не могу оттаять.

— Да вы бы, Александръ Николаичъ, присѣли къ самому огню,—хлопоталъ около него молодой хозяинъ, придвигая ему, какъ предсѣдателю, нарочно добытое откуда-то, продавленное вольтеровское кресло.—А васъ, докторъ, не знаю ужъ, право, гдѣ лучше пристроить...

— Не безпокойтесь; я тутъ вотъ, на краешкѣ,—

отвѣчалъ докторъ, усаживаясь на краю кровати и закуривая сигару.—Матеріальнаго довольствія у васъ, я вижу, для всѣхъ припасено, а вотъ хватитъ-ли духовнаго?

— Пара вещицъ есть: одна—помельче въ стихахъ; другая—покрупнѣе, въ прозѣ, словомъ, чего хочешь—того просишь. Правда, первой и самъ я не придаю особеннаго значенія: это не болѣе какъ обычное „посланіе"...

— Къ кому?

— Къ „Другу-стихотворцу".

Глаза всѣхъ присутствовавшихъ, какъ по уговору, обратились на Дельвига. Но Пушкинъ поспѣшилъ разувѣрить ихъ:

— Нѣтъ, я разумѣлъ не того или другого изъ друзей-стихотворцевъ: каждый, кому угодно, можетъ принять на свой счетъ.

Заглянувъ еще разъ въ коридоръ, гдѣ къ дверямъ былъ приставленъ часовымъ старикъ-сторожъ, чтобы ни одинъ непрошенный гость не ворвался въ избранный кружокъ,—Пушкинъ сѣлъ на серединѣ кровати, между двумя ближайшими друзьями, Пущинымъ и Дельвигомъ, разложилъ передъ собой свои писанія, видимо волнуясь, откашлянулся и, не глядя ни на кого, спросилъ:

— Прикажете начать?

— Чего же ждать?—откликнулся отъ печки Иконниковъ.—Вы, знай, читайте, а мы, какъ котъ Крыловскій, будемъ слушать да кушать.

— И такъ,—началъ Пушкинъ:

—„Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнаса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса"...

Тщательно-отдѣланные стихи этого, дѣйствительно, очень удачнаго стихотворенія произвели на всѣхъ слушателей самое отрадное впечатлѣніе. Самъ верховный судія, Иконниковъ, незамѣтно придвинулся даже съ своимъ кресломъ отъ огня къ столу и вполголоса повторялъ наиболѣе хлесткіе стихи, сопровождая ихъ киваніемъ головой.

— „На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива",—прогнусилъ онъ вслѣдъ за чтецомъ, и, отсыпавъ себѣ въ кулакъ изъ знакомой уже читателямъ коробки-тавлинки горсточку табаку, втянулъ его, не спѣша, сперва въ одну ноздрю, потомъ въ другую.—О, какъ это вѣрно!

Еще больше тронуло его поученіе невоздержнаго отшельника мужикамъ.

— Да, милые мои!—вздохнулъ онъ:—азъ, рабъ Божій, для васъ тотъ-же отшельникъ:

„...Какъ васъ учу, такъ вы и поступайте;
Живите хорошо, а мнѣ не подражайте."

По окончаніи чтенія, торжество молодого поэта было полное. Товарищи наперерывъ выражали ему свое восхищеніе; докторъ молча протянулъ ему свою жирную руку и обдалъ его, какъ ѳиміамомъ, клубами сигарнаго дыма, а эксъ-гувернеръ вытащилъ его къ себѣ изъ-за стола и, какъ медвѣдь, крѣпко облапилъ.

— Ну, утѣшилъ, душенька! Ты дѣлаешь честь не одному лицею, а и всей матушкѣ-Россіи. Не сердись, дружище, что я тебя „тыкаю"; ты для меня теперь не чужой, а словно сынъ родной, сыновей же не „выкаютъ".

Результатъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія

Пушкина. Конфузясь своего чрезмѣрнаго успѣха, онъ, въ то-же время, такъ и сіялъ отъ счастія.

— Да ужъ будто такъ недурно?..—бормоталъ онъ, высвобождаясь изъ отеческихъ объятій Иконникова.

— Очень даже недурно,—подалъ теперь голосъ и докторъ Пешель.

— Недурно?!—обидчиво вскинулся на послѣдняго предсѣдатель.—Восхитительно, докторъ, неподражаемо! Вы людей, что̀ кошекъ, рѣжете, такъ у васъ, небось, сердце травой поросло. А у нашего брата, истиннаго любителя и цѣнителя, видите: глаза мокры. Отчего?— Оттого, что всѣ струны сердечныя созвучно затрепетали, забренчали!

— Вы слишкомъ добры, Александръ Николаичъ,— соскромничалъ Пушкинъ;—я очень хорошо самъ сознаю, что только подражаю дядѣ моему Василью Львовичу...

— Поди ты съ нимъ! Ну, гдѣ ему до тебя!... Постой, постой; ты куда это отъ меня?

— На свое мѣсто.

— Нѣтъ, милочка моя, не уйдешь теперь; мѣсто твое тутъ, около меня. Господа! уступите кто-нибудь стулъ. Да не стулъ слѣдуетъ тебѣ, а тронъ!

Усѣвшись на стулъ рядомъ съ Иконниковымъ, Пушкинъ отложилъ въ сторону прочитанное „Посланіе“, привелъ въ порядокъ пачку рукописныхъ листочковъ своего „Цыгана“ и, какъ опьяненный предшествовавшимъ успѣхомъ, побѣдоносно обратился къ слушателямъ съ шутливымъ предисловіемъ:

— Милостивые государи! Стихотвореньице, столь терпѣливо сейчасъ выслушанное вами, было не болѣе, какъ легонькой закуской передъ капитальной прозаи-

ческой трапезой. Сія же послѣдняя будетъ сервирована вамъ въ четыре пріема, именно: въ двухъ частяхъ съ прологомъ и эпилогомъ.

Пресытился ли аппетитъ угощаемыхъ отъ стихотворной закуски, или провизія, изъ которой была состряпана прозаическая трапеза, была черезчуръ сытна и грузна, — только съ особеннымъ наслажденіемъ, казалось, никто ея не вкушалъ. Прологъ выслушали среди гробового молчанія, прерывавшагося только щелканьемъ орѣховъ да пережевываніемъ прочихъ снѣдей. Такое безмолвіе могло быть приписано всеобщему глубокому вниманію, и потому авторъ-чтецъ, не отрывая глазъ отъ рукописи, выждалъ нѣсколько мгновеній, не выскажется-ли кто-нибудь. Но никто отзывомъ не торопился, а докторъ даже обратился шопотомъ къ своему сосѣду съ совершенно постороннимъ вопросомъ:

— Гдѣ вы берете здѣсь эти сочныя яблоки?

Пушкинъ поморщился и скороговоркой приступилъ къ чтенію первой части. Но и та была выслушана такъ-же безучастно. Авторъ уже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ оглядѣлъ присутствующихъ и замѣтилъ, что глаза ихъ точно избѣгали его вопрошающаго взгляда. Кровь горячею волной хлынула ему въ голову, въ вискахъ начало стучать, углы рта судорожно задергало.

— Что же, не нравится?—проговорилъ онъ вызывающимъ тономъ. Но голосъ его, какъ надтреснутый, дрогнулъ.

Настала неловкая для всѣхъ пауза.

— По правдѣ сказать, мало оживленія въ разсказѣ, — добродушно брякнулъ, наконецъ, простякъ-докторъ.

— Это такъ,—подтвердилъ Пущинъ:—цыганъ твой философствуетъ, какъ печатная книга, а между тѣмъ...

— Ну, что ты, профанъ, смыслишь!—не выдержавъ, буркнулъ Пушкинъ. — Вотъ Илличевскій, — кажется, признанный знатокъ,—читалъ эту самую часть и сравнивалъ меня даже съ Вальтеръ-Скоттомъ.

— М-да...—прошамкалъ Илличевскій:—есть нѣкоторое сходство...

— Даже большое,—подхватилъ неугомонный докторъ Пешель: — и вы, и Вальтеръ-Скоттъ одинаково наводите изрядную скуку.

Уязвленный романистъ вспыхнулъ до корней волосъ и готовъ ужъ былъ вскочить со стула. Тогда докторъ, смекнувъ, что зашелъ слишкомъ далеко, предупредилъ его и, какъ ребенка, насильно усадилъ опять на мѣсто.

— Ну, полноте, Пушкинъ! Я вѣдь это такъ, сдуру сболтнулъ. Эге!—добавилъ онъ, взглянувъ на часы:—про паціентовъ-то своихъ я и забылъ. До свиданія, господа!

Пушкинъ, конечно, его не удерживалъ и, исподлобья поглядывая на другихъ, перелистывалъ свою рукопись.

— Нѣтъ, докторъ не правъ,—вступился теперь за друга своего Дельвигъ.—Въ романѣ очень много ума, хорошихъ мыслей... Не правда ли, Корсаковъ?

— О, да...—какъ-то ежась, проговорилъ тотъ и повернулся къ окошку.—Ай, батюшки, какой снѣгъ валитъ!

Бѣдный авторъ безпомощно покосился на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ главнаго цѣнителя, Иконникова.

Но этотъ, нервно ероша себѣ волосы, проворчалъ только:

— Читай дальше!

Подавивъ вздохъ, Пушкинъ наскоро налилъ себѣ стаканъ воды, выпилъ его залпомъ и принялся за вторую часть. Но крылья вдохновенія были уже пришиблены: оно не могло подняться до прежней высоты; читалъ онъ неровно: голосовыя струны то и дѣло обрывались минорными тонами. Вторая часть, вмѣсто того, чтобы увѣнчать его торжество, самому ему показалась теперь даже слабѣе первой; а когда онъ произнесъ опять заключительную фразу: „Конецъ второй части“, предсѣдатель досказалъ подъ тонъ ему:

— „И послѣдней“! Ибо хоть у васъ для дессерта и припасенъ еще эпилогъ... такъ, вѣдь?..

— Такъ... — совсѣмъ упавшимъ голосомъ, чуть слышно пролепеталъ авторъ.

— Но вашего цыгана онъ уже не воскреситъ изъ мертвыхъ; тотъ умеръ и погребенъ на вѣки-вѣчные въ началѣ первой чвсти. Вы, впрочемъ, другъ мой, понапрасну не убивайтесь. Конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается. Будучи поваренкомъ, вы возмнили себя заправскимъ поваромъ и изготовили намъ такую стряпню, что хоть брось. Къ стихамъ есть у васъ несомнѣнный даръ; но въ нихъ чтò главное? Музыка словъ, гуслярный звонъ. „Стрень-брень, гусельки, золотыя струнушки!“ Ну, а для прозы этого маловато. Надо завязку, надо развязку, а первѣе того—житейскую опытность да собственную смекалку. Тутъ надерганными у другихъ сочинителей мысельками не отдѣлаетесь. Я даже скажу вамъ, откуда у васъ чтò. Вы, вѣрно, начитались передъ тѣмъ Шатобріана. Правда?

— Правда...—долженъ былъ сознаться уличенный авторъ. — Изъ быта цыганъ я не могъ ничего подъискать, а краснокожіе, которыхъ описываетъ Шатобріанъ, такіе же кочевники...

— То-то, что не такіе же! И вышелъ у васъ, продувной по природѣ, цыганъ честнѣйшимъ краснокожимъ. Читали вы затѣмъ, вѣроятно, „Признанія“ Руссо?

— Какъ вы это знаете?

— Все, батенька, знаю. Чую у васъ и струйку Вольтера. Вотъ мой совѣтъ вамъ: оставайтесь покуда при вашихъ гусляхъ; мы васъ всегда съ охотою прослушаемъ и спасибо вамъ скажемъ.

Послѣднихъ доброжелательныхъ словъ эксъ-гувернера Пушкинъ ужъ не дослушалъ: онъ сгребъ въ охапку со стола свой злосчастный романъ и бросилъ его въ пылающую печь. Кто-то изъ лицеистовъ ахнулъ; Иконниковъ же одобрилъ, кивнувъ головой.

— Такъ-то лучше, — сказалъ онъ: — сразу сожгли за собой корабли и отрѣзали себѣ отступленіе. Да оно какъ-то и почетнѣе для произведенія ума человѣческаго погибнуть на кострѣ, чѣмъ медленною естественною смертью.

— А гдѣ же мои стихи?—хватился Пушкинъ.

— Вѣрно, въ огонь же спровадилъ,—отвѣчалъ Дельвигъ, который, предвидя, что и стихи можетъ постигнуть одна участь съ прозой, упряталъ ихъ въ карманъ.—Да не пора ли намъ, господа, и по домамъ?

— Пора!—согласился Иконниковъ. — Пусть отдохнетъ наболѣвшее сердце.

Только-что гости, выйдя въ коридоръ, сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ услышали за дверью покинутой камеры грохотъ падающихъ вещей и звонъ разбитой

посуды. Пущинъ повернулъ-было назадъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло, но Иконниковъ удержалъ его:

— Оставьте, не тревожьте.

Затѣмъ онъ обратился къ сторожу-часовому:

— Поди, помоги.

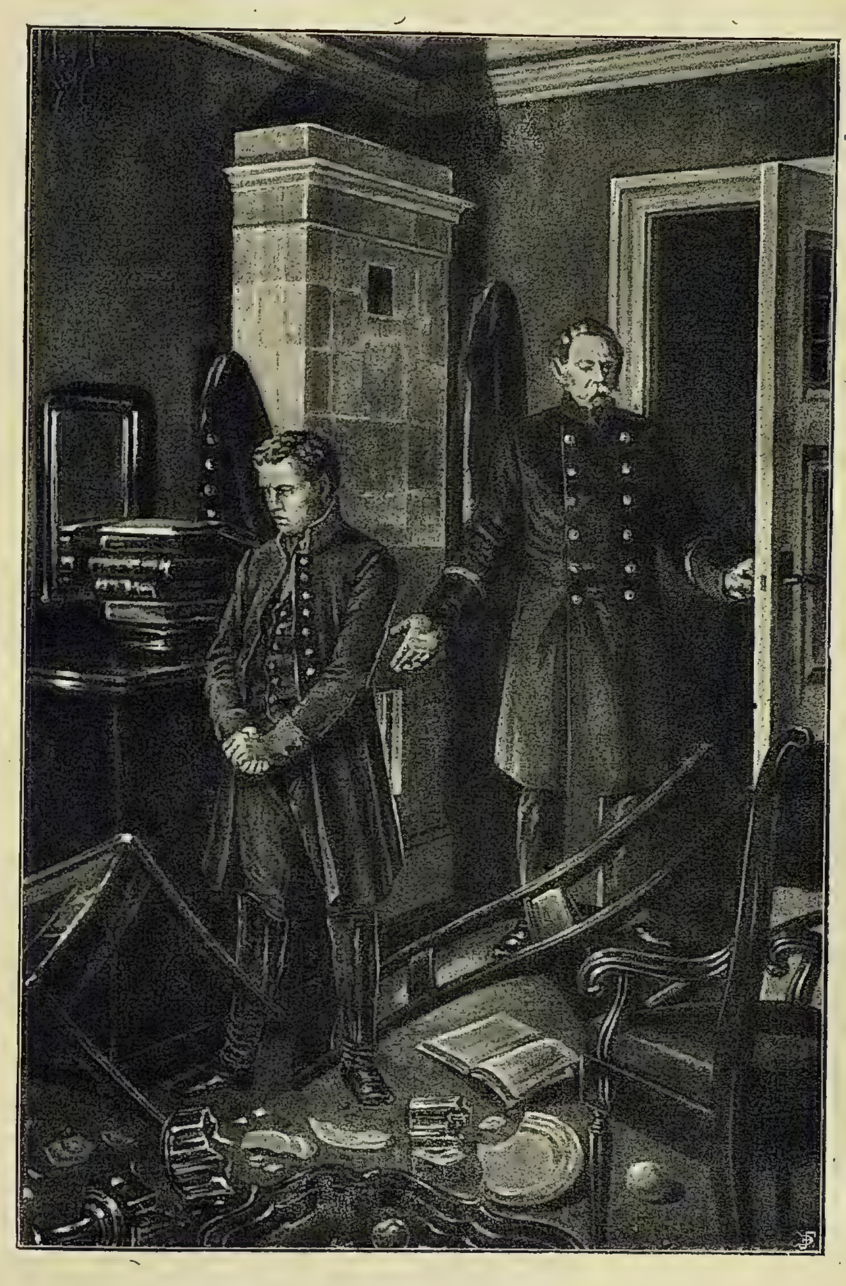
Когда тотъ вошелъ къ Пушкину, глазамъ его представилась картина полнаго разрушенія: столъ, два стула и подносъ лежали на полу, а кругомъ, по всей комнатѣ, были разбросаны остатки лакомствъ и осколки графина и стакана. Надо всѣмъ этимъ, какъ Марій на развалинахъ Кареагена, стоялъ въ мрачномъ раздумьи самъ хозяинъ.

Выждавъ, пока сторожъ подобралъ все съ полу и возстановилъ нѣкоторый порядокъ, Пушкинъ молча указалъ ему на дверь; а когда тотъ вышелъ, онъ схватился обѣими руками за голову и застоналъ, какъ отъ глухой внутренней боли:

— О-о-о!

— Послушай, Пушкинъ, — донесся изъ-за стѣны увѣщевающій голосъ:—зачѣмъ принимать такъ близко къ сердцу!..

— Замолчи, не говори! — крикнулъ Пушкинъ, и, зажавъ ладонями оба уха, забѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Но вслѣдъ затѣмъ, какъ обезсиленный, онъ опустился на стулъ и закрылъ лицо руками. Долго сидѣлъ онъ такъ, съ опущенной головой; но вдругъ, какъ-будто что-то вспомнивъ, вскочилъ опять на ноги, кинулся къ конторкѣ, досталъ со дна ея цѣлый ворохъ своихъ писаній и швырнулъ ихъ въ печь. Съ какою-то злобною радостью слѣдилъ онъ, какъ вспыхнули сперва верхніе листы, какъ потомъ

Марій на развалинахъ Карѳагена.

пламя охватило весь ворохъ и обратило его въ тлѣющую груду пепла...

— А гдѣ же Пушкинъ?—спросилъ за ужиномъ дежурный гувернеръ.

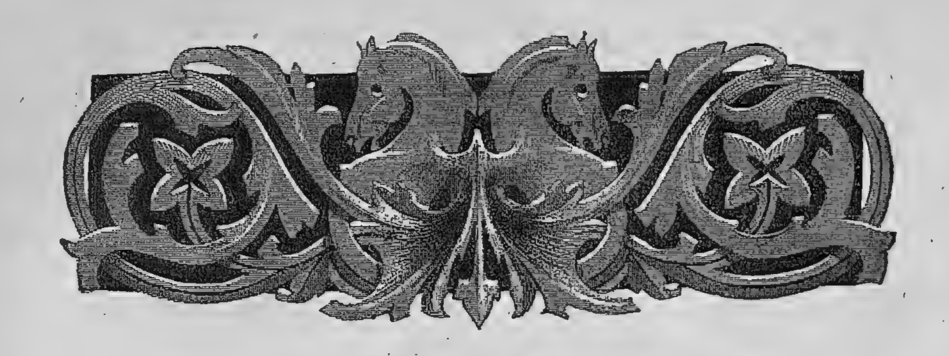
— Оплакиваетъ своего „Цыгана“,—отвѣчалъ за другихъ Гурьевъ, который, какъ парень пронырливый, успѣлъ уже провѣдать обо всемъ.

— Неправда!—горячо вступился за отсутствующаго друга Пущинъ.—Кто тебѣ сказалъ?

— Слухомъ земля полнится.

Послѣ уже выяснилось, что убиравшій камеру Пушкина сторожъ кое-что выдалъ, а объ остальномъ проболтался простодушный Иконниковъ. Понятно, что вѣсть о печальной участи „Цыгана“ быстро разнеслась по всему лицею. Товарищи, впрочемъ, были настолько деликатны, что избѣгали вообще заговаривать съ бѣднымъ авторомъ, который нѣсколько дней ходилъ точно больной: блѣдный, понурый, сторонился ото всѣхъ и замыкался въ своей камерѣ, гдѣ, какъ можно было видѣть изъ коридора въ рѣшетчатое окошко, лежалъ на кровати съ закинутыми за голову руками и съ закрытыми глазами. Гурьевъ вздумалъ-было воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы снова къ нему подольститься, и началъ утѣшать его; но Пушкинъ такъ фыркнулъ на непрошеннаго утѣшителя, что тотъ еле ноги унесъ.

ГЛАВА XXI.

Книги Веды.

„Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.“
(Борисъ Годуновъ.)

„Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...“
(Къ тѣни полководца.)

Кромѣ классныхъ журналовъ, куда заносились отмѣтки по отдѣльнымъ урокамъ, каждый профессоръ и гувернеръ велъ свою особую вѣдомость о „дарованіяхъ, прилежаніи и успѣхахъ“ воспитанниковъ. Хранились эти вѣдомости за стекломъ, въ одномъ изъ шкаповъ конференцъ-залы, и, по своей таинственности, а быть можетъ и по созвучію словъ, назывались у лицеистовъ „Книгами Веды“.

Въ январѣ 1814 года, въ одно воскресное утро, когда всѣ воспитанники отправились къ обѣднѣ въ дворцовую церковь, Гурьевъ, подъ предлогомъ не-

здоровья, не пошелъ съ ними; когда же товарищи вернулись оттуда, онъ съ лукавой улыбкой тихонько зазвалъ къ себѣ въ камеру нѣкоторыхъ изъ нихъ: двухъ ближайшихъ друзей своихъ, Брогліо и Ломоносова, да трехъ другихъ, расположенія которыхъ особенно искалъ,—Пушкина, Дельвига и Горчакова.

— Да что у тебя здѣсь?—недоумѣвали тѣ, когда онъ плотно притворилъ за ними дверь.

— А чудо-чудное, диво-дивное!—отвѣчалъ онъ и съ важностью указалъ на окно:—„Книги Веды"!

Ни подоконникѣ, въ самомъ дѣлѣ, были въ порядкѣ разложены неприкосновенныя дотолѣ вѣдомости лицейскаго начальства.

— Да кто тебѣ позволилъ, Гурьевъ?—удивился Горчаковъ.

— Наивный вопросъ! Развѣ на запретные плоды испрашивается позволеніе?

— Но это можетъ тебѣ и не сойти съ рукъ...

— Сойдетъ!—легкомысленно разсмѣялся въ отвѣтъ шалунъ.—Я даромъ, что ли, тебя-то зазвалъ? Ты, какъ щитъ, меня прикроешь. А теперь, благо ты здѣсь, не хочешь ли взглянуть тоже, что о тебѣ пишутъ?

Прочіе приглашенные, тѣмъ временемъ, съ понятнымъ любопытствомъ наперерывъ уже перелистывали вѣдомости. О Дельвигѣ имѣлся такой отзывъ гувернера Чирикова:

„Насмѣшливъ, упрямъ; впрочемъ, добръ и весьма усерденъ; прилежанія посредственнаго. Хладнокровіе есть особенное его свойство".

Про Гурьева одинъ надзиратель Пилецкій высказывался одобрительно; профессора же и гувернеры

поголовно признавали его „нерадивымъ, лживымъ и лицемѣрнымъ“.

— Вотъ видишь ли, Гурьевъ, что̀ они говорятъ про тебя,—кротко замѣтилъ Дельвигъ:—то-же, что̀ мы съ Пушкинымъ говорили уже не разъ. Будь немножко прямѣе, правдивѣе—и всѣ тебя больше полюбятъ.

— Ну, да, хороши и вы оба съ Пушкинымъ!—хорохорился Гурьевъ:—записные лѣнтяи!

— Себя я не защищаю,—по-прежнему спокойно отозвался Дельвигъ:—но Пушкинъ—другое дѣло; да и въ фальши его ужъ никто не обвинитъ. Вотъ, смотри, какъ думаетъ о немъ Кайдановъ.

„При маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи; а сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе прежняго...“

— Особенно со смерти несчастнаго „Цыгана“!—не безъ ядовитости вставилъ Гурьевъ.

Сдерживавшійся до сихъ поръ Пушкинъ поблѣднѣлъ и съ сжатыми кулаками подступилъ къ насмѣшнику.

— Какъ ты сказалъ? Повтори!

— А тебѣ пріятно дважды слышать такія любезности?—огрызнулся Гурьевъ, ретируясь за Дельвига.— Ну, что же, баронъ, есть тамъ еще что?

— А вотъ мнѣніе Кошанскаго,—отвѣчалъ баронъ, довольный, что можетъ отвлечь вниманіе своего друга отъ обидчика;—ты, Пушкинъ, слушай-ка, какъ этотъ отзывается:

„Больше имѣетъ понятливости, нежели памяти, больше вкуса къ изящному, нежели прилежанія къ

основательному; почему малое затрудненіе можетъ остановить его, но не удержать; ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравняться съ первыми воспитанниками. Успѣхи его въ латинскомъ языкѣ довольно хороши, въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны".

— Ага! что, не правъ развѣ я?—воскликнулъ Гурьевъ.—Даже патронъ его, Кошанскій, находитъ, что успѣхи его „не столько тверды, сколько блистательны". А другіе честятъ его еще не такъ! Вотъ хоть Чириковъ:

„Легкомысленъ, вѣтренъ, неопрятенъ, нерадивъ; впрочемъ — добродушенъ, усерденъ; учтивъ, имѣетъ особенную страсть къ поэзіи".

— Что я вѣтренъ—не отрекаюсь,—согласился Пушкинъ:—неопрятность же и нерадивость моя вся въ томъ, что тетради у меня въ кляксахъ, а пальцы—въ чернилахъ...

— Да и грива, какъ у дикаго звѣря, всклокочена, непричесана!

— Кудрява, такъ и всклокочена; а чесать ее каждыя пять минутъ—слуга покорный!

— Такъ хоть помадилъ бы.

— У льва она тоже никогда не напомажена,—возразилъ, съ своей стороны, Дельвигъ:—а левъ все-же царь звѣрей!

Школьники были такъ заняты своимъ споромъ, что и не замѣтили, какъ дверь отворилась и вошелъ самъ директоръ Малиновскій. Только когда надъ головами ихъ раздался его голосъ: „Что̀ это у васъ тутъ, господа?",—они, какъ отъ удара грома, шарахнулись въ разныя стороны, а Гурьевъ, присѣвъ къ полу, хо-

тѣлъ-было змѣею юркнуть вонъ. Но Малиновскій поймалъ его за шиворотъ и поставилъ передъ собой:

— Вы, милый, куда?.. Откуда у васъ эти вѣдомости?

— Не знаю-съ... кто-нибудь безъ меня принесъ и положилъ...—бодрясь, залепеталъ Гурьевъ.

— Стало-быть, не вы?

— О, нѣтъ! ей-богу, не я! кто-нибудь подсунулъ мнѣ...

— Напрасно вы, конечно, не стали бы божиться,—сказалъ Малиновскій и оглядѣлъ кружокъ лицеистовъ.—Такъ кто-жъ это изъ васъ, господа? И вы здѣсь, Горчаковъ? Не ожидалъ, признаться.

Горчаковъ готовъ былъ сгорѣть со стыда и, какъ красная дѣвица, потупился. Прочіе также молчали; но недовольные взгляды, которые они кидали исподлобья на Гурьева, выдали директору настоящаго преступника.

— Виновнымъ оказываетесь все-таки вы, Гурьевъ, — проговорилъ глубоко возмущенный Малиновскій.—Вы солгали мнѣ!

Тотъ, видя, что попался и не увернется, принесъ повинную.

— Я, право, не хотѣлъ лгать, Василій Ѳедорычъ...

— А солгали и даже побожились! У васъ, значитъ, нѣтъ ни совѣсти, ни религіи! Вы, что-жъ, взломали шкапъ, гдѣ хранились эти журналы?

— Боже меня упаси! Шкапъ былъ отпертъ...

— Это опять неправда: я самъ его запираю и ключъ всегда ношу при себѣ.

— Я ужъ и не понимаю хорошенько, Василій Ѳедорычъ, что̀ говорю... Я отъ испуга такъ теперь разстроенъ, что на меня точно туманъ какой нашелъ. .

— Это бываетъ съ лжецами! Но я помогу вашей памяти. Вы, просто, какой-нибудь ключъ подобрали?

— Ахъ, да! Ключикъ отъ моей конторки приходился къ тому шкапу. „Дай-ка,—думаю,—не откроется ли?“ А тутъ какъ разъ лежали предо мной эти журналы. „Дай,—думаю,—возьму ради шутки...“

— Эта шутка вамъ дорого обойдется! Если вы съ подобраннымъ ключемъ добываете то, что̀ положено не для васъ, вы способны на все.

— Въ послѣднiй разъ простите!—взмолился теперь не на шутку струхнувшiй школьникъ.

— „Въ послѣднiй разъ“ вы уже получили прощенiе. Теперь все будетъ зависѣть отъ рѣшенiя конференцiи.

— Мы всѣ въ этомъ немножко виноваты, Василiй Ѳедорычъ,—заступился тутъ за товарища Пушкинъ:—намъ тоже хотѣлось узнать, что̀ думаетъ о насъ начальство...

— Такъ вы были съ нимъ заодно?

— Нѣтъ, до сихъ поръ мы ничего объ этомъ не знали.

— И, навѣрное, не сдѣлали бы того, что̀ онъ?

— Нѣтъ!

— Вотъ видите ли: вы сами осудили его.

— Да вѣдь на милость, Василiй Ѳедорычъ, образца нѣтъ! А вы столько грѣховъ ужъ намъ простили, — простите же и его еще разъ!

Въ мягкосердомъ Васильѣ Ѳедоровичѣ происходила явная борьба, морщины на лбу его слегка сгладились. Но онъ не счелъ пока возможнымъ уступить безусловно.

— О Гурьевѣ рѣчь впереди,—сухо оборвалъ онъ этотъ разговоръ.—А что касается васъ самихъ, Пуш-

кинъ, то любопытство ваше удовлетворено: вы узнали, какого мнѣнія о васъ начальство...

— Узналъ...

— И нисколько не желали бы измѣнить этого мнѣнія? Всѣ признаютъ, вѣдь, что дарованія ваши незаурядныя, но что прилежаніе ваше оставляетъ желать многаго. Боюсь, что, когда меня не будетъ съ вами, вы совсѣмъ, пожалуй, какъ Гурьевъ, съ пути собьетесь...

Директоръ не договорилъ: его сталъ душить страшный кашель. Онъ кашлялъ ужъ нѣсколько недѣль, а отъ его сына воспитанники слышали, что онъ сильно страдаетъ грудью; да и сами они не могли не замѣтить происшедшей съ нимъ въ короткое время поразительной перемѣны: онъ исхудалъ, какъ скелетъ, сгорбился, началъ говорить какимъ-то беззвучнымъ, упавшимъ голосомъ, и даже характеръ его, всегда ровный и благодушный, какъ будто сдѣлался раздражительнѣе. Теперь онъ самъ открыто заявилъ о своемъ опасномъ положеніи.

— Да, друзья мои,—сказалъ онъ, когда кончился припадокъ кашля, и онъ могъ опять перевести духъ,—скоро, скоро, не сегодня, такъ завтра, меня ужъ не станетъ...

— Что̀ вы говорите, Василій Ѳедорычъ!—воскликнулъ Горчаковъ, порывисто хватая его за руку.

Малиновскій оглянулся на дверь и продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Только сыну Ивану не передавайте, господа. Отъ васъ мнѣ нечего скрывать: смерть стережетъ меня, я это чувствую тутъ, въ разбитой груди. Но, какъ часовой на своемъ посту, я до послѣдней минуты буду испол-

нять свой долгъ. И вамъ бы, милые мои, слѣдовало дѣлать то же... Ахъ, Пушкинъ, Пушкинъ! за васъ, признаться, мнѣ больнѣе всего. При вашихъ прекрасныхъ природныхъ задаткахъ вы могли бы пойти очень далеко. А что еще изъ васъ выйдетъ! Возьмите себѣ въ образецъ вотъ хоть этого товарища и друга вашего — Горчакова. Вѣдь онъ—другъ вашъ?

— Да, я съ перваго дня его полюбилъ...

— И я тебя тоже, — отвѣтилъ съ чувствомъ маленькій князь, протягивая ему руку.

— Кажется, всѣ вы, господа, точно такъ же расположены къ князю?—продолжалъ Малиновскій.

— Всѣ!—былъ единодушный отвѣтъ.

— Ну, вотъ. А это ему не мѣшаетъ пользоваться расположеніемъ и начальства. Такъ-какъ журналы у насъ теперь подъ рукой, то я вамъ прочту, что̀ думаютъ о немъ.

Горчаковъ такъ и оторопѣлъ.

— Помилуйте, Василій Ѳедорычъ...

— Вамъ, другъ мой, конфузно слышать похвалы себѣ? — благосклонно усмѣхнулся Василій Ѳедоровичъ.—Ну, что-же, можете покуда выйти въ коридоръ.

— Нѣтъ, умоляю васъ...

— Ступай, ступай! — прервалъ его Пушкинъ, по-пріятельски выпроваживая его за дверь.

Между тѣмъ, директоръ, отыскивая въ одной изъ вѣдомостей имя выпровожденнаго, снова раскашлялся и схватился за грудь.

— Нѣтъ, не могу самъ...—проговорилъ онъ.—Прочтите за меня, Пушкинъ... Вотъ замѣтка о князѣ гувернера вашего Чирикова.

Пушкинъ прочелъ слѣдующее:

„Благоразуменъ, благороденъ въ поступкахъ, любитъ крайне ученіе, пріятенъ, вѣжливъ, усерденъ, чувствителенъ, кротокъ, но самолюбивъ. Отличительныя его свойства: самолюбіе, ревность къ пользѣ и чести своей и великодушіе."

— Самолюбіе — не порокъ, а скорѣе добродѣтель, если сопровождается усердіемъ и великодушіемъ,—пояснилъ Малиновскій.—И такъ же точно отзываются о Горчаковѣ всѣ профессора. Прочтите, напримѣръ, недавній отзывъ Николая Өедорыча.

Отзывъ профессора Кошанскаго (отъ 15 декабря 1813 года) былъ такой:

„Одинъ изъ немногихъ воспитанниковъ, соединяющихъ многія способности въ высшей степени. Особенно замѣтна въ немъ быстрая понятливость, объемлющая вдругъ и правила, и примѣры, которая, соединяясь съ чрезмѣрнымъ соревнованіемъ и съ какимъ-то благородно-сильнымъ честолюбіемъ, открываетъ быстроту ума въ немъ и нѣкоторыя черты генія. Успѣхи его превосходны".

— И въ васъ, Пушкинъ (что̀ таить!), есть признаки генія, — загорилъ опять Малиновскій: — но успѣхи ваши, увы! далеко „не превосходны". Знаете старую, но золотую пословицу: „корень ученія горекъ, да плоды его сладки"? А вы, вмѣсто того, чтобы углубиться въ этотъ корень, гоняетесь за мыльнымъ пузыремъ — поэзіей.

Дружелюбно-грустный тонъ, которымъ были произнесены эти слова, а еще болѣе, быть можетъ, удрученный болѣзнью видъ любимаго директора произвели на Пушкина сильное впечатлѣніе. Къ тому же онъ и самъ теперь, казалось, махнулъ рукой на поэзію. Онъ

поникъ головой и не возразилъ ни слова. За то молчаливый въ иное время, Дельвигъ отшутился вмѣсто него:

— Да вѣдь у поэзіи-то, Василій Ѳедорычъ, и корень сладокъ!

— А плоды горьки! — подхватилъ собравшійся между тѣмъ съ духомъ Гурьевъ. — Пушкинъ съѣлъ на дняхъ такой грибъ...

— Отъ котораго вы поперхнетесь! — рѣзко оборвалъ его Малиновскій.—Извольте-ка идти за мной.

И, захвативъ похищенныя вѣдомости, онъ сдалъ шалуна на руки первому, попавшемуся имъ въ коридорѣ дядькѣ для заключенія въ карцеръ. Оттуда заключенникъ, хотя и былъ дня черезъ два выпущенъ, но только для того, чтобы ужъ навсегда покинуть стѣны лицея: согласно рѣшенію конференціи, несмотря на заступничество Пилецкаго, матери неисправимаго школьника было предложено взять его изъ заведенія „по домашнимъ обстоятельствамъ“. Кромѣ его самого, никто изъ лицеистовъ не пролилъ ни слезинки по случаю его внезапнаго ухода.

Что же касается Пушкина, то для него исторія съ „Книгами Веды“ должна была имѣть, напротивъ, самыя плодотворныя послѣдствія. Въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ, профессора не могли нахвалиться его усердіемъ и блестящими отвѣтами, за исключеніемъ, впрочемъ, профессора математики Карцова, наука котораго по-прежнему не давалась Пушкину, такъ какъ безъ основательной первоначальной подготовки она, какъ зданіе, построенное на рыхломъ пескѣ, не имѣетъ необходимой прочности.

Трудно сказать, насколько времени хватило бы у него этого рвенія, если бы оно не было разомъ охлаж-

дено роковымъ событіемъ, перевернувшимъ вверхъ дномъ весь бытъ лицейскій: опасенія, высказанныя директоромъ относительно недолговѣчности своей, 23 марта 1814 года, къ несчастію, оправдались. Утромъ Василій Өедоровичъ черезъ силу зашелъ въ классы, а вечеромъ его уже не стало.

Подобно своему здоровью и благополучію, мы до тѣхъ поръ не знаемъ цѣны милымъ намъ людямъ, пока ихъ вдругъ не лишимся. Вѣтренику Пушкину никогда и въ голову не приходило давать какую-нибудь цѣну заботамъ о немъ Малиновскаго, и только послѣ знаменательнаго разговора по поводу „Книгъ Веды“ въ немъ проснулось сознаніе этой заботливости. Теперь же, когда угасъ навсегда человѣкъ, въ рукахъ котораго была вся его дальнѣйшая судьба, ему сдавалось, что солнце на небесахъ мгновенно потухло и весь міръ охватила одна непроглядная тьма. За гробомъ онъ шелъ объ руку съ старшимъ сыномъ покойнаго, лицеистомъ Иваномъ Малиновскимъ, который былъ ему теперь ближе всѣхъ другихъ пріятелей и друзей. Когда дорогóй имъ обоимъ прахъ стали опускать въ мерзлую землю, бѣдный сынъ истерически разрыдался: „О, Боже, Боже! за что Ты такъ жестоко накадалъ меня!“ Ноги у него подкосились и онъ готовъ былъ, кажется, ринуться стремглавъ вслѣдъ за отцомъ. Но твердая рука удержала его—рука Куницына, стоявшаго рядомъ съ нимъ, по другую сторону; убитый же духъ его молодой профессоръ старался поднять и оживить словами разума и вѣры:

— Не забудьте, другъ мой, что вы, какъ старшій братъ, теперь единственная опора вашей семьи. Утрата ваша безмѣрна, но роптать на Бога вамъ грѣшно: мо-

жете ли вы знать, для чего Онъ ниспославъ вамъ это горькое испытаніе? Когда вы были еще малымъ ребенкомъ, вы не понимали вѣдь всѣхъ требованій вашего отца, но слѣпо повиновались ему, потому что вѣрили, что онъ дурному васъ не научитъ. Вѣрьте же, что и Всевышній Отецъ вашъ недаромъ причинилъ вамъ эту глубокую скорбь, что такъ нужно было.

И рыданія безутѣшнаго сына понемногу утихли; улеглось и глухое отчаянье Пушкина, не пропустившаго ни одного слова утѣшителя. Но энергія въ немъ была уже потрясена; уроки пошли съ этихъ поръ опять кое-какъ. Да и профессора, впрочемъ, относились теперь къ своему дѣлу какъ-то равнодушнѣе: бразды управленія лицеемъ, выпавъ изъ мягкихъ, но опытныхъ рукъ покойнаго директора, вообще поослабли.

— Что-то будетъ? кого дадутъ намъ?—озабоченно толковали между собой и профессора, и лицеисты.

— Хуже будетъ! — вздыхалъ Пушкинъ, — второго Василья Ѳедорыча намъ не найти!

Онъ былъ правъ. Настала для лицея самая тяжелая, безотрадная пора—пора безначалія, „междуцарствія“ (какъ называли ее впослѣдствіи), продолжавшаяся безъ малаго два года. Благодаря ненормальнымъ условіямъ этого „междуцарствія“, отроки-лицеисты преждевременно созрѣли, обратились въ юношей-скороспѣлокъ; но за то и цвѣтъ молодой Музы нашего будущаго великаго поэта распустился ранѣе и пышнѣе, чѣмъ то было бы при обыкновенныхъ условіяхъ.

Этому второму, юношескому періоду лицейской жизни Пушкина мы посвятили отдѣльную повѣсть.

РОДОСЛОВНАЯ А. С. ПУШКИНА.

Петръ Пушкинъ, царскій стольникъ въ 1677 г.

Александръ. — Ѳедоръ.

Алексѣй.

Абрамъ Ганнибалъ, арапъ Петра Великаго; женатъ на нѣмкѣ Христинѣ Матвѣевнѣ Шебергъ.

Левъ, артиллеріи полк., † 1799 г. — Петръ, генералъ-артиллер., † 1822 г. — Иванъ, ген.-лейт., основ. Херсона, опекунъ Надежды Осиповны, крестный отецъ Ольги Сергѣевны. † 1800 г. — Осипъ, во флотѣ, † 1806 г. (Супруги.) Марья, † 1809 г. — Михаилъ.

Василій, поэтъ, † 1830 г. — Анна, † 1824 г. — Сергѣй, чиновникъ V кл., † 1848 г. (Супруги.) Надежда, † 1836 г. — Алексѣй, переводч. Мольера.

Ольга, за Павлищевымъ, † 1868 г. — АЛЕКСАНДРЪ, поэтъ, 1799—1837 г. — Левъ, † 1853 г.

ПЕРЕЧЕНЬ

главнѣйшихъ сочиненій, послужившихъ матеріаломъ для настоящей повѣсти.

1) Сочиненія А. С. Пушкина и, особенно, «Записки» его.
2) «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи». П. В. Анненкова. 1873 г.
3) «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. 1799—1826 г.». П. Анненкова. 1854 г.
4) «Родъ и дѣтство Пушкина». П. Бартенева. («Отеч. Записки», 1853 г., № 11.)
5) «А. С. Пушкинъ въ дѣтствѣ». М. Макарова. («Современникъ», 1843 г., № 3.)
6) «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи». П. Бартенева. Глава I. Дѣтство.—Глава II. Лицей. («Московскія Вѣдомости» 1854 г., №№ 71, 117—119.)
7) «Сельцо Захарово». Н. Берга. («Москвитянинъ» 1851 г., № 9.)
8) «А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія», изд. 1864 г.
9) «Къ біографіи Пушкина. Выдержки изъ записной книжки». М. И. Семевскаго. («Русскій Вѣстникъ» 1869 г., № 11.)
10) «Альбомъ Пушкинской выставки 1880 г.», изд. Общ. Любит. Росс. Словесности, подъ редакціею Л. Поливанова, 1882 г.
11) «Записки И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ». («Атеней», 1859 г., № 8.)
12) «Пушкинъ въ лицеѣ и его лицейскія стихотворенія». В. Гаевскаго. («Современникъ», 1863 г., №№ 7 и 8.)
13) «Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лицея». 1856 г.
14) «Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея». И. Селезнева, 1861 г.
15) «Старина царскосельскаго лицея». Я. К. Грота. («Русск. Архивъ», 1875 г., № 4.)
16) «Воспоминанія лицеиста». («Русскій Архивъ», 1866 г.)
17) «Извлеченія изъ писемъ Илличевскаго». («Русскій Архивъ», 1864 г.)
18) «Дельвигъ». В. Гаевскаго. («Современникъ», 1853 г., № 2.)
19) «В. К. Кюхельбекеръ. 1797—1846». Ю. В. Кусова и М. В. Кюхельбекера. («Русская Старина», 1875 г., № 7.)
20) «В. Л. Пушкинъ». Біограф. очеркъ В. П. Авенаріуса. («Историческій Вѣстникъ», 1882 г., № 3.)
21) «А. И. Тургеневъ». И. И. Срезневскаго. («Русская Старина», 1875 г., № 3).

22) «Генералъ-аншефъ Авр. Петр. Ганнибалъ (арапъ Петра Великаго)». М. Д. Хитрова. («Историч. статьи» его, 1873 г.)

23) «Обозрѣніе жизни и царствованія императора Александра Перваго». Н. Путяты. («XIX вѣкъ» 1872 г., книга 1-я.)

24) «Императоръ Александръ I въ воспоминаніяхъ Шуазель-Гуфье». («Русская Старина, 1877 г., № 12.)

25) «Воспоминанія перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Ѳеодоровны», между прочимъ, объ императорѣ Александрѣ I. («Русская Старина», 1875 г., № 4.)

26) «Полное собраніе сочиненій» А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, 1850. Т. IV и V. (Отечественная война 1812 года.)

27) «Записки о 1812 годѣ Сергѣя Глинки, перваго ратника московскаго ополченія», 1836 г.

28) «Н. Н. Раевскій». Н. М. Орлова. («Русская Старина», 1874 г., № 9.)

29) «О Мѣдномъ Всадникѣ А. С. Пушкина.» П. Бартенева. («Русскій Архивъ», 1877 г. № 8.)

30) «Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива». Письма къ князю П. А. Вяземскому по поводу войны 1812 года. («Русскій Архивъ», 1866 г.)

31) «Разсказы о русской старинѣ», С. Н. Шубинскаго. 1871.

32) «Записки современника съ 1802 по 1809 годъ. Ч. I. Дневникъ студента» (С. П. Жихарева). 1859.

33) «Выдержки изъ старой записной книжки, въ 1812 г.». Князя П. А. Вяземскаго. («Русскій Архивъ» разныхъ годовъ.)

лаетъ это такъ искренне и тепло, какъ будто бы самъ видѣлъ и испыталъ все разсказанное, и это придаетъ такую обаятельность простому въ сущности пересказу, что, начавъ читать, положительно едва можешь оторваться отъ книги. Несомнѣнно, что «Васильки и Колосья» займутъ подобающее имъ мѣсто въ ученическихъ библіотекахъ, а также обратятъ на себя вниманіе всѣхъ родителей, заботящихся о разумномъ чтеніи для своихъ дѣтей». (*«Образованіе»*).

Меньшой потѣшный. Историческая повѣсть изъ молодости Петра Великаго. Съ портретомъ князя А. Д. Меньшикова и 7 отдѣльными рисунками. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 60 к., въ изящн. коленкор. переплетѣ 80 к. **Допущена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.**

Дѣтскіе годы Моцарта. Біографическій разсказъ (По Герибергу Рау). Съ портретомъ Моцарта и картинами. Ц. 20 к. **Допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.**

Во львиной пасти. Историческая повѣсть для юношества изъ эпохи основанія Петербурга. Съ 19-ю рисунк. Р. Штейна и снимкомъ съ современной гравюры. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ коленк. перепл. 2 р. 50 к. **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебн. заведеній и въ народныя читальни; Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи рекомендована для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства, а равно и для наградъ воспитанницамъ.**

Отзывъ печати: «Не знаешь, чему дать предпочтеніе—тонкому-ли историческому чутью автора, умѣющему схватить духъ времени и придать смыслъ всякому, повидимому, самому ничтожному факту, или психологическому его пониманію жизни, благодаря которому душевныя движенія дѣйствующихъ лицъ принимаютъ характеръ законности и необходимости, или, наконецъ, рѣдкому таланту объективнаго повѣствованія и художественнаго воспроизведенія внѣшнихъ явленій и внутренняго міра. Авторъ повѣсти въ полной мѣрѣ обнаруживаетъ всѣ названныя достоинства, въ прекрасномъ сочетаніи дополняющія одно другое, и совершенно понятенъ тотъ громадный интересъ, какой возбуждаетъ въ читателѣ эта историческая повѣсть. Она не читается, а проглатывается или, вѣрнѣе, повѣсть поглощаетъ читателя, и я бы назвалъ ее «Львиною пастью» по этой именно причинѣ». (*«Сѣверный Вѣстникъ»*).

Отроческіе годы Пушкина. Біографическая повѣсть. Изданіе 6-е, иллюстрированное 8-ю рисунками и портретомъ Пушкина. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. **Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для старшаго возраста.** Значится въ каталогѣ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ, изданномъ по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія. **Рекомендована Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для ротныхъ библіотекъ среднихъ и старшихъ ротъ кадетскихъ корпусовъ. Допущена Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ. Рекомендована Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи для чтенія въ трехъ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для подарковъ.**

Отзывъ печати: «Счастливая мысль—нарисовать въ живыхъ образахъ, на основаніи точныхъ біографическихъ и историческихъ источниковъ, дѣтство и отрочество великаго поэта—выполнена авторомъ съ большимъ успѣхомъ. По-

видимому, книга его назначена для юношескаго возраста; но живость изложенія, масса интересныхъ бытовыхъ и фактическихъ подробностей изъ жизни начала нашего (XIX) вѣка, рельефно очерченная личность Пушкина въ средѣ его товарищей —даютъ книгѣ этой право на болѣе широкій и зрѣлый кругъ читателей. Нѣкоторыя главы ея представляютъ собою маленькія историческія картинки, написанныя съ большимъ умѣньемъ». («*Вѣстникъ Европы*»).

Юношескіе годы Пушкина. Біографическая повѣсть. Изданіе 4-е. Съ 6-ю портретами и 3-мя рисунками. Цѣна 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 50 к. Въ прежнихъ изданіяхъ **рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для старшаго возраста. Значится въ каталогѣ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ, изданномъ по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія. **Рекомендована Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній** для ротныхъ библіотекъ среднихъ и старшихъ ротъ кадетскихъ корпусовъ. **Одобрена Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи** для ученическихъ библіотекъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. **Допущена Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ** въ ученическія библіотеки духовныхъ семинарій, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ, а равно и женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства.

Отзывъ печати: «Вотъ въ полномъ смыслѣ слова «историческая повѣсть»; тутъ все вѣрно исторіи и ея документамъ; тутъ встаютъ въ воображеніи читателя живыя лица и заставляютъ переживать съ ними описываемыя талантливымъ авторомъ событія; тутъ все полно интереса, приковывающаго вниманіе читателя. Ей—это мы предсказываемъ съ увѣренностью—предстоитъ сдѣлаться одною изъ любимѣйшихъ книгъ юношества». («*Русскія Вѣдомости*»).

Гоголь-гимназистъ. Первая повѣсть изъ біографической трилогіи **„Ученическіе годы Гоголя“**. Изд. 6-е. Съ 11 портретами и видами. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленкор. переплетѣ съ золотомъ 2 р. **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена** для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и допущена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. **Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи рекомендована** для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для наградъ воспитанницамъ.

Отзывъ печати: «Гоголь-гимназистъ»—это новый трудъ В. П. Авенаріуса, одного изъ симпатичнѣйшихъ и наиболѣе образованныхъ руководителей нашего юношества, который, при всей неоспоримости своего таланта, какъ беллетриста, бо́льшую часть своего творчества удѣляетъ подрастающимъ поколѣніямъ, коимъ, удручаемымъ сухостью и педантичностью учебниковъ, такъ необходимо освѣжающее ихъ переутомленные мозги и взывающее къ ихъ воображенію чтеніе. Духовная пища въ произведеніяхъ г. Авенаріуса предлагается молодымъ читателямъ въ видѣ живыхъ образовъ, картинъ, сценъ, вѣрныхъ исторической и бытовой правдѣ и непосредственно дѣйствующихъ на воображеніе и память». («*Новости*»).

Гоголь-студентъ. Вторая повѣсть изъ біографической трилогіи **„Ученическіе годы Гоголя“**. Изданіе 3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Съ 12 портретами и видами. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. Въ первомъ изданіи **одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. **Рекомендована Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи** для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства, а также и для наградъ воспитанницамъ.

Отзывы печати: Вторая часть трилогіи—Гоголь-студентъ—можетъ быть причислена къ лучшимъ книгамъ для юношескаго чтенія. На 238 страницахъ живымъ языкомъ представлены въ живыхъ образахъ не только самъ Гоголь, но и цѣлая толпа лицъ, имѣвшихъ съ нимъ соприкосновеніе и такъ или иначе вліявшихъ на его душу, характеръ и тогда еще формировавшійся умъ».
(«*Новое Время*»).

«Новая книга г. Авенаріуса отличается всѣми достоинствами, дающими ей право на названіе превосходнаго сочиненія, интереснаго для всякаго образованнаго человѣка, а не только молодого читателя... Издана книга роскошно».
(«*Русская Школа*»).

Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи **„Ученическіе годы Гоголя“.** Изданіе 3-е. Съ 15 портретами и рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 25 к. Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. Рекомендована Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Отзывъ печати: «Со свойственнымъ ему мастерствомъ, правдивостью и глубокимъ психологическимъ чутьемъ, заставляетъ г. Авенаріусъ слѣдить аудиторію за развитіемъ литературнаго дарованія своего героя, знакомиться съ вліяніями, пережитыми этимъ дарованіемъ, и образовавшимися на немъ напластованіями. Какъ и въ первыхъ двухъ томахъ, здѣсь, что ни страница, что ни эпизодъ, что ни сценка, то все основано на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ и почерпнуто изъ громадной исторической и критической литературы, которою пользовался талантливый авторъ... Трилогія г. Авенаріуса, безъ сомнѣнія, окажется одною изъ лучшихъ воспитательныхъ книгъ въ школьномъ обиходѣ русскаго учащагося юношества». («*Историч. Вѣстникъ*»).

Передъ разсвѣтомъ. Повѣсть для юношества изъ послѣднихъ лѣтъ крѣпостного права. Изданіе 2-е. Съ 20 рисунками и портретами. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена для ученическихъ, младшаго и средняго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи рекомендована для ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для подарковъ.

Отзывъ печати: «Это не только повѣсть для юношества, но и гражданскій подвигъ, совершенный маститымъ литераторомъ на пользу русскаго юношества. Тяжелое, мрачное время взялся г. Авенаріусъ разсказать своей молодой, впечатлительной публикѣ,—время, когда Россія была черна неправдой черной и игомъ рабства клеймена, и врядъ ли возможно справиться съ этой задачей успѣшнѣе, чѣмъ удалось г. Авенаріусу. Повѣсть г. Авенаріуса—убѣжденный и талантливый протестъ противъ сословнаго насилія человѣка надъ человѣкомъ, апогей котораго создался на Руси въ печальной памяти о крѣпостномъ правѣ. Теперь, когда изъ среды оскудѣлаго дворянства нерѣдко слышатся своекорыстные голоса, проповѣдывающіе чуть не полное оправданіе этого отвратительнаго института, книга г. Авенаріуса является особенно кстати. Можно съ увѣренностью надѣяться, что юноша, который ознакомится съ картинами крѣпостного права и съ исторіей паденія его по разсказу В. П. Авенаріуса, никогда не станетъ сторонникомъ русской дореформенной старины, съ ея мнимымъ рыцарствомъ и дѣйствительнымъ невѣжествомъ и гнетомъ».
(«*Россія*»).

За тридцать лѣтъ. Образцы русской поэзіи. (Выбраны для юношества). Цѣна 1 р. 25 к., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущены въ учи-

тельскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. **Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи рекомендованы** для ученическихъ библіотекъ всѣхъ возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній **и для подарковъ.**

Отзывъ печати: «Составитель этого сборника справедливо говоритъ, что для ознакомленія нашего юношества съ разными поэтами, до Майкова включительно, издано нѣсколько хрестоматій и сборниковъ; изъ позднѣйшихъ-же поэтовъ въ этихъ сборникахъ лишь очень немногіе нашли себѣ мѣсто. Между тѣмъ среди произведеній новыхъ поэтовъ послѣдняго тридцатилѣтія есть, конечно, много такихъ, которые могли бы принести нашему юношеству и большое удовольствіе, и несомнѣнную пользу.—Сборникъ г. Авенаріуса и отвѣчаетъ этой задачѣ ознакомленія молодого поколѣнія съ молодой поэзіей. Какъ все, что выходитъ изъ рукъ г. Авенаріуса, и этотъ сборникъ составленъ съ любовью къ дѣлу, съ сознаніемъ и осмотрительностью, и дѣйствительно является прекрасной хрестоматіей, которую можно смѣло дать въ руки нашему юношеству». *(«Нива»).*

Первый вылетъ. Путевой дневникъ институтки. Съ видами и картинами. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ изящномъ коленкор. перепл. 1 р. 60 к. **Допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. **Рекомендованъ Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи** для ученическихъ библіотекъ среднихъ и старшихъ классовъ женскихъ институтовъ и гимназій вѣдомства, **а также и для наградъ.**

Отзывъ печати: «Г-нъ Авенаріусъ принадлежитъ къ числу немногихъ русскихъ писателей, умѣющихъ увлекательно и жизненно, безъ сентиментальныхъ прикрасъ, писать для юношества. То же можно сказать и про нынѣ вышедшую книжку «Первый вылетъ», представляющую изъ себя дневникъ молоденькой институтки, описывающей свое первое заграничное путешествіе. Тонъ дневника наивной, непосредственной, жизнерадостной дѣвушки выдержанъ вполнѣ; встрѣчаются красивыя описанія природы, Альпъ, итальянскихъ озеръ и др. Мѣтко очерчены внѣшнія физіономіи Берлина, Вѣны, Люцерна; вставлено много разнообразныхъ занимательныхъ эпизодовъ,—и все это въ общемъ дѣлаетъ книгу очень интересной и поучительной для юношества школьнаго возраста. Книга издана очень хорошо, а прекрасные виды и снимки съ картинъ дополняютъ пріятное впечатлѣніе». *(«Приднѣпровскій Край»).*

Три вѣнца. Первая повѣсть изъ исторической трилогіи **„За царевича“** (изъ временъ перваго Самозванца, въ передѣлкѣ для юношества изъ романа того же названія). Съ 12 рис. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 25 к. **Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** для ученическихъ, младшаго и средняго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ. **Рекомендована Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи** для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Отзывъ печати: «Г-нъ Авенаріусъ, несмотря на то, что это время до него исчерпано уже многими, прекрасно сумѣлъ справиться со своею задачей. Кромѣ неослабѣвающаго ни на минуту интереса фабулы, книга г. Авенаріуса богата любопытными историческими и бытовыми подробностями не только русскаго, но и польскаго государства и общества того времени, и является прекраснымъ подаркомъ нашему юношеству старшаго возраста». *(«Новое Время»).*

Сынъ атамана. Повѣсть для юношества изъ быта запорожцевъ. (Вторая повѣсть изъ исторической трилогіи **„За царевича“**). Изданіе 2-е. Съ 8 рисунками. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 60 к. **Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** для ученическихъ, младшаго и средняго возраста, библіотекъ сред-

нихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. **Рекомендована Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи** для ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Отзывъ печати: «Имя В. П. Авенаріуса, какъ любимаго дѣтьми и подростками автора, пользуется у насъ большою извѣстностью. Каждое его произведеніе написано художественно, продуманно. Безъ опаски можно дать такую книжку и ребенку, и юношѣ, которые найдутъ въ ней, кромѣ интереснаго содержанія и хорошаго языка, также и поученіе, не привязанное, какъ у многихъ иныхъ авторовъ, бѣлыми нитками къ фабулѣ, а непосредственно изъ нея вытекающее. Герои г. Авенаріуса бодрятъ душу читателя, наводятъ его на мысли о добрѣ и любви къ ближнему». *(«Варшавскій Дневникъ»).*

На Москву! Историческая повѣсть изъ временъ перваго Самозванца. (Третья повѣсть изъ исторической трилогіи **„За царевича“**). Съ 2 портретами и 16 рисунками. Цѣна 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 50 к. **Допущена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, младшаго и средняго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. **Рекомендована Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Императрицы Маріи** для ученическихъ библіотекъ, средняго и старшаго возрастовъ, среднихъ учебныхъ заведеній.

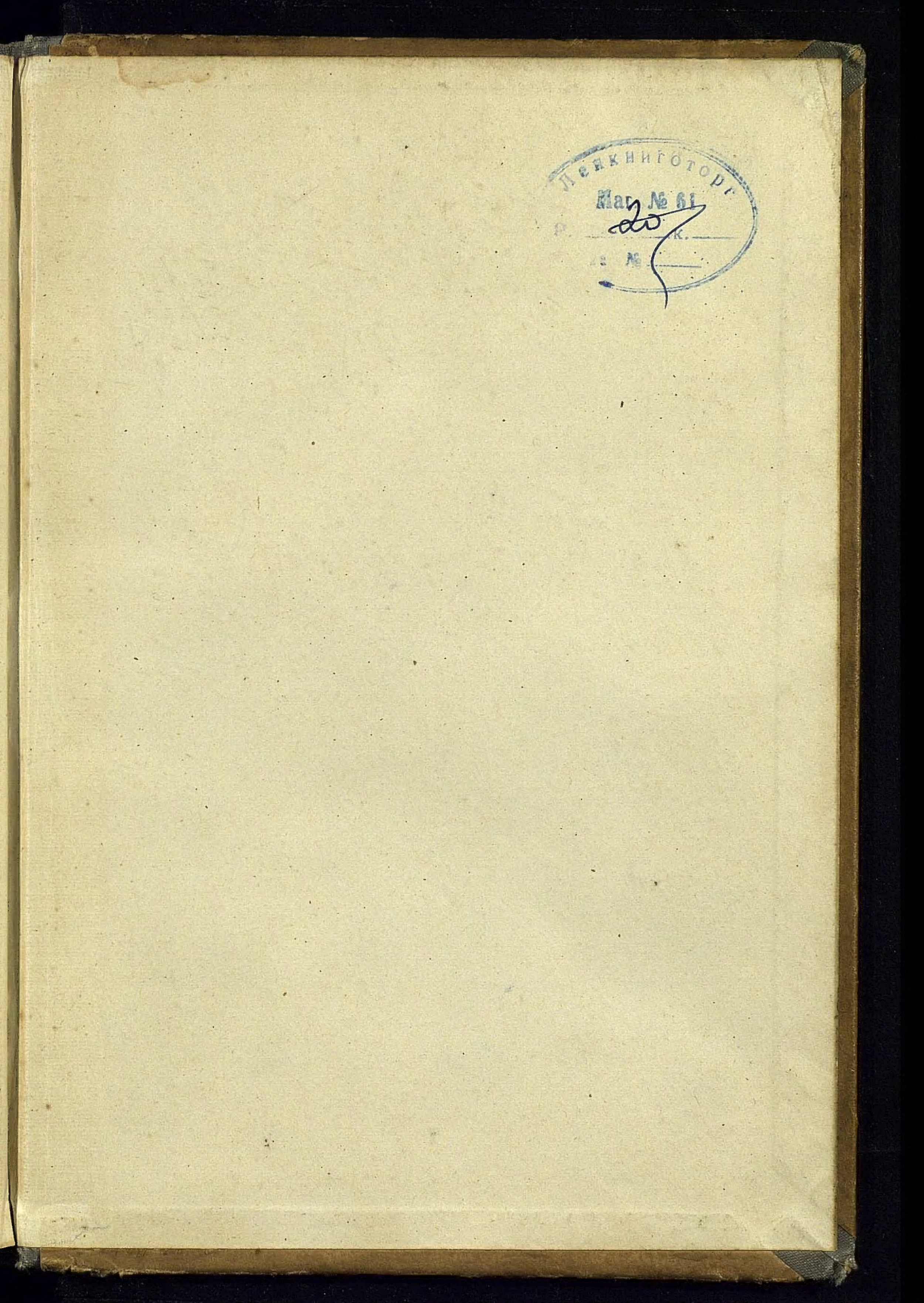
Отзывъ печати: «Кровавая и обильная событіями эпоха самозванщины и междуцаревья всегда привлекала къ себѣ вниманіе нашихъ писателей, и давала богатый матеріалъ для цѣлаго ряда историческихъ повѣстей и романовъ, лучшими изъ которыхъ по полнотѣ и содержанію считается трилогія В. П. Авенаріуса—«Три вѣнца», «Сынъ атамана» и «На Москву». Послѣдняя повѣсть охватываетъ періодъ отъ осады Новгородъ-Сѣверска Лжедимитріемъ I до трагической смерти его. Помимо всѣхъ политическихъ событій этого періода, въ ней мастерски изображены нравы и настроенія тогдашняго общества». *(«Одесскій Листокъ»).*

Создатель русской оперы, Михаилъ Ивановичъ Глинка. Біографическая повѣсть для юношества. Съ 20 портретами и рисунками. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 25 к. **Допущена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ безплатн. народн. библ. и читальни.

Отзывъ печати: «Авторъ умѣлою, опытною рукою воспользовался имѣющимся у насъ многочисленнымъ матеріаломъ о Глинкѣ и, конечно, записками послѣдняго, для того, чтобы представить художественную натуру, съ ранняго дѣтства стремившуюся овладѣть искусствомъ, казалось-бы совершенно чуждымъ окружающему ее быту... Онъ далъ молодымъ читателямъ вѣрную фигуру нашего знаменитаго композитора, а заодно и картину того быта нашего общества, который становится преданіемъ. Книга его прочтется съ удовольствіемъ». *(«Новое Время»).*

Необыкновенная исторія о воскресшемъ помпейцѣ. Фантастическая повѣсть. (Переработана для юношества). Съ 14 рисунками. Цѣна 60 к., въ папкѣ 80 к., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 10 к. **Допущена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Отзывъ печати: «Повѣсть г. Авенаріуса о воскресшемъ помпейцѣ содержитъ въ себѣ популярное изложеніе новѣйшихъ взглядовъ на культуру человѣчества... Повѣсть изложена доступно, написана увлекательнымъ языкомъ, съ знаніемъ своего дѣла». *(«Сѣверо-Западный Край»).*

Ленкниготорг
Маг. № 61

ИЗДАНІЕ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

І. В. Луковникова.

С.-Петербургъ, Лештуковъ переулокъ, уголъ Фонтанки, д. № 2—80.

Цѣна 1 р. 25 к.

Въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ коленкоровомъ переплетѣ 2 р.

Типографія М. Меркушева. Невскій, № 8.